

The poster features a large, close-up image of a tiger's face on the left side, looking towards the right. On the right side, a silhouette of a young boy is shown standing on the edge of a traditional Chinese building's roof, with his arms outstretched towards the tiger. The background is a warm, golden-brown color with some vertical streaks, suggesting a sunset or sunrise. The title 'УКРОЩЕНИЕ ТИГРА' is written in large, bold, white Cyrillic letters at the bottom. The names 'Тони Энтони' and 'Анджелы Литтл' are written vertically on the left side.

Тони Энтони
при участии Анджелы Литтл

У К Р О Щ Е Н И Е
ТИГРА

Перевод с английского

Originally published in English under the title:

«TAMING THE TIGER»

Tony Anthony and Angela Little.

Published by Authentic Media

9 Holdom Avenue, Bletchley, Milton Keynes, Bucks,
MK1 1QR, UK.

Printed in Russian by «Shandal» publishing
with permission of Authentic Media.

Энтони Т., Литтл А.

Э67 Укрощение тигра / Пер. с англ. — СПб.: Шандал, 2008. — 304 с. — (Посланники).

ISBN 978-5-93925-148-8

Эта книга — автобиографическая история трехкратного чемпиона мира по кун-фу, прошедшего долгий и трудный путь к вере в Иисуса Христа. Его рассказ — потрясающее свидетельство того, как через испытания и лишения человек приходит к Богу и как Бог преобразует его, обращая во благо все, что сам человек считал препятствиями на своем пути.

ББК 86.37

Тони Энтони
при участии Анджелы Литтл

У К Р О Щ Е Н И Е ТИГРА

**ИЗ ГЛУБИНЫ ПРЕИСПОДНЕЙ
К ВЕРШИНЕ СЛАВЫ**

**В ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ
МАСТЕРА КУН-ФУ МИРОВОГО КЛАССА**

Санкт-Петербург
Издательство «Шандал»
2008

Посвящаю эту книгу Майклу Райту,
который взывал ко мне в пустыне
и ныне продолжает взывать к другим

Укротишь тигра — сразишь дракона.

Китайская пословица

И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей. Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет, и низверг его в бездну, и заключил его, и положил над ним печать, дабы не прельщал уже народы...

Откр. 20:1—3

Благодарности

Долгий путь от истока и до выхода этой книги я проделал не в одиночку, и свою лепту в ее создание внесли многие люди.

В первую очередь мне хочется поблагодарить мою жену, Сару Энтони, за ее мудрость. Она была и остается моим лучшим другом, неутомимым вдохновителем и самым взыскательным критиком. В моем служении, приносящем удовлетворение, а порой изнеможение, она с улыбкой на устах ободряла меня, помогая переносить все трудности, и вдохновляла двигаться вперед. Кроме того, я в долгу перед своими сыновьями, Этаном и Джейкобом, которые всегда говорили: «Папочка, мы скучали без тебя», когда я приходил домой, и, обнимая и целуя меня, напоминали о том, что папа, прежде всего, нужен им в качестве равноправного участника игр и интересного рассказчика.

Особая признательность Анджеле Литтл, ибо без ее глубокой преданности нашему общему делу эта книга так и не была бы написана. Поистине, о таком соавторе можно только мечтать, мы понимали друг друга с первого взгляда, и ее неистощимый энтузиазм невероятно вдохновлял меня. Спасибо тебе, Анджела, что взялась за этот труд и довела дело до конца. Спасибо тебе, что ты правильно поняла меня — кем я был и кем стал.

Еще мне надо поблагодарить мужа Анджелы, Фила, который никогда не отказывал мне в дружеской помощи и поддержке. И их сына, Сэмюэля, на какое-то время оставшегося без маминого внимания. Я не могу не упомянуть здесь многих друзей и членов их семей, которые всячески поддерживали Анджелу во время работы над этой книгой, в особенности

Гордона и Дороти Литтл, Тони и Линду Смит, Кристофера и Линду Макинтайр. Благодарю за их практическую помощь и поддержку.

Хочу выразить признательность также Малколму Дауну и всем сотрудникам издательства «Authentic Publishing» за их увлеченность, решительность и веру в этот проект.

Моя сердечная благодарность братскому совету, который не оставлял меня без руководства и наставления в моем литературном служении, а именно Роберту Лэнду, Мартину Эди, Саре Энтони, Дейvidу Коулману, Дейvidу Дьюэллу, Патрику Расселл-Мотту, Тине Мэй, Джейн Кристиан и Луку Добсону.

Остается еще назвать моих наставников: Джорджа Вервера, Стивена Химбери, Гвин Джордан, Дейвида Чадвика и Пола Уилкокса, советы и мудрость которых направляли и обогащали мою жизнь и работу.

Наконец, мне хочется поблагодарить и вас, читатель. Спасибо, что вы нашли время прочесть мою историю.

Тони Энтони

Глава 1

Шейна Д'Соуза теперь не узнала бы и родная мать. Тюремщики буквально соскребли его обезображенное тело с пола камеры и бросили на грязные носилки. Он был избит, порезан, изнасилован и искалечен. Лужи крови растеклись по холодному бетону большими багровыми пятнами. Когда его несли в госпитальный блок тюрьмы, кровавый след тянулся по всему коридору. Заключенные, шаркая ногами, разошлись по местам. Мы все видели, кто расправился с молодым жителем Шри-Ланки, но никто из нас не сказал ни слова. И начальству было все равно. В блоке Б одним преступником — *fylakismenos*, как они называли нас, — будет меньше, вот и все. Его место вскоре займет другой. Никакого дознания не будет, и, соответственно, никто не понесет наказания. Ждать справедливости моему другу нечего.

Этот эпизод в Центральной тюрьме Никосии был вполне заурядным. Среди нас были убийцы, торговцы наркотиками и контрабандисты, гангстеры, растлители малолетних, насильники, террористы, воры и жулики: сборная солянка из образчиков человеческой испорченности; в общем, отъявленные негодяи и законченные неудачники, брошенные, как никому не нужный хлам, в зловонное месиво кипрской тюрьмы.

В тюрьме следовало блюсти множество правил, хотя все эти правила представляли собой неписанный закон. Здесь каждый из нас жил по уставу насилия. В этом была суровая необходимость. Приходилось быть предельно осторожным. Каждый был сам за себя, и кровь нередко проливалась из одной лишь жажды развлечений. И все же, Бог весть почему, между мной и Шейном установилась некая связь, как если бы мы заключили союз. Глядя на творившееся на моих глазах, я чувствовал, как во мне закипает едва сдерживаемый страшный гнев.

Аль Капоне — или «Алькапони», как называли его греки, — был препротивный, мерзкий субъект. Настоящей его фамилии никто не знал. Это был просто сумасшедший, душевнобольной преступник. Направлять таких в специальные психиатрические лечебницы судебные органы просто-напросто «забывали»; так что умалишенные преступники отбывали свой срок наказания среди остальных осужденных. Никакой закон на них не распространялся. Алькапони представлял собой наихудший образчик таковых. Дикий киприот был одиночкой, ни с кем не дружил и говорил только на своем родном языке. Он отбывал срок за убийства и групповое изнасилование — это был самый настоящий психопат. Если остальные баловались травкой и ширевом*, занимались мелким воровством (прежде всего, друг у друга воровали сигареты и шоколад — и то, и другое выступало в тюрьме в роли основной валюты) и время от времени всякими поделками, то Алькапони коротал свое время, калеча и терроризируя других заключенных. Сам он отбывал пожизненный срок и, словно исполняя чей-то наказ, с необыкновенным рвением превращал нашу жизнь в тюрьме в сущий ад.

* Ширево (*жарг.*) — внутривенное введение наркотика, обычно кустарного производства. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат переводчику.*

В день жестокой расправы, какую учинил Алькапони над Шейном, я поклялся, что отомщу за друга. Алькапони был чуть ли не на полметра выше меня. Он накачал мышцы так, что его руки были едва ли не толще, чем мои ноги, но я был уверен, что смогу одолеть его. Я прекрасно знал, что одними голыми руками уничтожу, убью его, но прежде заставлю его пострадать за каждый удар, за все его подлые, мерзкие деяния, за каждую каплю Шейновой крови.

В последующие дни в тюрьме воцарилась гнетущая, невыносимо тягостная атмосфера ожидания чего-то. Все понимали, что я отомщу Алькапони. Сейчас меня уже ничто не могло остановить. Я только выжидал момент. Прошло почти две недели, с каждым днем я распалялся больше и больше, мечтая о том, как заставлю этого безумца пострадать за все. Мне мало было убить его. Я хотел заставить его униженно просить о милости, а затем отправить к праотцам в преисподнюю. Я был мастером кун-фу мирового класса и мог запросто разорвать его в клочья. Мне это ничего не стоило, я мог расправиться с ним голыми руками. В то время я, как и большинство заключенных, носил с собой лезвие. Мы делали эти лезвия из безопасных бритв и держали под языком или прятали в других укромных местах, где было не так-то просто их обнаружить. Но, похоже, это обстоятельство тюремщиков нисколько не беспокоило. Одни находили в этом садистское удовольствие. Другие закрывали на это глаза. Что им за дело, что один из зэков перережет другому глотку?

«*Gammodi bastardos!*» Неожиданно по темному, пустынному коридору разнесся хриплый вопль Алькапони, и со всего размаху меня впечатали в стену. Я разозлился на себя за то, что меня захватили врасплох, но в кровь уже начал поступать адреналин. Наконец-то час сражения с этим мерзавцем настал!

Когда этот негодяй, уткнувшись носом в мое лицо, навалился на меня всей тяжестью громадного тела, меня затошнило от его зловонного дыхания. Лезвие бритвы уперлось мне в шею — теперь в любой момент он мог перерезать мне яремные вены. В тот же миг я впился в его лоснящееся лицо свободной левой рукой, при этом мой большой палец уперся в глазницу Алькапони: я готов был проткнуть ему глаз. Мы сцепились друг с другом, я, соображая быстро и точно, не делал ни одного лишнего движения. Я отдавал себе отчет в том, что Алькапони в любой момент может перерезать мне глотку, но это уже не имело никакого значения. Для меня уже ничего больше не имело значения. Да, я мог умереть, но сначала должен умереть он.

Я жаждал крови Алькапони. Мне ничего не стоило выдавить ему глаз, а затем откусить ему ухо. Ярость кипела во мне, но вдруг я почувствовал нечто иное. В какие-то доли секунды меня пронзило странное чувство — в моем сердце происходила борьба. К Алькапони она не имела прямого отношения. Эта битва происходила во мне самом. словно я оказался в новом для себя измерении, в котором переставали действовать врожденные, прочно укоренившиеся во мне инстинкты, делавшие меня жестоким убийцей. Когда я старался сосредоточиться на ухе Алькапони, в моей голове вдруг возникла картина прочитанного сегодня утром. Одного человека несправедливо обвинили и арестовали, а его друг, чтобы защитить его, отсек ухо рабу обвинителя. Ухо Алькапони было в пяти сантиметрах от моих зубов.

«Ну, давай же, Тони, укуси. Ведь тебе ничего не стоит сделать это», — нашептывал мне голос инстинкта.

«Нет, постой... все, взявшие меч, мечом погибнут...» Откуда это вдруг?

«Ну, давай же, откуси ему ухо! Чего ты ждешь?»

Пока страх и жажда мести боролись в моей душе, Алькапони свободной рукой двинул мне в пах. Он злоб-

но усмехнулся, обнажив свои черные, сломанные зубы, между тем как мои пальцы впивались в его лицо, растягивая и разрывая его грубую кожу. Снова я услышал голос.

«Ну, и чего ты ждешь? Хочешь, чтобы он порезал тебя, а потом изнасиловал, как Шейна?»

Однако что-то удерживало меня. А что — я не понимал. Я крепко держал этого негодяя, хотя сам был прижат к стене, но что-то не давало мне совершить следующий шаг. Два голоса боролись во мне. Минуты шли, по лицу Алькапони скатилась капелька пота, но тогда мне казалось, что время остановилось. Спор голосов относился ко всему моему существу, бросал вызов смыслу моей жизни, самой сути того, кем я сделался, сам того не желая.

Я понимал, какой голос должен был победить. Но что дальше? Должен ли я поддаться этому недоноску и стать калекой, как мой друг? Или я действительно должен довериться этому новому чувству, новому голосу, который был таким непреклонным? Неожиданно из моих уст полились слова. Это были спокойные, ясные, веские слова. Алькапони понимал только по-гречески, но в этот сюрреалистический момент я говорил по-английски. Произнося эти слова, я немного отпустил его, чего-то ожидая.

В тот же миг Алькапони встрепенулся, будто сильнейший разряд электричества пронзил его тело. Весь липкий от пота, он задрожал и покрылся гусиной кожей. Его черные объятые ужасом глаза сверкнули в темноте — я приготовился к атаке. Но тут неожиданно Алькапони разжал свои тиски, и я оказался на свободе. Мы стояли, уничтожая друг друга взглядом, нас разделяло всего несколько сантиметров. И вдруг, в одно мгновение, Алькапони развернулся и бросился бежать. Он бежал словно одержимый бесами, согнувшись и закрывая голову руками.

Следя за тем, как фигура Алькапони пропадает во мраке, я слышал его леденящий душу голос, многократно отражающийся от бетонных стен.

Ошупав шею, я снял прилипшее к телу лезвие Алькапони. От лезвия на коже не осталось никакого следа.

Глава 2

Мне было четыре года, когда этот незнакомец объявился в нашем доме. Насколько я помню, никто к нам никогда не приходил, и, когда зазвонил дверной звонок, я выскочил из комнаты наверху и с любопытством остановился у лестницы. Отец впустил этого человека и пригласил в гостиную. Незнакомец оказался китайцем, как и моя мать. Я бесшумно спустился и стал смотреть через полуоткрытую дверь. Взрослые разговаривали, но так тихо, что я не мог разобрать, о чем они говорили. Зато из своего укромного места я мог видеть лицо чужеземца. Оно было недружелюбным и неприятным.

— Входи, Антонио, — прервал мои наблюдения мамин голос.

Стараясь не смотреть на чужеземца, я прошмыгнул мимо него и попытался спрятаться за ногами отца. Однако мама тут же притянула меня к себе. Я не знал, что мне делать. Я посмотрел на папу, но папа почему-то пристально разглядывал камин. При этом он моргал не переставая, будто в глаз ему попала соринка.

Чужеземец вдруг схватил меня за руку. Я вздрогнул от неожиданности и попробовал вырваться, но он держал меня крепко. Мама осуждающе взглянула на меня, словно хотела сказать: «Успокойся». Она всегда смотрела на меня так, когда я шалил. Затем она передала

чужеземцу небольшую сумку, и, прежде чем я успел что-либо сообразить, мы оказались уже за дверью. Когда мы удалялись по тропинке сада, родители не вышли даже проводить меня.

О дальнейшем путешествии я мало что помню. Чужеземец не говорил ни слова. Так что я не знал, куда он везет меня. Оказавшись в аэропорту, я начал дрожать от волнения и страха. Может быть, меня и ожидали необыкновенные приключения, но здесь что-то было не так, мне действительно было страшно. Мы молча сели в самолет. Время шло, и мне становилось все страшнее. Полет продолжался так долго, что казалось, он никогда не кончится. Мама с папой, конечно же, скоро придут за мной. Мы вернемся домой, и все опять будет по-прежнему. Знал ли я, что этот самолет доставит меня в Китай!

В свои четыре года я вряд ли разбирался во всех перипетиях жизни своих родителей. Но в чем я не сомневался, так это в том, что мать моя страшно ненавидела меня. Находясь на борту самолета, я мог только догадываться, за что она так рассердилась на меня. Что я сделал не так на этот раз? Я знал, что я погубил мамину жизнь. Она говорила мне об этом. Наверное, поэтому она всегда злилась на меня.

Незадолго до появления этого чужеземца в нашем доме произошло событие, которого мне не забыть никогда. Мы только что переехали из тесной квартир-ки в Уэст-Энде в большой дом в Эджвере, в пригороде на северо-западе Лондона. Для меня этот дом был просто огромным, и я до сих пор помню, как с радостными криками носился из комнаты в комнату. Мама с папой купили себе в спальню большую кровать, и я решил поиграть на ней: подпрыгивал и падал, зарываясь лицом в новое пуховое одеяло. Внезапно в спальню как ураган влетела мама.

— Прекрати немедленно, глупый мальчишка! — закричала она, сильно ударив меня по ногам, а потом

подошла к туалетному столику, взяла большое ручное зеркало и принялась наводить марафет. Она, как всегда, долго разглядывала себя, а потом, выдвинув подбородок, стала не спеша красить губы, и закончила, наконец, наложением искусственных ресниц. Между тем я решил слезть на пол, зацепился за одеяло и снова шлепнулся на кровать. Это меня развеселило, и я рассмеялся.

Прежде чем я опомнился, мать уже нависла надо мной. Последовал сильный удар по голове, послышался звон стекла и пронзительный голос матери, проклинающей и ругающей меня такими словами, какие мамам не положено знать, а тем более употреблять. От жуткой боли у меня все поплыло перед глазами.

— Ну что за идиот? — кричала мать в безумии. — Теперь посмотри на себя!

Хлопнув дверью, она выскочила из комнаты. А я не мог даже шевельнуться. На моих плечах лежала рама большого ручного зеркала, множество крупных и мелких осколков впились в лицо и шею. Я заливался кровью, а когда, морщась от боли, попытался извлечь из щеки большой осколок зеркала, кровь полилась еще сильнее.

Я проснулся в тот момент, когда наш самолет приземлился, и окончательно пришел в себя, когда мы с чужеземцем спускались по трапу. Где мы? Я хотел потереть глаза, но чужеземец крепко держал меня за руку. Хотелось плакать. Вокруг все что-то говорили, но я не понимал ни слова. Голоса этих людей были пронзительными и странными. Меня охватили беспокойство и страх. Кто этот человек? Куда он привез меня? Нас окружали люди с сумками, тележками, пакетами, но это место ничем не напоминало аэропорт, в котором мы начали свое путешествие. Воздух здесь был тяжелый от сигаретного дыма и непривычных запахов. Еще не совсем проснувшись, ошеломленный и испуганный, я стал плакать, задыхаясь от рыданий.

— Ш-ш-ш! — зашипел чужеземец и так сильно стиснул мою руку, что его ногти впились мне в кожу. Острая боль и страх быстро оборвали мои стенания. Чужеземец протащил меня еще немного, и мы очутились на свежем воздухе. И только тут я понял, как далеко, очень далеко от дома я теперь оказался.

Словно испуганный кролик, я оглядывался вокруг в надежде увидеть мать или отца. Все было чужое. Здешний народ носил странную одежду. Кругом стоял шум, лаяли собаки. Неожиданно появился какой-то человек с птичьей клеткой в руках. Мы остановились. Перед нами стоял высокий худой человек в шелковом черном пиджаке с широкими, свободными рукавами и высоким воротником. Позже я узнал, что этот человек — мой дедушка. Но в тот момент нас не представили друг другу. Ни улыбок, ни приветствий, ни добрых пожеланий. Меня просто подняли и бросили в гужевую повозку деда, тот цокнул языком, и мы тронулись в путь под покровом ночи.

Выезжая из аэропорта, я обратил внимание на тени деревьев причудливой формы и на животных, снующих вокруг нас в полумраке. Мне было страшно, и меня мучило от какого-то тошнотворного запаха. (Уже потом я узнал, что это был запах лилейного мыла, которое использовал мой дедушка. Китайцы любят это мыло за его антисептические свойства, хотя меня до сих пор при одном лишь воспоминании о его гнусном, отвратительном запахе начинает тошнить.) Тогда от этого запаха я едва не сошел с ума.

Поездка, казалось, никогда не кончится. Когда наконец мы прибыли на место, вокруг стояла кромешная тьма. Я не мог различить окрестностей, но, подойдя ближе, увидел группу женщин, стоящих у ворот. Вероятно, они ожидали нас. Я не понравился этим женщинам. Я это сразу почувствовал. Но что плохого я сделал? Мне вспомнилась моя мать. Вскоре, бросая презрительные взгляды и не переставая болтать, женщи-

ны разошлись, все, кроме одной. Это была Жоумо — моя бабушка.

В доме меня зазнобило. Но на это никто не обратил внимания. Мне хотелось спросить, куда я попал, но когда я осмелился заговорить, на меня строго шикнули и жестом, приложив палец к губам, приказали молчать. Ребенок четырех лет от роду, я чувствовал себя совершенно одиноким в этом враждебном, пугающем мире.

Дедушкин дом показался мне очень странным. Я был потрясен, когда передо мной вдруг сдвинулась стена*. Бабушка подвела меня к кровати, стоящей в углу, которая не имела ничего общего с моей кроватью дома — просто палки из бамбука, лежащие на шатком каркасе. Кровать заскрипела, когда я улегся на нее, и потом, когда я ворочался, палки прищемляли мне кожу. Тонкая муслиновая простыня едва прикрывала мое тело, но я умудрился подоткнуть ее края под плечи, свернулся клубочком и заплакал. Так я лежал и тихо плакал, пока не заснул. Прошло немного времени, и я научился сдерживать свои слезы.

Люди здесь поднимались очень рано, в четвертом-пятом часу. Чтобы научить меня просыпаться вовремя, Лоуси, то есть «господин» или «учитель» (так мне было велено обращаться к дедушке), входил в мою комнату и бил меня бамбуковой палкой по голове. Вскоре я уже просыпался до того, как слышались его шаги, чтобы быть готовым на ногах приветствовать его. Но он всегда находил повод ударить меня. Избивал меня Лоуси зверски. Примерно через месяц я привык к этим побоям, хотя переносить их было всегда трудно. Лоуси бил меня по ушам, нередко до крови, тростью из молодых побегов бамбука. При этом он почти никогда не объяснял,

* В китайском доме, имеющем свою философию, традиционных в нашем понимании стен не бывает. Ставят только опоры для стен, а между ними делают передвижные ширмы и экраны.

почему избивает меня. Он прозвал меня *Ло хань цзюй-ло*, то есть «Маленький чужеземный дьявол», и считал делом своей чести «выбить из меня дух круглоглазых»*.

Обращаться со мной, как с единственным наследником по мужской линии, бабушке и дедушке следовало бы совершенно иначе. Мальчики, как полагают в Китае, приносят семейному клану удачу и честь, нередко их называют «маленькими императорами». Их балуют и обожают не только родители, но бабушки и дедушки, причем даже больше. Что касается меня, то вся беда была в том, что моя мать вышла замуж за чужеземца, итальянца по происхождению, который родился и вырос в Англии. Этим моя мама опозорила все семейство. И, похоже, расплачиваться за недостойное поведение матери должен был я.

Каждое утро я покорно следовал за Лоуси во двор, где он начинал свои утренние упражнения. В течение нескольких часов подряд я стоял и дрожал в тонком муслиновом халате, не смея даже взглянуть на деда от страха быть избитым снова. Иногда я украдкой бросал взгляды на крышу и стены дома. Они были украшены причудливыми фигурами, среди которых были драконы, птица феникс, крылатые кони, единороги и какой-то человек верхом на петухе.

Сначала я только смотрел, как Лоуси выполняет странные движения. Меня он заставлял молча стоять и глубоко дышать: вдыхать носом и выдыхать ртом. Это было страшно скучное и утомительное занятие. Дни шли за днями, недели за неделями, и я начал понимать дедушкину речь. Как он объяснил мне, его упражнения относились к системе тай-чи — практике, без которой невозможно овладеть боевым искусством кун-фу.

Вскоре до меня дошло, что мой дедушка был Великим мастером древнего боевого искусства. Все в деревне уважали его. Вот почему наш дом среди других был

* То есть западных, белых людей.

самым большим. Иногда он казался мне настоящим храмом на горе.

Подробности происхождения нашего семейного клана в моей памяти не сохранились, но я хорошо знаю, что мой дед был родом из северного Китая. В сороковые годы прошлого столетия он бежал от злодеяний японских захватчиков в Кантон*. Рожденный в семействе Су, он был прямым потомком Гун Су, входящего в так называемую «Пятерку почтенных», которые остались в живых после разрушения храма Шаолинь в 1768 году в период правления Маньчжурской династии. Скрываясь от политических преследований, Гун Су продолжал практиковать боевое искусство кун-фу. Тайны этого искусства, бережно передаваемые из поколения в поколение, дошли до моего деда, Чжэн Лин Су.

Будучи монахом монастыря Шаолинь, мой дед гордился его пятивековым наследием. После многих лет обучения в монастыре он стал развивать собственный стиль и методы преподавания боевого искусства кун-фу. Вскоре он сделался особо почитаемым Великим мастером кун-фу. Но у Чжэн Лин Су не было сына, и это означало, что род Су мог прерваться на нем. Таким образом, я сделался его неожиданным и малообещающим учеником. Возможно, поэтому, обучая меня, он и стал применять самые жесткие методы. Он знал, что мне, «круглоглазому» полукровке, в жизни придется очень и очень туго. В ближайшие годы Лоуси предстояло открыть мне многие тайны и богатства древнего искусства. А мне предстояло сделаться его дисциплинированным учеником, по-настоящему просвещенным последователем и непобедимым бойцом — мастером рукопашного боя.

Стать истинным учеником школы боевых искусств — значит принять образ жизни, отличный от всего известного в западном мире. Основанием такого образа жизни

* Кантон — европейское название китайского города Гуанчжоу.

является духовная дисциплина и практика даосизма*. Согласно древним преданиям о боевых искусствах, отцом кун-фу был индийский проповедник буддизма, монах Бодхидхарма. Жителям Китая он больше известен под именем Дамо. По одной из легенд Дамо в начале шестого века оставил монастырь в Индии и отправился в Китай распространять учение Будды. Блуждая в горах северного Китая, он нашел пристанище в монастыре Шаолинь. Шаолинь в переводе с китайского означает «юное деревце», которое, благодаря своей гибкости, склоняясь и раскачиваясь, способно пережить сильные ветры и бури. По требованию Дамо ученикам преподавали навыки медитации**, направляя на постоянные поиски истины, но монахи во время медитативных упражнений просто дремали. Дамо понимал, что это происходит вследствие их телесной слабости и немощи, и придумал ряд упражнений. Вот что он говорил в связи с этим:

Учение Будды предназначено для души, но у души есть тело — ее неразлучный спутник. Вот почему я предлагаю вам способ, с помощью которого вы сможете поддерживать вашу энергию на достаточном уровне, чтобы приближаться к Будде.

Эти упражнения представляли собой определенную последовательность движений в процессе медитации.

* Даосизм — одно из основных направлений древнекитайской философии, а также китайская религия с трактатом «Лао-цзы» в качестве основного канонического сочинения. В основе верования — поиски вечного счастья, достигаемого десятью добродетелями, и соблюдение заповедей. Основной целью последователей даосизма является достижение долголетия с помощью специфической диеты и различных физических упражнений.

** Медитация — размышление, мысленное сосредоточение, погружение внутрь себя. Во время медитации, благодаря сосредоточению мысли в определенной последовательности, достигается внутреннее состояние покоя, при котором возможно неискаженное восприятие окружающей действительности и слияние тела в единое целое с духом.

Более того, эти движения сделались базисными элементами тех боевых действий, которые помогали монахам-отшельникам и странствующим монахам, скитающимся от монастыря к монастырю, защищаться от бандитов. Но даже в этих случаях Дамо призывал учеников концентрироваться, прежде всего, не на физической силе, а на внутренней энергии «ци». Лучшими переводами этого слова, по всей видимости, следует признать следующие три: «дыхание», «дух» или «жизненная сила».

Именно развитие энергии ци является основой даосского творчества, как в сфере медицины, философии, так и в сфере боевых искусств. Во дворе у дедушки в те далекие дни я часами занимался дыхательной гимнастикой, и это не могло не сказаться в будущем на силе моего духа.

Однажды Лоуси одел меня в оранжевую одежду и повел в местный шаолиньский храм. Когда мы по бесконечно длинной лестнице поднимались ко входу, небо сияло голубизной, а в воздухе витал необыкновенно сладкий аромат.

— Воскурение ладана и цветов вишни, — сказал Лоуси. — Мы возносим курение, чтобы засвидетельствовать свое почтение Будде.

Пока дедушка от нашего имени зажигал одну за другой палочки прессованного ладана, я смиренно следовал за ним.

— От его целебного аромата твое умонастроение изменится, ты станешь уравновешенным и спокойным, — объяснил он. — Когда пойдешь путем просветления, ты сделаешься как дым ладана, поднимающийся к небесам.

Затем мой господин повел меня в укромные покои для медитации, по пути туда я украдкой поглядывал на монахов, занятых боевой подготовкой.

— Они обвязывают шнурами стопы и лодыжки, — пояснил Лоуси, заметив мой интерес. — Это нужно,

чтобы укрепить и защитить суставы во время отработки ударов ногами.

Я смотрел, с какой скоростью и силой они наносят удары пятками, и не верил своим глазам.

— Стиль аиста — это один из древнейших основных стилей шаолиньского рукопашного боя, — начал Лоуси, а я весь превратился в слух, чтобы не упустить ни слова. — Довелось однажды монаху увидеть сражение между обезьяной и аистом. Похоже было, что обезьяна запросто разорвет аиста пополам, однако птица оказалась намного хитрее обезьяны. Раскрыв крылья, она стала бросаться на обезьяну, клевать ее клювом, а затем отскакивать в сторону, и так продолжалось до тех пор, пока она не отогнала от себя это большое животное. Обрати внимание, как изящны движения монахов, — комментировал Лоуси, — как сильно и далеко они бьют одной ногой и как стоят на другой. Смотри, как они действуют руками, будто клюв у аиста шелкает.

В дальнейшем я овладел не только стилем аиста, но и многими другими традиционными стилями кун-фу. Стилей китайских боевых искусств насчитывается более полутора тысяч. Имитация повадок животных является классическим, древнейшим упражнением шаолиньского искусства кун-фу. Человек слабее животного, и, как учил меня мой господин, чтобы выжить, он должен полагаться на свой разум. И вот, чтобы точно имитировать движения и повадки того или иного животного, человеку необходимо в совершенстве овладеть мастерством статической неподвижности и динамической стремительности, размеренных движений и молниеносных атак, а также научиться наблюдать и адекватно действовать.

— Теперь смотри сюда!

Я тут же отвлекся от тренирующихся монахов.

— Сконцентрируйся на этом пламени.

Мой взгляд привлекла горящая свеча, которую Лоуси поставил передо мной.

— Сосредоточься на язычке пламени и забудь обо всем. Теперь начинай дышать.

Мы провели в храме много часов, глядя на пламя свечи. Веки мои словно налились свинцом, я уже не мог смотреть на свечу, но стоило мне закрыть глаза, как я тут же получал удар бамбуковой тростью по лицу. Лоуси бил меня всякий раз, когда думал, что я отвлекся и ослабил внимание. Целью этого многочасового созерцания было войти в контакт с ци. Мне внушали, что все в мире есть производное отрицательных и положительных сил космоса, инь и ян, которые можно гармонизировать в процессе познания ци. Как считают ученики дао, ци в человеческом теле лучше всего представить в виде потока энергии. Именно ци в организме человека управляет любым мускульным движением, процессом дыхания, регулирует функции сердечно-сосудистой и центральной нервной систем.

— Если ты полностью уравнишь ци в теле и духе, то достигнешь просветления и внутреннего покоя. Тогда в тебе откроется сверхъестественная сила, — учил меня Лоуси. — Использование ци является основой в боевом искусстве кун-фу, — продолжал он. — Эта энергия находится всегда в непрерывном движении.

Дедушка опустил руку в небольшой сосуд с водой, затем вынул ее, и на кончике указательного пальца повисла капелька воды.

— Вот тебе капелька воды. Одна лишь капелька, безобидная, кроткая и бессильная. Но что на земле, спрашивается, может противостать силе цунами? Неистовые волны цунами способны погубить землю, сметая все на своем пути. Научись управлять энергией ци, мой мальчик. Войди в поток этой вселенской энергии, и ты обретешь силу, во много раз превышающую твои физические возможности.

С годами указания Лоуси по управлению энергией ци становились для меня все более и более понятными.

Я принимал ци за «внутреннего бога», за источник моей силы. Управляя физической энергией посредством ци, я научился разбивать голыми руками кирпичи и совершать еще более удивительные вещи. Я мог распознавать движения противника во тьме и преодолевать страшную боль, распределяя ее по всему телу.

Вся моя жизнь в Китае была посвящена овладению боевым искусством кун-фу. Как новичка, меня заставляли делать самую черную и трудную работу по дому и в храме. Все это время Лоуси самым серьезным образом готовил мое тело к тренировкам. Одним из первых упражнений, которые он показал мне, было погружение рук в ведро с песком. Час за часом под неусыпным контролем деда я выполнял это упражнение, пока на моих руках не появлялись сильно кровоточащие ссадины. Через несколько недель моя кожа загрубела так, что я уже не чувствовал боли. Тогда Лоуси добавил в ведро с песком небольшие камешки, и вся процедура началась снова. Затем он стал добавлять камешки побольше, потом еще больше, и так до тех пор, пока я не научился резко опускать руки в ведро с камнями, не получая при этом ни порезов, ни ссадин.

Что касается работы по хозяйству, то я отвечал за скотину. Мои дедушка и бабушка были владельцами рисовых полей, кроме того, мы держали кур, коз, коров и лошадь. Когда я работал по хозяйству, меня обычно оставляли в покое, и я мог не опасаться жестоких побоев Лоуси. Среди животных я забывал о страданиях, связанных с тренировками под жестким контролем деда, и о ненависти, которую питал к нему.

Другим приятным разнообразием были для меня поездки на рынок с бабушкой. Конечно, мне приходилось таскать тяжеленные корзины с товаром, но это было лучше, чем терпеть беспощадные побои деда. Рынок был шумным и ярким. Люди торговались и при этом громко кричали, стараясь перекричать стук, доносящийся из множества палаток, установленных для

игры в маджонг*. Здесь продавали и покупали живой товар в клетках: собак, уток, коз, кроликов, птиц, рептилий и всякого рода рыбу на больших деревянных повозках. Я держался поближе к бабушке, чтобы меня не заметил «человек-рептилия». Это был дряхлый, сгорбленный старик с редкой седой бороденкой, жиденькими усами и лицом, напоминающим печеное яблоко. На его иссохших пальцах были такие длинные желтые ногти, что он мог острым ногтем большого пальца перерезать горло съедобным водяным черепахам, которыми торговал. В его лавке можно было найти насекомых и змей в любом виде — живых, мертвых, выпотрошенных и высушенных.

Еще одним притягательным местом был для меня аптечный ларек. Он вызывал у меня особое любопытство. На полу стояли огромные стеклянные контейнеры с гигантскими кобрами, а на полках еще ужаснее — ряды банок с частями тел животных, скорпионами, жуками всех форм и размеров, пчелами и змеями, заспиртованными в какой-то сильно пахнущей жидкости.

Как сейчас помню, бабушка вечно препиралась с торговцем травами. А я поражался стручковому перцу гигантских размеров, разнообразным ярко окрашенным порошкам и похожим на человечков корням, которые она покупала, чтобы готовить женьшеневые и имбирные настои. С улицы доносились восхитительные запахи — народ сидел на обочинах дорог и готовил пищу в больших «воках» — котлах с выпуклым дном. В 70-х годах XX века большая часть Кантона, казалось, была занята строительством. Китайцы в сандалиях, а чаще босоногие работали без усталости и возводили рядом с традиционными лачугами гигантские строения западного типа, вытворяя поистине чудеса на бамбуковых лесах.

* Китайское домино.

Избегая назойливо пристающих гадателей с их пахучими палочками, мы с бабушкой прокладывали свой путь по насыпи из щебня и по колючей траве рыночных пустырей. Мое внимание неизменно привлекали мастера-каллиграфы, которые работали прямо на улицах, и, конечно, тексты, написанные ими кистями и тушью.

— Писцы работают на специальной бумаге «сюаньчжи», которую делают из коры деревьев и мягкой рисовой соломы, — поясняла Жоумо. — Народ обращается к писцам, чтобы те написали за них письмо или оформили какую-то важную бумагу.

Вряд ли бабушка испытывала ко мне теплые чувства, хотя с огромным, как видно, удовольствием рассказывала мне об истории и традициях нашего народа. В Китае отмечают множество праздников, и Новый год среди них — самый важный. Китайский лунный календарь основан на движении Луны по ее орбите вокруг Земли, год в нем делится на двенадцать лунных месяцев. Календарный цикл повторяется каждые двенадцать лет, причем каждый год представлен тем или иным животным.

— Как гласит одна древняя китайская легенда, Будда, прежде чем покинуть землю, позвал к себе всех животных, — говорила мне Жоумо, — но проститься с ним явились только двенадцать. Чтобы наградить пришедших, Будда обещал назвать их именами череду лет в том порядке, в котором они явились по его зову. Вспоминая, кто прибыл первым, животные начали ссориться. В конце концов, чтобы прийти к согласию, решили устроить соревнование: имя первого животного, которому посчастливится добраться до противоположного берега реки, будет первым в чередѣ лет, остальные годы будут названы в том порядке, в каком животные переплывут реку. И вот, выстроившись на берегу, все двенадцать животных разом бросились в воду, но крысе при этом удалось вскочить на спину быку так, что тот ничего не почувствовал. Когда бык, опередив всех

остальных животных, уже собрался выйти на противоположный берег, крыса спрыгнула с его спины и, опередив быка на какую-то долю секунды, оказалась первой. Остальные приплыли в указанном порядке: тигр, кролик, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, петух и собака. Кабан был страшно медлительным и ленивым и потому оказался в самом конце.

Эту легенду Жоумо пересказывала мне много раз. При этом, закончив рассказ, она обычно хохотала до упаду, таким смешным и забавным казался ей бедный ленивый кабан.

— Но ты родился в год петуха, — говорила она мне. — Люди, родившиеся в этот год, всегда увлечены работой. Они быстро принимают решения и не боятся высказывать свое мнение, но будь осторожен, — предупреждала меня бабушка, — петух может быть хвастливым и слишком самонадеянным. — И пристально глядя на меня, она добавляла: — Ты будешь очень храбрым и отважным.

Приближался Новый год, наступления которого все ожидали с нарастающим возбуждением. Двадцатый день двенадцатого лунного месяца всегда выделялся для ежегодной генеральной уборки в доме. Моя бабушка именovala такую уборку «подметанием оснований». Чистоту в этот день следовало наводить во всех углах и закоулках дома. Я помогал бабушке развешивать большие ленты красной бумаги на стенах и на дверях. На них черной тушью идеальным почерком были начертаны иероглифы — поздравления и добрые пожелания семейству. Мы украсили дом цветами, мандаринами, апельсинами и большими грушевидной формы грейпфрутами, которые здесь называют «помело».

— Они подарят нам счастье и принесут богатство, — сказала бабушка, старательно раскладывая фрукты. (На самом деле это поверье проистекает из звукового совпадения разных по происхождению слов: слово «мандарин»

по-китайски имеет одинаковое звучание со словом «счастье», но различается на письме; то же самое можно сказать и в отношении слов «апельсин» и «богатство».)

— Вот наведем порядок в доме, приготовимся к празднику и проводим Цзаована — кухонного духа, — пояснила бабушка. — Согласно древнему преданию, Цзаован возвращается в первый день нового года, когда все праздничные гуляния заканчиваются.

В общем, работы было достаточно. Все угощения следовало приготовить перед Новым годом, поскольку все острые, режущие инструменты, такие как ножи и ножницы, следовало убрать подальше, чтобы не повредить новогоднему «счастью».

В канун Нового года в нашем доме собрались все члены семейного клана. Эти люди приехали со всех концов Китая, и было интересно видеть, как моя бабушка, обслуживая гостей, подходит к пустым местам, выделенным за столом для тех, кто не смог приехать.

— Это делается потому, что духом они пребывают с нами, хотя телом отсутствуют, — пояснила бабушка.

Мне хотелось спросить, есть ли здесь место и для моей мамы, но я так и не спросил. Многие из гостей относились ко мне с тем же презрением, что и мой дед, но со взрослыми родственниками приехали их дети — мои двоюродные сестры — и мне удалось по крайней мере поиграть с ними. Среди гостей была одна старая госпожа с широким улыбчивым лицом, которая то и дело с озорством подмигивала мне. Звали ее Ли Мэй, то есть «Цветущая слива». Она была сестрой моего деда. Другая его сестра, Ли Вэй, никак не соответствовала своему имени — «Прекрасная роза». На мой взгляд, она была просто уродина. Она смотрела на меня такими же хищными глазами, как и мой дед. В полночь, после пиршества, меня вместе с другими детьми заставили в знак почтения поклониться бабушке, деду и другим старшим. Я покорился и сделал все, что мне говорили, но по-прежнему ненавидел их.

На новогоднем празднике нам подарили красные конверты «лай-сэ». В них находилось немного денег с пожеланиями счастья. Каждый из нас был одет в новое платье. Мой дедушка облачился в изящный шелковый костюм красного цвета с затейливо вышитым золотыми нитками драконом.

Я быстро привык к своей новой жизни в Китае, но понял, что для этих людей я всегда буду чужим. В Англии моя мать гордилась моей восточной внешностью, но для китайцев я был прежде всего «чужеземный дьявол». Уже в шесть лет я открыл, что именно по этой причине мне отказывают в сострадании, понимании и милосердии все окружающие, и даже дети.

Однажды, возвращаясь с рынка домой, мы с бабушкой решили отдохнуть у пруда. Жоумо прилегла в тенечке, а я стал пускать голыши по воде, обходя пруд. Внезапно я оказался в окружении незнакомых ребят, чуть старше меня самого.

— Эй, круглоглазый, ты что тут делаешь? — спросил один из ребят и плюнул в меня. Я даже вздрогнул от неожиданности, стараясь понять, в чем я провинился перед ними и что они хотят мне сказать.

— Да он даже не говорит на нашем языке, — засмеялся другой мальчишка и с размаху ударил меня по зубам. — Давай, круглоглазый, скажи что-нибудь, а мы послушаем.

Испугавшись вкуса крови во рту, я начал что-то говорить, но получил еще один удар по лицу. На этот раз удар был настолько силен, что я потерял равновесие и шлепнулся в грязь. В тот же миг вся компания навалилась на меня. Они таскали меня за волосы и били руками и ногами. Маленький, задыхающийся, я звал на помощь бабушку, но бабушка не откликнулась. Ребята продолжали пинать меня и выкрикивали при этом оскорбления. Их злобные голоса какое-то время раздавались в моей голове, пока я не провалился в черную

бездну, где уже не чувствовал пинков и не слышал криков. Наступила полная тишина. И никакой боли. Полное растворение в небытии.

Несколько дней спустя я очнулся в больнице. Обе руки и одна нога были в гипсе. Острая боль отдавала в спину, стоило мне только пошевелиться.

Однажды ночью, это было еще в больнице, находясь в полусне, у своей койки я увидел Лоуси и с ним незнакомого мужчину. Всего, о чем они говорили, я не услышал, но из обрывков их слов я понял, что им известна шайка ребят, напавших на меня.

— Эти ребята из шанхайской «Триады»*, — сказал незнакомец, — приехали к одному местному семейству в гости.

— Они просто не знали, кого избили, — сказал Лоуси мрачно.

— Совершенно верно.

— Из твоих слов я должен заключить, что с ними уже разобрались?

— Да, в этом семействе с ними разобрались самым строгим образом, и их старцы намерены завтра встре-

* В 1644 г. кочевники маньчжурской династии Цин захватили Китай и разрушили знаменитый своими боевыми искусствами монастырь Шаолинь. В живых остались лишь трое монахов, ушедших за провизией. Вернувшись, троица увидела только пылающие руины и пронзенные стрелами тела товарищей. Эти три монаха и основали первую «Триаду» — «Союз Земли, Человека и Неба во имя справедливости» — для борьбы с маньчжурами-захватчиками. После того как монахи умерли, их последователи получили власть над организацией, скрепленной железной дисциплиной, беспрекословным повиновением и сторонниками, готовыми выполнить любой приказ. Однако новые лидеры «Триады» вместо партизанской войны стали уклоняться в работорговлю, пиратство, нелегальную добычу золота и рэккет, мотивируя это тем, что финансовых средств, добываемых обществом, недостаточно для борьбы с маньчжурами. С тех пор «Триада» стала мафией. Жесткой авторитарной власти КНР на протяжении последних 50 лет не удалось даже слегка пошатнуть могущество мафии.

титься с тобой, чтобы просить твоей милости и прощения.

После этого происшествия шанхайские ребята старались по возможности не попадаться мне на глаза. Все они были из семей «Триады» (печально известная китайская мафия), все владели боевым искусством кун-фу, но прекрасно понимали, что никогда не выйдут на мой уровень подготовки. Если бы тогда они знали, что я был учеником всеми почитаемого Чжэн Лин Су, то никогда не решились бы так опозорить мою семью и вообще приближались бы ко мне в почтительном трепете. Среди китайцев подобные инциденты никогда не забываются. Многие годы спустя после этого случая ребята, напавшие на меня, все еще опасались последствий той ошибки в детстве. Однажды, когда я, уже будучи взрослым, вернулся после долгого отсутствия в нашу деревню, мне передали, что один из напавших на меня решил, что я приехал отомстить. Он так перепугался, что даже готов был переехать со всей семьей в другую провинцию.

Я провел тогда в больнице много недель, но стоило мне избавиться от гипсовых повязок, как мой учитель опять вывел меня во двор, чтобы продолжить тяжелейшие физические упражнения. При этом я испытывал такие муки, что мои глаза невольно наполнялись слезами. Этого, я знал, мой учитель не потерпит. И точно, не успела первая слезинка скатиться по щеке, как я уже получил удар бамбуковой палкой по ушам. Ненависть к этому человеку прямо-таки закипела во мне. Было мне тогда всего шесть лет, но я ненавидел его всеми фибрами своей души и каждой клеточкой своего тела.

В ту ночь я проснулся в холодном поту. Доносился стрекот насекомых. Я понял, что скоро наступит рассвет. В доме царили мир и покой, но ненависть во мне, из-за кошмарных сновидений, достигла предела. От новых ран меня било в лихорадке, и я, шумно ворочаясь в постели, не мог заснуть. Образ жестокого деда с бамбуковой тростью

в руках преследовал мое воображение. Мне казалось, что это никогда не кончится. Смогу ли я выдержать еще один день? Если все повторится, мне остается только одно.

Когда я на цыпочках пробирался в кухню, мне казалось, что биение моего сердца слышно по всему дому. Там в большом ящике Лоуси прятал некоторые предметы боевого снаряжения. Мы чистили и полировали его оружие каждый день, так что я мог на ощупь определить нужное. Выбрав один из секачей, я вытащил его, повернув так, что острый как бритва клинок блеснул, осветив мое лицо.

Выглянувшая из-за бамбуковых ставней луна озарила пространство передо мной, и я смог различить силуэт спящего деда. Стоя на небольшом расстоянии, я глядел на него с гневом и отвращением. Эти чувства захлестывали меня как волны. И вдруг до меня дошло, как громко и тяжело я дышу. Тут, как ни странно, мне помогло его учение. Чтобы нанести смертельный удар, нужно успокоиться. «Сосредоточься на ци, сконцентрируйся. Твой разум должен управлять твоим телом». Справившись с дыханием, я крадучись направился к кровати деда. Тот не шевелился. Я занес секач над его грудью.

Глава 3

«Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое...» — эту молитву отец иногда читал мне перед сном. Он говорил, что он католик, потому что итальянец, и еще потому, что Бог любит католиков. Однако если Бог действительно существовал, то сейчас Он явно забыл обо мне. В моем жестоком мире Его просто не было. Моя жизнь в Англии казалась такой далекой, туманной, остались только обрывки воспоминаний. Я, например, уже не мог вспомнить лицо отца.

Конфуций учил: «Мир в государстве начинается с порядка в семье... Люди, наученные любить и почитать родителей, никогда не проявят ненависти и непочтительности к другим людям». Конфуций говорил также о любви, достоинстве и чести, почитая их за высочайшие идеалы общества.

О чести и достоинстве мне было известно многое. Эти понятия буквально вбивали в меня, в каждую клеточку моего юного тела. Но любовь? Что такое любовь? Я никогда не знал ее. Я был нежеланным ребенком, «чужеземным дьяволом» и приносил лишь позор и несчастье тем, кто должен был любить меня. Неудивительно, что я, шестилетний ребенок, испытывал такую ненависть. И возникала она легко.

Крепко сжимая рукоять секача, я размахнулся изо всех сил и...

И тут словно взметнулась какая-то мощная сила наподобие торнадо. В одно мгновение левой рукой Лоуси перехватил мою руку, в которой я держал секач, и скрутил ее за спину. Правой рукой дед схватил меня за шею и прижал к полу. Впоследствии этот прием я отрабатывал под его руководством и не раз применял на деле. Техника «дим-ло» была разработана с целью мгновенной блокировки атакующего. Этот прием напоминает родственную технику под названием «дим-мак». Если бы в этой ситуации дед использовал против меня «дим-мак», я тотчас отправился бы к праотцам.

Пальцы Лоуси цепко держали меня за шею, прижимая мою голову к полу. Я ловил воздух ртом, а сам желал покоя смерти. Теперь, оглядываясь назад, я вспоминаю, как Лоуси холодно улыбался, в то время как его пронизывающий взгляд буквально сверлил меня. По всей видимости, он жаждал увидеть именно это — живое свидетельство того, что, несмотря на нечистую чужеземную кровь, во мне пробудился дух семейства Су, причем достаточно сильный, чтобы овладеть бесценным наследием бойцов монастыря Шаолинь. Тогда я узнал всю тяжесть дедова гнева, увидел его отвращение ко мне и ненависть. Дед схватил меня за волосы и потащил из дома, по пути срывая с меня одежду и выкрикивая в лицо, что сейчас преподаст кое-кому ни на что не похожий урок.

Так и случилось. Дед избил меня до полусмерти и загнал раздетого в реку, встретительный ледяной поток. Была страшно холодная зимняя ночь. Через несколько часов ужасной боли я потерял сознание. Очнулся я в больнице в состоянии сильного переохлаждения, находясь на пороге смерти.

После того инцидента мое сердце ожесточилось и окаменело. Полностью подчинившись воле Лоуси, я походил на дикого мустанга, укрощенного и покорного своему господину. Я стану как он. Я заслужу его уваже-

ние, когда смогу биться с ним на равных. Я стану сильным, целеустремленным и решительным.

К тому времени, когда мне исполнилось восемь лет, я стал полноправным учеником. Как новичок, я систематически подвергался строжайшим испытаниям. Теперь Лоуси был доволен тем, что я полностью посвятил себя боевому искусству кун-фу. Отныне он делился со мной тайнами своего мастерства, тем более, что одновременно я начал усваивать начала даосизма и встал на путь даосского просветления.

Обучение мое и техническая подготовка успешно продвигались. Ученикам полагалось тренироваться не меньше восьми часов в день, отрабатывая новые техники, наращивая физическую силу, скорость и выносливость. Согласно распорядку дня большую часть времени я уделял тренировкам с «мок чжун» («деревянной куклой» или «деревянным человеком»). Эта нехитрая конструкция представляла собой деревянный столб с прикрепленными к нему колышками различной толщины и длины, имитирующими конечности человека и торчащими на разных уровнях и под разными углами. «Мок чжун» обычно устанавливался в специальный корпус или закреплялся на массивном основании. Лоуси вырезал свой «мок чжун» из дерева, выросшего в нашем дворе.

— С помощью «мок чжун» ты научишься прекрасно ориентироваться, точно соразмеряя угол атаки и дальность ударов, — наставлял меня Лоуси. — Учись выбирать самые эффективные приемы.

С тех пор, чтобы научиться ближнему бою, я не жалел времени, избивая кулаками и пиная ногами ни в чем не повинный «мок чжун».

Мне было интересно часами наблюдать, как Лоуси своими руками делает традиционное оружие шаолинских монахов. Из-под его рук выходили клинки всех форм и размеров, и по плану занятий я должен был затачивать их на камне, поливая маслом. Будучи Великим

мастером, мой дед находился в постоянном творческом поиске, изобретая свое собственное оружие. Овладевая боевым искусством кун-фу, я, как его ученик, незаметно набирался от него опыта и набивал руку.

Всякий раз во время путешествий мы с дедом высматривали нужные деревья, чтобы подыскать лучший материал для шестов, палок и копий. Мы часто посещали один из буддийских храмов в Тибете. Храм располагался в живописном месте, в окружении разросшихся ив. Из этих ивовых ветвей получались прямые шесты. Лоуси всегда брал с собой топорик, мы срубали ветки и гладко зачищали их. Шесты нужны были достаточно крепкие и в то же время гибкие. Мне приходилось проверять их на прочность. Для этого я разбегался с шестом в руках, а затем, отталкиваясь им от земли, взлетал в воздух, стараясь прыгнуть как можно дальше.

— Теперь смотри внимательно, — велел мне Лоуси и, взяв один из шестов, начал показывать бойцовские приемы монахов Шаолиня. С невероятной быстротой и ловкостью он продемонстрировал основные приемы защиты.

— Запомни, хороший боец прежде всего концентрируется на обороне. Ты всегда должен уметь предвидеть очередной ход противника.

Мы тренировались с восемнадцатью классическими видами оружия Шаолиня, в числе которых были булавы, копья, мечи, трезубцы и плети. Система тайчи, по которой я занимался, включала тренировки со всем этим оружием. Многие боевые средства применялись для наращивания силы, развития скорости и ловкости, а заодно и выносливости, сообразительности, маневренности в рукопашном бою. Тренировка с оружием представляла собой большую опасность, и я часто получал травмы. Однажды Лоуси подарил мне две короткие палки, соединенные шнуром.

— Простейший нунчаку, — объяснил он.

Я с интересом наблюдал, как мастерски он орудовал нунчаку, крутя им вокруг себя, и с огромной скоростью и точностью забрасывая на заранее намеченные цели.

— Запущенный в противника нунчаку может стать смертельно опасным оружием, — предупредил он.

Я стал тренироваться с нунчаку каждый день, вращая им вокруг головы и туловища в стиле бабочки, чтобы укрепить руки. Ключевой момент этой техники состоял в необходимости маневрировать этим оружием с большой скоростью, причем как можно ближе к своему телу, но без урона для себя. Я часто не справлялся с нунчаку, главным образом в положении его позади головы. Вскоре Лоуси рискнул показать мне более опасный вариант этого оружия — смертоносный нунчаку: металлические палки, соединенные цепью.

В дальнейшем я развивал физическую силу и ловкость с помощью коротких булав с удобной рукояткой. Эти десятигранные булавы были из прочного металла, и вес имели немалый. Лоуси заставлял меня работать с ними в течение многих часов подряд. Иногда он приводил меня к реке, чтобы продолжить тренировки по системе тай-чи на глубине.

— Двигайся в воде как на суше, — кричал он мне с берега, когда я пытался преодолеть течение реки. — Сосредоточься на внутренней энергии, и пусть вода вокруг тебя исчезнет, — призывал он меня, перекрикивая шум воды, и я, сопротивляясь течению, заставлял свое тело не сбавлять темпа и не терять силу.

Я никогда не подвергал сомнению приказаний Лоуси, а он постоянно ставил меня в пограничные ситуации, заставляя действовать на пределе моих сил и выносливости. На тренировках дед часто оставлял меня одного, но я упражнялся в том же темпе и с той же силой, как и в его присутствии. Мой горький опыт подсказывал мне, что он мог наблюдать за мной, даже находясь на значительном расстоянии от меня.

Однажды мы вышли на полянку возле нашего дома. Стоял прекрасный весенний день, ярко светило солнце, небо было ясным и голубым. Он вручил мне булавы и велел начинать тренировку. Я честно трудился до тех пор, пока не почувствовал ломоту во всем теле.

— Продолжай, — скомандовал Лоуси и ушел. Прошло много времени. Дед не появлялся. Может, спрятался за деревьями? Нет, сбавлять темп было нельзя. Я трудился час за часом, от страшного напряжения все мышцы нестерпимо ныли, слезы лились по щекам. Лоуси вернулся уже в сумерках.

— Теперь можешь передохнуть, — сказал он.

Дед никогда не хвалил меня и не поддерживал, но я всеми фибрами души ощущал, что постепенно заслуживаю его уважение.

Физическая подготовка была только частью моего ученичества. Желая овладеть боевым искусством кун-фу должен обладать обширными знаниями. Я изучал каллиграфию, иностранные языки, историю кун-фу и с самого детства много времени проводил, наблюдая за поведением насекомых, птиц и зверей.

Однажды Лоуси вынес во двор небольшую деревянную коробочку. Он так странно держал ее, что я, глядя на него, застыл от любопытства и... страха. Дед подозвал меня и, когда я подошел, достал из коробочки щипчиками... скорпиона.

— Посмотри, как передвигается скорпион. Гляди внимательно, ничего не пропускай, — прошептал Лоуси. — Он всегда начеку, всегда готов к сражению. Ему не нравится, когда его трогают и вырывают из привычной среды.

Он приподнял паукообразное существо за острое крючковатое жало. Скорпион стал яростно корчиться и сворачиваться. Дедушка очень осторожно положил его себе на раскрытую ладонь.

— Теперь скорпион успокоился, но взгляни, он по-прежнему начеку.

Я с инстинктивным страхом наблюдал за поведением скорпиона.

— Мне по-прежнему надо держать ладонь прямо-прямо. Однако не забывай, — не уставал предостерегать меня дед, — у руки есть своя сила. Скорпион не должен ощущать ее.

Прикованный к месту, я затаил дыхание.

— Сейчас ветерок. Смотри, чтобы скорпион не почувствовал никакой угрозы с твоей стороны, ты должен двигаться согласно дыханию ветра... — учил меня Лоуси.

Дед подержал скорпиона еще несколько секунд, а потом щелчком сбросил на землю. Я тут же отскочил в сторону и почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо. Дедушка подобрал паукообразное существо щипчиками и спрятал его в коробочку.

— Протяни-ка руку, — велел он мне.

Я сделал, как он велел, но моя рука дрожала мелкой дрожью.

— Теперь сконцентрируйся на дыхании. Замедли сердечный ритм и успокойся, тогда перестанешь потеть. Скорпион на твоей руке не должен чувствовать ни бие-ния пульса, ни влаги.

Я сконцентрировался и замедлил дыхание. Этот навык вошел мне в кровь и плоть, сделался моей второй натурой. Управляя дыханием, я научился управлять функциями всего тела, так что теперь мне удавалось снимать боль и произвольно менять температуру тела. Замедлив дыхание, я почувствовал, что паника прошла.

Открывая коробочку, Лоуси наставлял меня:

— Растворись в скорпионе. Избавься от своего «я». Сделайся скорпионом. Подумай, что он предпримет дальше? Что он видит? Что чувствует?

Осторожно поместив мне на ладонь членистоногое существо, дед не сводил с меня глаз, пока я погружался в соответствующее созерцание. Я застыл в полной неподвижности, но отслеживал все происходящее

во дворе. Внезапный порыв ветра или неожиданный шум могли потревожить скорпиона, что могло оказаться для меня роковым. Ах, как хотелось мне тогда, чтобы мой учитель избавил меня от этого испытания. Когда он наконец подал нужную команду, я избавился от паукообразного существа с быстротой молнии. Дед улыбнулся своим мыслям.

С самого начала моего пути в кун-фу я практиковался в искусстве растворения своего «я» в том или ином существе. Эта техника является основой для изучения множества шаолиньских стилей, названных по именам животных.

У нас во дворе жили богомолы*, и Лоуси заставлял меня непрерывно, час за часом, следить за их движениями, пока я не научился подражать им.

— Танлан-цюань (стиль богомола) был разработан на севере Китая во времена правления императорской династии Мин, — сказал однажды Лоуси, когда мы вместе с ним изучали этот стиль.

Преподавая любой стиль боевого искусства кун-фу, дед рассказывал мне о нем какую-нибудь интересную историю, сказку или предание.

— Считается, что основателем стиля богомола был искусный боец по имени Ван Лан; он жил в провинции Шаньдун более четырех веков тому назад, — продолжал Лоуси. — Как гласит предание, он отправился из родных мест в храм Хэнань, чтобы овладеть боевым искусством кун-фу. Но уровень подготовки в этом храме разочаровал его. И вот однажды, совершенно случайно, он оказался свидетелем сражения богомола с цикадой — существом, значительно превосходящим

* Богомол — хищное насекомое, передняя пара ног которого вооружена сильными шипами и служит для захватывания добычи. Голова насекомого очень подвижна, что позволяет ему следить за движениями намеченной жертвы. Богомолы подстерегают свою добычу с поднятыми передними ногами (от этой «молитвенной» позы и произошло их название).

богомолу по размерам и силе. Когда победу в сражении одержал богомол, Ван отнес насекомое в храм, чтобы лучше исследовать его грациозные движения и повадки. Он сопоставил результаты своих новых исследований с уже имеющимися знаниями, включавшими имитацию обманной работы ног обезьяны, и в итоге заложил основы северного стиля богомола.

Поведав это предание, Лоуси начал обучать меня стилю танлан-цюань.

— Основной боевой прием в стиле богомола — это короткий, резкий боковой удар, — сказал мне дед, складывая фаланги моих пальцев в форме шипов этого хищного насекомого. — Используй этот прием, когда понадобится атакующий, блокирующий или отражающий удар.

Затем он показал некоторые движения стиля «кулак сливы мэйхуа», разновидности стиля богомола, причем с такой скоростью, что мне оставалось только моргать, когда его кулаки отбивали пятиступенчатое стаккато.

— Запомни, преимущества богомола — это его невозмутимость, терпение и решительность. Движения богомола чрезвычайно расчетливы и эффективны. Богомол нередко использует тактический прием отступления, чтобы в конце концов победить, таким образом, в стиле богомола больше внимания уделяется обороне, чем атаке, — сказал Лоуси.

— Танлан-цюань в реальном бою используют так: захватываем кисть противника и дергаем на себя, затем заходим сбоку и подставляем согнутую руку под его локтевой сустав. Используя руку как точку опоры, наносим короткий боковой удар, и локоть противника сломан.

Объясняя этот жесткий прием, дед согнутыми пальцами в форме шипов богомола захватил ветвь стоящего рядом дерева и резким ударом переломил ее.

Одним из любимых стилей боевого искусства кун-фу у Лоуси был южный стиль змеи. Обучаться этому стилю

сложнее, чем множеству других, к тому же это одна из смертоносных техник. Удары по болевым точкам — лицу, горлу и гениталиям — здесь наносят кончиками пальцев, имитируя молниеносные броски потревоженной гадюки, кобры и питона.

— Змея, кусая до крови, наносит жертве смертельную рану, — сказал мне Лоуси. — Она впивается в тебя острым жалом — это ее коронный номер.

Лоуси сжал мои пальцы в кулак, выпрямив указательный и средний.

— Твоя цель — основные вены и артерии, — сказал он, демонстрируя перед моим носом технику удара «рука-копье». Затем, схватив меня за руку, дед прижал мой большой палец к моей же ладони.

— В этой позиции сохраняется динамическое напряжение, совсем как у кобры, — сказал он. — Кобра целится прежде всего в самые уязвимые точки — основные нервы и главные артерии.

Затем Лоуси начал рассказывать о том, как ловит добычу питон: хватает ее зубами и одновременно сжимает кольцами своего тела.

— Помимо быстроты движений питона характеризует упорство, — предупредил меня дед. — Если он набросился на жертву, то уже не упустит ее.

— Значит, он действует в технике «дим-мак»? — спросил я.

— Совершенно верно. Для стиля змеи главное — концентрация жизненной энергии ци, — продолжал Лоуси. — Чтобы подражать змее в ее мертвой, обвивающей хватке, чтобы тело твое походило на стальную пружину, тебе надо научиться мгновенно переносить ци из одной части тела в другую. Только управляя потоком ци в своем теле, ты сможешь по-настоящему овладеть стилем змеи.

Однажды, когда мы с дедом шли по лесу, находившемуся сразу за нашим домом, мне показалось, что в

подлеске прошмыгнула какая-то тварь. В процессе тренировок я научился быть начеку в любое время, и тут у меня автоматически включилось экстрасенсорное восприятие.

— Это белый тигр, — сказал мой господин, словно читая мои мысли. Сохраняя полное самообладание, он продолжал идти. — Он живет на горе. Последние полтора километра он шел за нами по пятам. А ты только сейчас заметил?

Мы пошли дальше, и Лоуси заговорил со мной о белом тигре: как он живет, передвигается, как преследует свою добычу. Мы прошли еще немного, а потом забрались на дерево.

— Теперь внимательно наблюдай. В конце концов он покажется перед нами. Ведь белый тигр ужасно любопытен, — сказал Лоуси.

Мы сидели на дереве, наверное, целую вечность, когда на полянке показалось изящное животное редкой красоты и грации.

— Он знает, что мы здесь? — спросил я.

— Конечно. Вопрос в другом — как он поступит? Следи за тем, как он движется. Хочет ли он есть? Или ему хочется просто позабавиться?

Я пожирал тигра глазами, пока тот крадучись пробирался между деревьями.

— Он, кажется, не сердится, — сказал я. Услышав мой шепот, животное широко зевнуло и распростерлось на земле среди папоротников. — И вовсе он не голодный... — заметил я с облегчением.

— Ты прав, но посмотри — он все время начеку. Он прислушивается к нашему шепоту и улавливает наш запах, когда ветерок дует в его сторону. Но мы не представляем для него никакой угрозы, потому-то он и спокоен.

Я не мог оторвать глаз от этого животного и, замерев, поражался его прекрасной шерсти, неповторимым полосам на ней и дремлющей могучей силе,

которая в любой момент готова была выплеснуться наружу в бурной смене ударов и отскоков.

В последующие недели мы постоянно находили следы этого белого тигра. Он никогда не приближался к жилищу людей, но часто спускался в лес у подошвы горы. Иногда, чтобы привлечь его внимание, дедушка приносил ему свежего мяса. В то время я начал имитировать движения тигра.

— Познай не только как он движется, — сказал Лоуси, — но и как он мыслит, как дышит. Ты должен научиться думать и действовать совсем как он. Только тогда ты сможешь овладеть стилем тигра.

Однажды мы увидели белого тигра в лесу на полянке, куда он часто приходил поиграть и отдохнуть. Мы преднамеренно подобрались к нему с подветренной стороны, чтобы он не учуял нас прежде времени и дал подойти поближе. Когда мы подошли к нему достаточно близко, тигр словно очнулся от дремоты и шевельнул хвостом, как бы приветствуя нас. Лоуси тут же взобрался на высокое дерево. Никто не лазал по деревьям лучше моего деда. Я тоже было полез на дерево, но он остановил меня.

— Ступай к нему, — прошептал он.

Да, мы наблюдали за тигром много недель, причем с относительно близкого расстояния, но я прекрасно понимал, что тигр — это очень опасное, свирепое животное. Он мог в мгновение ока разорвать меня в клочья.

— Он знает тебя. Подойди к нему как один из его детенышей. Сделайся тигренком. Отбрось страх, или он нападет на тебя и ты погибнешь, — велел мне Лоуси.

Я справился с дыханием и настроился действовать. Осторожно положив свой шест на землю и опустив руки вдоль тела, я начал медленно приближаться к зверю. «Он не должен видеть во мне никакой угрозы, — наставлял я сам себя. — Только смотреть под ноги... не смотреть на него в упор. Он должен считать меня мирным и безобидным существом».

Немногим людям в мире может посчастливиться наблюдать за белым тигром на воле. В тот день свирепый могучий зверь, положив большую голову на вытянутые лапы, позволил мне пощекотать его за ушами, словно простая домашняя кошка. Я взглянул на своего господина и улыбнулся. И тут вдруг с его стороны послышался треск — будто надломилась ветка. Я мгновенно вышел из состояния предельной сосредоточенности и от неожиданности отдернул руку. Тигр не замедлил отреагировать, больно задев меня мощной лапой. Невероятно, но мне удалось отпрыгнуть от зверя прежде, чем он разорвал мою плоть. Теперь, когда я шевельнулся, он поменял положение, чтобы поддать мне еще раз, но уже другой лапой. Он стал подниматься, и я понял, что следующее его движение будет для меня смертельным. Мне надо было сохранить жизнь. Перебороть себя. Не смотреть зверю в глаза. Подавить естественный инстинкт самосохранения и не бежать. Иначе тигр сразу же набросится на меня. Вместо того чтобы бежать, я замер с тем же смиренным видом, с каким вначале приближался к нему. Опустив глаза, я стал рассматривать тигриные лапы, в то время как он пристально смотрел на меня. Тигр перестал подниматься и, когда я медленно отступил на шаг, улегся снова.

Лоуси приветствовал меня поклоном. Впервые в жизни он почтил меня этим знаком уважения.

— А ты любознателен и способен... — сказал он и с тех пор стал называть меня «Ло Фу Цзай», то есть «Маленький тигр».

Из всех животных, движения и повадки которых я наблюдал, мне больше всего нравился тигр, и, конечно, я увлекался стилем тигра. В боевом искусстве кун-фу этот стиль отрабатывался прежде всего для укрепления костей, сухожилий и мускулов. Короткие, яростные движения этого стиля отличаются силой и мощью. Тигр по природе не драчлив и терпит, пока его не загонят в угол,

но уж потом в своей ярости он неудержим. В рукопашном сражении боец, применяющий стиль тигра, борется отчаянно и свирепо. Позиция «лапа тигра» в этом стиле очень выгодна в борьбе без оружия с вооруженным противником. Фиксируя руками оружие нападающего или не давая ему произвести сокрушительный удар, боец кун-фу лишает врага его преимуществ.

Однажды утром, мне было тогда около десяти, Лоуси повел меня в лес. Было еще очень рано, чуть брезжил рассвет. Мы проделали уже несколько километров, как обычно медитируя по пути, но на этот раз мы шли новым, неизвестным мне маршрутом. В конце пути мы оказались перед деревянной платформой, которая держалась на веревке, натянутой между стволами двух больших деревьев. Платформа восьмиугольной формы имела в поперечнике около полутора метров. С ее нижней стороны торчали сотни острых стальных шипов одинаковой длины. У меня пересохло в горле, когда я увидел под деревянной платформой истоптанную землю.

— Становись под платформу, — приказал мне Лоуси.

Как обычно, я беспрекословно повиновался. Под платформой я не сводил глаз с грозных шипов, зловеще отсвечивающих в рассеянном утреннем свете.

— Займи стойку тигра, готовящегося к прыжку.

Я принял нижнюю стойку, а дед ослабил натянутую веревку, отпуская ее до тех пор, пока между мной и платформой остался едва ли сантиметр.

— Теперь опустишься еще ниже, пусть твои бедра будут параллельны земле.

Я повиновался.

— Это стойка распластанного тигра, — сказал Лоуси. — Эта стойка не для борьбы, но она поможет тебе укрепить мышцы ног. — С этими словами он опустил платформу еще ниже. — Смотри не поднимайся, — сказал он мне и ушел в направлении к дому.

Я держался в этой стойке, казалось, целую вечность. Уже светало. Пот лил с меня градом, хотя до полуденной жары было еще довольно далеко. Ноги сводило от боли, но страх перед острыми шипами, нависшими надо мной, не давал мне даже пошевелиться. И в тот же миг, стоило мне только подумать о Лоуси, он вырос передо мной, как из-под земли. Лоуси медленно обошел вокруг платформы, проверяя мою стойку. Он видел, что я на пределе. Пот и слезы катились по моим щекам.

— Можешь облегчить позицию — протяни одну ногу вперед, — велел он мне. Мне удалось выпрямить ногу с невероятным трудом, но после этого мне действительно стало легче, по крайней мере, ногу перестало сводить судорогой.

— Эта стойка называется «лук и стрела», — сказал он. — Посмотри, одна нога у тебя согнута и напряжена, как боевой лук, а другая упирается в землю, но выпрямлена, как стрела.

С помощью этой страшной платформы Лоуси научил меня множеству нижних стоек. Каждая из них представляла собой ту или иную разновидность в стиле тигра. Мои регулярные тренировки включали бурную смену приседаний и подъемов, поворотов и прыжков из стойки «лук и стрела» в стойку «атакующей кошки» и через разворот в стойку «лошади». За многие месяцы тренировок под платформой я научился менять позиции в нижних стойках, и мои ноги окрепли настолько, что мышцы стали твердыми как сталь. И руки в результате этих занятий под руководством Лоуси стали сильными, выносливыми. Его уроки были и без того жестокими, но он еще прижимал мои руки камнями, в то время как я, опираясь на занемевшие конечности, сгибался под платформой. Боль была невыносимая, но я должен был покоряться ему.

Со временем многие из этих стоек стали настолько привычны для меня, что я мог занимать их не задумываясь, автоматически. Время от времени Лоуси

устроивал мне испытания. Однажды ночью он вошел в мою комнату и вылил на меня, спящего, ведро ледяной воды. Я тотчас проснулся, вскочил и принял боевую стойку «лошади», еще не понимая, что случилось. Но Лоуси разорался на меня из-за ошибочно принятой стойки.

— Это плечо надо выдвинуть вперед, — заорал он и ткнул мне кулаком в зубы. Потом уже совсем другим тоном велел приготовиться к тренировке и медитации во дворе.

Как-то раз Лоуси достал из корзины дорогую на вид чернильницу, прекрасный набор медных перьев в футляре и чистую бумагу.

— Я хочу, чтобы ты написал все, что узнал о боевой стойке «тигра».

С этим заданием я получил долгожданную передышку от изнурительных физических упражнений, хотя мне пришлось писать с утра до позднего вечера.

Внутренний двор нашего дома казался мне местом пыток и страданий, однако в тот день, медитируя в одиночестве, я вдруг увидел, что там было очень красиво. Прямо передо мной, выше «лунных ворот», находившихся в дальней стене двора, виднелись южные склоны Холодных гор, по-китайски Ханьшань Сы. Шурясь от яркого солнечного света, я видел там далекие очертания монастыря, приютившегося выше густых зарослей кассии. Надо мной на стенах по периметру и на крыше застыли в танце мифические животные. Когда выпадала такая возможность, я всегда как зачарованный смотрел на них. Как я узнал позже, считается, что фигурки этих животных охраняют дом от злых духов.

Как большинство китайцев, мои родственники были весьма суеверными, однако боевое искусство кунфу даровало мне веру, способную преодолевать любые страхи.

— Нет никаких богов, кроме бога внутри тебя, — не уставал повторять мне Лоуси. — Чтобы совладать со своим страхом, используй энергию ци.

Лоуси умел выбивать из меня любые страхи, причем самыми невероятными способами. Однажды мы несколько дней подряд взбирались на гору, пока не поднялись на самую вершину горного хребта. Ревела дикая буря, хлестал дождь, но Лоуси велел мне начинать упражнения. Сконцентрироваться было почти невозможно: резкий, шквальный ветер срывал с меня тонкую одежду и в любой момент мог сбросить в глубокую узкую расселину.

Вскоре после этого похода Лоуси стал возить меня по разным соревнованиям. Мы совершали паломничества в различные храмы на территории континентального Китая. Наш путь лежал до Шаньдуна и Тангу на северо-востоке, далее через Ланьчжоу и Чэнду до Тибета на западе, иногда мы добирались и до самого Пакистана. Меня учили бесстрастию, заставляли подавлять эмоции, но всякий раз, когда мы попадали в Гонконг, я едва сдерживал восхищение. Это был конец 70-х годов XX века, жизнь на острове кипела и бурлила. Воображение мое поражали спортивные автомобили, люди в шикарных костюмах западного покроя, яркая неоновая реклама и повсюду музыка.

Целью моей первой поездки в Гонконг было посетить куматай. И хотя куматай — это нелегальные состязания, тем не менее в Гонконге, наряду с прочими зрителями, ставки делали и полицейские, и другие чиновники.

— Здесь соревнуются вольным стилем и в полный контакт, то есть всерьез, до смерти. Бойцы, практикующие самые разнообразные системы боевых искусств, тут могут на свой страх и риск вступать в единоборство друг с другом, — пояснил мне Лоуси, когда мы заняли свои места на арене.

Эти соревнования (и царившая там атмосфера) отличались от других соревнований, на которых я успел побывать.

— Кровожадные звери... — сказал дед, когда заметил, как я смотрю на взбесившуюся толпу. — Так бывает всегда, когда бойцы бьются насмерть.

Мне было известно, что Лоуси сам принимал участие в куматае, причем не раз и не два.

— Наступит день, когда ты станешь победителем, — пророчествовал дедушка. И я прекрасно знал, что он прав.

Глава 4

Когда мне исполнилось двенадцать лет, дед объявил, что меня надо отправить обратно в Англию. От одной мысли о предстоящей встрече с родителями я испытывал волнение и одновременно страх. По пути в аэропорт мы с Лоуси погрузились в долгое молчание, каждый думал о своем. Когда мы подъехали к аэропорту, дед пояснил, что в Лондоне мое обучение кун-фу продолжится.

— Я договорился через Международную федерацию кун-фу в Женеве. Тебе назначат учителя и оплатят твое обучение, — добавил он. Повозка остановилась. — Я буду следить за твоими успехами, а потом, через некоторое время, ты вернешься сюда.

С этими словами он поклонился и отправился обратно.

Когда самолет взмыл в небо, я стал размышлять о том, что ожидает меня в ближайшем будущем. За те восемь лет, что я провел в Китае, я не раз прилетал к родителям, оставаясь у них иногда несколько месяцев подряд. Деятельный и оживленный Лондон всегда приводил меня в восхищение. Мне нравилось рассматривать витрины, полные игрушек, панков, слонявшихся по Трафальгарской площади, красные двухъярусные автобусы и яркие огни Пикадилли. Однако у родителей мне жилось всегда нелегко. Они ничего не желали

слушать о Китае. Прежде всего, это касалось мамы: она вела себя со мной так, как будто Китая в моей жизни никогда не было. В моем присутствии она всегда испытывала неловкость. Мы вообще не разговаривали. Не помогло и то, что я изо всех сил учился говорить по-английски. Кантонский диалект очень быстро сделался моим родным языком. Разумеется, мама тоже знала язык своих родителей, но я никогда не спрашивал ее об этом. Многое в моем семействе оставалось для меня тайной за семью печатями.

Устроившись в удобном самолетном кресле, я стал вспоминать свою последнюю поездку в Англию, когда мне было девять лет. Однажды я отправился с мамой в супермаркет. Как обычно, мама загрузила тележку всякой бакалеей и сладостями. Я заметил, как мама сунула пакет креветок под свою сумочку на дно тележки.

— Мама, ты забыла креветки, — сказал я без всякой задней мысли, когда она выложила перед кассиршей весь отобранный товар, кроме креветок.

— Ах, какая я рассеянная. Подумать только! — сказала мама смущенно и, достав пакет, снова полезла в кошелек за деньгами.

— Не волнуйтесь, — сказала молоденькая кассирша. — Каждый может ошибиться.

Когда мы вышли из магазина, мама была страшно рассержена. Ее мрачный вид выдавал затаенную злость, но я к этому уже привык. Непонятно только, что плохого я сделал на этот раз, однако в любом случае мне лучше было помолчать.

По всей видимости, я бы никогда не вспомнил об этом эпизоде, если бы он не повторился несколько дней спустя. На этот раз мама хотела украсть дорогую коробку конфет. Пока мы стояли в очереди в кассу, мама вытащила коробку из тележки и спрятала в широком рукаве пальто.

— Мама, не надо... — начал было я и тут же осекся. Суровый взгляд матери был красноречивее слов.

Эти воспоминания не давали мне покоя, я попытался вспомнить более счастливые времена. Мои мысли вернули меня к тем дням, когда мы жили в большом доме в Эджвере. Папа был преуспевающим телевизионным мастером, и его дела, по всей видимости, шли в гору. Однажды, когда он вернулся домой поздно вечером, я услышал веселые крики и смех. Один из его клиентов расплатился с ним наличными, причем речь шла о крупной, очень крупной сумме. Ворвавшись в дом, он швырнул пачку с банкнотами в воздух. Вне себя от радости, мама бросилась собирать бумажки. Развеселился и я, глядя, как папа схватил ее за талию, и они вместе радостно закружились по комнате в танце. Таким был один из немногих радостных дней в нашей семье, которые сохранились в моей памяти.

Прошло уже несколько часов полета. Я вслушивался в рокочущий гул моторов. В конце концов я задремал и проснулся в тот момент, когда наш самолет уже приземлялся в лондонском аэропорту Хитроу.

Стюардессы авиарейса, как всегда, были очень внимательны, и после окончания полета одна из них проводила меня через терминал в зал ожидания, где меня должны были встречать родители. Я шел налегке, никакого багажа у меня не было. Зал ожидания был переполнен встречающими. Я высматривал в толпе отца и мать. Вскоре я заметил их. Мама, как я всегда и представлял ее, была в изящном платье, с ярко накрашенными губами и густыми черными ресницами, ее туфельки и сумочка удачно сочетались по цвету. А вот у моего отца вид был такой, что у меня дыхание перехватило. Я помнил его высоким красавцем с точеными чертами лица, смуглой кожей и густыми черными вьющимися волосами. Теперь я увидел его в инвалидной коляске. Он выглядел маленьким, бледным, в его черных волосах появилась седина. Я приветствовал родителей легким поклоном. Мама как-то смущенно и неловко чмокнула меня в щеку.

Впоследствии я кое-что узнал о болезни отца. Оказывается, он давно был тяжело болен. Диагноз — рассеянный склероз — ему установили вскоре после моего рождения. Вероятно, из-за этого моя мать и была такой раздражительной. Быть может, я был всему виной, и потому она всегда ненавидела меня.

С отцом мне было лучше. Он часто проводил со мной время, показывая мне свои инструменты и другие интересные вещи. Меня привлекали его контейнеры с различными шурупами, болтами, винтами и гайками. Он научил меня играть в шахматы, мы конструировали с ним разные технические модели по схемам и чертежам из книг, которые он читал мне. Сам он читал большие, толстые книги по своей специальности. Хотя с папой мне всегда было весело, мы с ним не бегали, не боролись, не играли ни в футбол, ни в гольф. Теперь-то я понимаю почему. Он изо всех сил старался сохранить работоспособность, но очень быстро уставал. Часто он засыпал с книгой на коленях, когда оставался один, а мама надолго уходила в супермаркет.

Адаптация к Англии оказалась делом вовсе не простым, хотя здесь не требовалось соблюдать строгий режим, заведенный дедом, что уже само по себе было великим облегчением. Все здесь, на Западе, было чуждым для меня. Первое время я даже не мог спать в мягкой постели — приходилось спать на полу.

Родители записали меня в местную общеобразовательную школу, а по вечерам я посещал дополнительные уроки английского языка. Школу я сразу же возненавидел. У меня не было ничего общего с другими мальчиками. Их сквернословие и ругань по любому поводу, неуважительное, дерзкое отношение к преподавателям поначалу были для меня настоящим потрясением. В рамках моей культуры старших не просто уважали, но окружали почетом и слушались беспрекословно.

— Эй, ты, узкоглазый, куда направляешься? — Это был Стив Дженкинс, главарь шайки мальчишек, которые издевались надо мной, с тех пор как я впервые появился в школе. Уже много недель я терпел их, решив не связываться с ними. — Небось, к своим китаёзам, на обед?

Его приятели покатывались со смеху. Они шли за мной по школьному двору, не отставая.

— Эй, китаёза, я с тобой разговариваю. Че, не слышишь?

Я продолжал идти своим путем, но что-то внутри меня начало закипать. Конечно, нельзя лишать людей удовольствия. Но они не знали, с чем шутят. Один из важнейших принципов боевого искусства кун-фу — избегай столкновений, действуй лишь в случае самообороны. Но мальчишки не отставали. Мне уже было не по себе от их оскорблений и издевательств. Стив Дженкинс, уродливый здоровенный парень, задирали многих детей, как чернокожих, так и азиатов. Я видел однажды его вместе с отцом в городе. Оба имели обычай брить голову, а у отца на руках были татуировки с символикой Национального фронта*. Одним словом, это был мерзкий тип.

— Ну, че, китаёза, испугался, боишься говорить со мной? Ах, да, я просто забыл, ты ведь не говоришь по-английски! — И он начал кривляться передо мной, щуря глаза.

Я остановился — он не давал мне пройти. Другие пацаны подражали своему главарю, подзуживая на большие «подвиги». Тут я вспомнил день, когда ребята из «Триады» избили меня до полусмерти. Подобное не должно повториться. Дженкинс продолжал кривляться передо мной, натягивая кожу на висках, чтобы глаза превратились в узкие щелочки.

* Экстремистская профашистская партия Великобритании. В 70–80-х годах прошлого века жертвами спровоцированного партией уличного насилия сделались выходцы из Африки и Азии.

— Оставь меня в покое, — сказал я негромко, но твердо.

Со смехом Дженкинс принялся передразнивать меня:

— «В покое» говоришь? Уложим его, ребята, пусть успокоится, как просит.

Он оглянулся на свою шайку, дескать, каково, и тут же, повернувшись ко мне, замахнулся, чтобы ударить меня по левому плечу и завалить на спину. Я среагировал мгновенно и сильным ударом ногой в лицо сломал ему нос. Дженкинс рухнул на землю. Остальные смотрели с ужасом, как тот, корчась от боли, с пронзительным воплем, проклятиями и руганью делал все возможное, чтобы остановить кровь. Я посмотрел каждому прямо в глаза. Все моментально разбежались. И вовремя. Это успокоило меня.

За драку меня наказали, но не строго: учителя понимали, *что* приходилось мне терпеть в школе с первых дней. Я был учеником трудолюбивым, вежливым и дисциплинированным, а Стив Дженкинс был отъявленным хулиганом. Вскоре после этого инцидента его исключили из школы. Слух о том, что я владею кун-фу, распространился среди учеников, как пожар в ковыльной степи, и вокруг меня стали кучковаться ребята. Раньше я никогда не был в центре внимания. Ребятам нужен был главарь для общих развлечений и бурной деятельности, так что я разрывался между размеренной, упорядоченной согласно строгим канонам жизнью и новым опасным ощущением свободы. Я переживал настоящий шок от встречи с чужой культурой. Я не понимал, как мне следует вести себя среди всеобщего попустительства и вседозволенности, в то время как многим учителям приходилось вступать в поединок с учениками за элементарный порядок в классе. Меня откровенно побаивались, и мне это нравилось. Теперь никто не думал обижать меня. Уж лучше быть хулиганом, чем его жертвой.

Если бы я не продолжил обучение боевому искусству кун-фу, то, по всей вероятности, легко скатился бы на дорожку Стива Дженкинса и его дружков.

Мой дед был известной личностью и мог обеспечить финансирование моего обучения через Международную федерацию кун-фу (МФКФ), штаб-квартира которой располагалась в Женеве. Представители МФКФ позаботились о том, чтобы я продолжил свою практику в Лондоне под руководством господина Чжана. Это был очень добрый и веселый человек, мастер кун-фу с многолетним опытом. Вскоре, однако, выяснилось, что я превосходил его во многих техниках. Однако дисциплина на тренировках под руководством господина Чжана была безупречная, и она не могла не сказаться на моем успешном обучении, так что вскоре меня назначили ассистентом преподавателя в школе кун-фу. Там же я познакомился с Кингслеем, уроженцем Ямайки, также неплохо владевшим боевым искусством кун-фу. Он-то и стал моим первым настоящим другом.

Дисциплина школы кун-фу уберегала меня от улицы и вводила от проблем, хотя даже господин Чжан не слишком ограничивал меня. И все же дисциплина в школе не соответствовала тому суровому режиму, с которым в моем сознании было неразрывно связано настоящее обучение боевым искусствам. Вспоминая прошлое, я понимаю, что нуждался тогда в твердой руке, которой привык покоряться большую часть жизни. Необходимую принципиальность и твердость, да и то лишь до некоторой степени, я нашел в одном из моих преподавателей. Господин Сайзер отвечал за духовное образование. Почти все дети ненавидели его. Он был очень строгим, не терпел никаких глупостей и никому не позволял шутить над собой. Я всегда с почтением относился к старшим, но господин Сайзер был одним из тех немногих преподавателей, которых я действительно уважал. Его уроки приносили мне настоящее наслаждение. Дед много рассказывал мне о мировых

религиях. Как зачарованный, я слушал о различных практиках и системах верований, прекрасно понимая, что единственным подлинным богом является тот бог, что пребывает в сердце человека, а именно ци. Как сейчас помню, господин Сайзер рассказывал нам библейскую историю об Аврааме и о том, как тот уже готов был принести в жертву своего сына Исаака. Какое послушание своему Богу и отвагу проявил Авраам! Эта история прилась мне по сердцу. Когда-нибудь, думал я, возьмусь за Библию и почитаю из этой великой книги что-нибудь еще.

Будучи на обеспечении МФКФ, я мог участвовать в международных соревнованиях, которые проводились по различным видам боевых искусств. Такие соревнования устраивались чаще всего в азиатских странах, и там я всегда встречался с дедом. Я знал, что он делал на меня огромные ставки, и я никогда не подводил его. Ежегодно я возвращался в Китай и оставался там два-три месяца, чтобы продолжить обучение у деда. Теперь он уже не бил меня, но я по-прежнему безоговорочно подчинялся ему.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, Лоуси стал подвергать меня испытаниям в реальной жизни. Однажды мы с ним отправились в Наньчан, в провинцию Цзянси, на юго-восток от озера Поян. Я не знал тогда, что Наньчан «славился» уличным бандитизмом. «Будь всегда начеку. Жди неожиданного», — учил меня Лоуси. К моему ужасу, он велел мне раздеться до белья прямо посреди улицы. Это повеление было довольно неожиданным. Я осмелился взглянуть ему в лицо, однако, увы, и я должен был знать это, оно было непроницаемым. Дед вытащил из внутреннего кармана куртки скрученную в рулон ленту и повесил мне на шею. Меня сразу же затошнило, когда я прочел надпись: «Хум ка чжань» («Чтоб вы все сдохли!») и «Чжао ни нян дэ чжу цзун ши ба дай» («Да пошли вы все... к бабушкам и прабабушкам!»).

Лоуси подтолкнул меня в сторону темного переулка.
— Теперь пойдешь один.

Я понял, что задумал дед. Стоило мне сделать несколько шагов по переулку, как стоявшая вдали старушка тут же заскочила в дом, хлопнув за собой дверь и заперев ее на засов. Внезапно раздались громкие ругательства, и ко мне сразу подлетели восемь-девять уличных бандюг с кастетами. Переулок был узкий. Это было как нельзя кстати. Они не могли напасть на меня все одновременно. Я тотчас принял нижнюю стойку тигра. Решив использовать прием, требующий быстрой работы ног, я мысленно сосредоточился на атакующих. Первый из них набросился на меня справа. Развернувшись, я рукой блокировал его выпад и молниеносно ударил атакующего правой ногой. Не успел я отразить эту атаку, как увидел руку второго нападающего с кастетом. Тот метил мне прямо в голову. Я снова развернулся и, отбросив руку с кастетом в сторону, надолго вырубил противника боковым ударом кулака в лицо.

Продолжая быстро работать ногами, я встретил следующего противника, когда тот сделал выпад правой рукой в сторону моего лица. В одно мгновение я отвел удар противника, после чего нанес свой удар костяшками пальцев. Когда тот рухнул на землю, я воспользовался его спиной в качестве платформы, чтобы вырваться вперед и стать выше. Следующая пара нападающих выступила против меня одновременно: один стремился нанести мне удар в область сердца прямой правой рукой, другой замахнулся ногой для удара сбоку. Сначала поднятой левой рукой я отвел удар первого нападающего, а затем контратаковал его в висок тыльной стороной руки, сжатой в кулак. В тот же миг, низко наклонившись, я ушел от удара ногой другого противника и, развернувшись, ударил его в пах.

Ко мне подбежал еще один, но я подпрыгнул и пропустил его мимо себя, успев дать ему стопой в висок. Тот упал, но следующий атаковал меня прямым ударом

кулака в грудь. Выгнув спину дугой, я двинул противника коленом в пах. Двое оставшихся злобно выругались и, швырнув в меня стеклянные бутылки, бросились наутек.

Я постоял немного, чтобы отдышаться и убедиться, что поединок окончен. Тут как из-под земли появился Лоуси и поклонился мне. После чего мы поспешили оттуда убраться.

В последующие годы мы с дедом бывали в Наньчане неоднократно, и всякий раз вступали в поединок с уличной шпаной. Здесь я вновь и вновь доказывал, прежде всего, самому себе, что могу выстоять в любом бою, как бы он ни велся, по правилам или без правил. Однажды дед заставил меня наряжаться китайским оперным певцом. Мы поднялись с ним в гору и оказались в одной бедной деревне. Он размалевал меня разными красками, набросил на плечи тяжелую мантию и стал водить в таком виде по улицам, «наштукатуренного» и облаченного в неудобные тяжелые одежды. Чтобы спровоцировать местных крестьян на драку, он заставил меня выкрикивать грязные ругательства. И снова я был атакован разгневанными людьми, вооруженными тем, что попало под руку. Но серьезным испытанием для меня оказалась не толпа с дрекольем, а необходимость защищаться в тяжелой неудобной одежде, резко ограничивающей мои возможности.

Однако не все подобные разборки провоцировались дедом. Была у меня двоюродная сестра по имени Сюй Мин. Однажды во время путешествия ее похитили и заставили заниматься проституцией. Подобные преступления в Китае творятся сплошь и рядом. Сюй Мин была молода и красива, и для любого, кто не знал ее родового имени, она могла показаться легкой добычей. До нас дошло, что ее оставили в одном шанхайском борделе, действовавшем под крышей «Триады». Мы не раз обсуждали это дело на семейном совете и были уверены, что наши связи в Шанхае помогут уладить недо-

разумение и Сюй Мин немедленно освободят. Дни шли за днями, пока наконец мы не получили письмо. Мой дедушка был взбешен:

— Наш человек в Шанхае, из местной полиции, сказал, что полицейские боятся показаться на территории, контролируемой «Триадой», иначе между ними начнется междоусобица.

Вот почему я отправился в Шанхай.

Наш человек из шанхайской полиции не стал провожать меня далеко, но мне и без него было понятно, как и куда идти. Я остановился на улице около нужного дома и стал прислушиваться к голосам, что доносились изнутри. Дверь оказалась неприкрытой, и я услышал жалобный девичий голосок. Я подумал, может, это голос Сюй Мин. Что именно говорила девушка, я не мог разобрать. Стараясь не шуметь, я вошел в едва освещенную комнату. Увидев меня, девушка разразилась слезами.

— Сюй Мин!

Да, это была она. Сюй Мин бросилась ко мне, но один из мужчин, резко схватив ее за руку, толкнул в смежную комнату. Я подошел к важному человеку в костюме, сидевшему за большим письменным столом, по всем признакам, он был здесь главным, и обратился к нему:

— Многоуважаемый, я думаю, что в отношении этой девушки вышла небольшая ошибочка.

— Эта девчонка, парень, не имеет к тебе никакого отношения, — прорычал господин за столом, не поднимая головы от своих счетов.

Больше всего меня поразило то, что он даже не взглянул на меня. Тогда я заговорил решительно и уверенно, как человек, привыкший действовать быстро:

— Вы похитили...

— Мы никого не похищали, — перебил он меня.

— Боюсь, что вы меня не понимаете, — не сдавался я.

— Сюй Мин родом из Кантона, из клана Су. Вы обязаны освободить ее и извиниться перед моим дедушкой, Чжэн Лин Су.

Важный господин презрительно поморщился. Каждый знает, что за подобное оскорбление, нанесенное такому семейству, как наше, обидчик должен просить прощения и возместить ущерб. Иначе оскорбленная сторона начинала кровную месть до полного уничтожения клана обидчика. Господин хорошо понял, о чем я говорю, но, видно, не поверил, что я происхожу из семейства Су.

— Перед твоим дедушкой? — усмехнулся господин. — Ну а ты-то кто, круглоглазый? — хмыкнул он и презрительно плюнул.

Вдруг за моей спиной распахнулась дверь, и в комнату ворвались семь или восемь человек, вооруженные ножами. Понятно, это дело не могло закончиться миром. Я вытащил свой боевой топорик, и в дело вступил тигр.

Я жестоко расправился с этими наглецами и без всякого сопротивления со стороны «Триады» забрал Сюй Мин и отвез домой. Этот инцидент помог мне снискать доверие и уважение китайской родни. Чего мне как раз и не хватало больше всего.

Через какое-то время дед уже готовил меня к очередному жестокому испытанию, после которого я мог с честью носить звание мастера кун-фу. Однако сначала я прошел ряд устных и практических проверок, и только после этого меня допустили к финалу — «та шуй», или «испытанию туннелем». Это чрезвычайно опасное испытание, так что пройти его осмеливаются единицы. Немногие смельчаки входят в туннель, и еще меньше их выходит оттуда.

Мы с дедом отправились на север и через несколько дней прибыли в провинцию Шаньдун. Туннель, о котором здесь идет речь, — это, собственно говоря, длинная пещера, расположенная в подошве горы Тайшань, одной из наиболее почитаемых гор даосского

Китай. Я чувствовал себя на подъеме и готов был принять вызов. На данном этапе своего обучения боевым искусствам я не знал никакого страха и горел желанием справиться с заданием любой сложности. Был солнечный летний день, но стоило мне войти в пещеру, как я тут же ощутил холод. После яркого дневного света мне понадобилась почти минута, чтобы глаза полностью адаптировались к внутреннему освещению. Горящие факелы тускло освещали своды пещеры. Передо мной было несколько метров битого стекла. «Проще простого», — подумал я. Легкой походкой аиста я прошелся по осколкам и не почувствовал ничего, кроме слабого щекотания. После битого стекла последовали горящие угли. Однако кожа на моих ступнях огрубела настолько, что пройти по ним мне не составило особого труда. Я шел уверенно, не спеша, хотя внутренне так и рвался в бой. И вот, наконец, серьезное испытание. Увидев, что ждет меня впереди, я даже улыбнулся про себя. Это было как раз по мне. Мой путь преградила деревянная восьмиугольная рама, подбитая снизу острыми наконечниками для копий, причем поддерживалась рама несколькими бамбуковыми палками. Вся эта конструкция, представляя собой запутанный лабиринт, крепилась среди других бамбуковых палок, уложенных в горизонтальном и диагональном направлениях. Мне предстояло карабкаться между этими палками. Коснись я хотя бы одной из них, вся конструкция с острыми наконечниками обрушилась бы на меня.

Я задумался. Это было испытанием моей ловкости, сообразительности и точности. Пробраться через лабиринт я смогу, только имитируя движения ползущей змеи. Сосредоточив все внимание на положении рук и ног, я начал карабкаться между бамбуковыми палками, то выгибая спину, то удерживаясь, когда надо, лишь на одной руке. Используя горизонтальные позиции, меняя положение и позы, я пробрался через страшный лабиринт и выкарабкался на противоположную сторону.

Следующим испытанием оказалось каменное лезвие. Оно встало на моем пути, и мне пришлось идти по его острому как бритва краю. В слабом свете факела я заметил, что пол и стены с обеих сторон лезвия отблескивают. «Нефть...» — усмехнулся я. Нефть была разлита всюду. Мне оставалось идти только по восьмиметровому лезвию. К тому же пещера в этом месте была настолько узкой, что иного пути не было. Шестое чувство подсказывало мне, что это испытание — только начало, самое страшное будет впереди. Мне потребуется предельная концентрация энергии. Я успокоился, сосредоточился и направил всю энергию ци в ноги, чтобы не почувствовать боли. Сохраняя равновесие, я ступил на острый край каменного лезвия и начал передвигаться. Вдруг вижу, как по туннелю на меня мчится дикая, бешеная собака. Я тут же вспомнил слова моего господина: «Будь всегда начеку, жди неожиданного». Я понял, что собака — всего лишь средство отвлечь мое внимание. В ярости, брызжа слюной, она стала набрасываться на меня, но тщетно — ее сдерживала тяжелая цепь. Я по-прежнему контролировал энергию ци и уверенно шел по каменному лезвию.

Оставив дикую собаку позади, я осторожно пошел по пещере дальше. В ожидании опасности все мои чувства обострились. Туннель снова начал расширяться, и тут я увидел уже настоящее препятствие. Пещеру по всей ширине — от стены до стены — перегораживал деревянный помост, вся поверхность которого была утыкана острыми трезубцами. Сам помост покоился на огромном валуне. Большие колеса с массивными металлическими ободьями, на которых держалась вся эта конструкция, как будто никогда не двигались. Безусловно, это было уже серьезное препятствие на моем пути. Мне надо было перебраться на другую сторону, но нельзя было ни ухватиться, ни опереться: кругом торчали одни трезубцы.

Снова потребовалась высочайшая концентрация энергии ци, которую я направил в руки, что позволило мне уверенно надавить ладонями на трезубцы, причем изо всех сил. Конструкция не сдвинулась с места. Попробовал еще раз, помогая ногой, поставленной на острие трезубца. И опять ничего. Однако я не мог потерпеть поражение. Хотелось передохнуть, но я ушел в созерцание и сконцентрировался на управлении энергией ци. Пришлось менять тактику. Повернувшись на сто восемьдесят градусов, я налег на помост всей спиной, надеясь выиграть за счет большей площади упора.

Многие годы под руководством деда я вырабатывал привычку противостоять давлению шипов, гвоздей, копий, гарпунов и так далее. Это было одним из регулярных физических упражнений: дед, наставив на мое туловище копье, налегал на него всем своим весом. Податливую, как сухая губка, мышечную ткань пронзить очень просто. Но губка, впитавшая в себя влагу, становится упругой и прочной. Если сконцентрировать всю энергию тела в одном месте, например, в животе, кожные покровы и мышцы по тому же закону могут сделаться прочными и твердыми как камень. Таким образом, во время тренировок я очень редко получал телесные повреждения, если не считать ссадин и царапин на коже.

Конструкция скрипнула и подалась под моим давлением. Ободрившись, я продолжал попытки, но теперь начал ощущать, как вливаются мне в спину острые трезубцы. Развернувшись, я занял первоначальную позицию и, перефокусировав энергию ци и закрыв глаза, начал мысленно перемещать конструкцию. Я перенес упор на руки, и теперь все мое тело сосредоточилось на единственной цели — сдвинуть помост. И он сдвинулся, но колеса по-прежнему стояли как вкопанные. Тут я снова ушел в медитацию, призвав на помощь всю мощь своего дыхания. Я не имел права подвести Лоуси.

Он должен гордиться мною. Собрав все силы воедино, я сдвинул конструкцию на полметра в глубь пещеры и упал на колени — вся энергия прошла через мое тело в камень. Перед тем как пролезть через образовавшуюся узкую щель, я остановился с торжествующей улыбкой.

Предельно осторожно продвигаясь вперед, я заметил, что в пещере становится светлее. Испытание подходило к концу, но, зная обычай, я ожидал еще препятствие. И тут я почувствовал запах раскаленного железа. Вскоре показался выход из пещеры, я увидел яркий солнечный свет и силуэт деда в проеме. Но выход из пещеры преграждал огромный котел с раскаленными металлическими опилками. Сам котел был накален докрасна и весил, по всей видимости, больше ста килограммов. Из котла торчали металлические тигриные когти, а снаружи я разглядел изображения драконов, жаждущих растерзать мою плоть. Это было заключительное испытание храбрости, силы и выносливости. Я сосредоточился на лице Лоуси. Выражение его, как всегда, было непроницаемым. Но я вовсе не нуждался в его ободряющем взгляде. Было довольно одного его присутствия.

Я успокоился и направил энергию ци в руки. Через несколько мгновений мои руки онемели и сделались холодными как лед. Глядя перед собой, я обхватил руками раскаленных драконов. Мгновенно разнесся запах паленых волос и горелого мяса, но для меня это не имело никакого значения. Боли не было. Я собрал всю энергию и, используя силу рук, мощных как лапы тигра, снял огромный котел. Чтобы не причинить урона самому себе выступающими тигриными когтями, я держал его на вытянутых руках. Уверенно, хотя и пошатываясь, я вынес тяжеленный котел из пещеры и поставил перед моим господином. Он вдруг просиял и удостоил меня легкой улыбкой. Я оторвал руки от раскаленного котла. От них по-прежнему отдавало холодом в силу продолжающегося эффекта медитации, но, взглянув на них, я

увидел формирующиеся ожоговые пузыри в тех местах предплечий, куда впились драконы.

Особым жестом Лоуси выразил мне свое уважение и почтение. (Этим жестом показывают свое отношение друг к другу достойные противники, а также ученик и мастер.) Он символизирует инь и ян, солнце и луну. Правая кисть, сжатая в кулак и представляющая луну, упирается в основание открытой ладони левой кисти, представляющей солнце. Перед каждой тренировкой или боем я выражал преданность моему господину с помощью именно этого жеста. Теперь то же самое впервые в жизни он совершил по отношению ко мне. Для меня это было высочайшей честью. Дед подарил мне декоративный меч. Этот меч символизировал мое новое положение. Отныне я был Ло Фу Цзай, мастер кун-фу.

Глава 5

Будучи мастером боевого искусства моих предков, я думал только о том, как сохранить наследие семейства Су, а опасности не пугали меня. Всякий раз, когда я выходил на арену, на кон ставилось мастерство и честь моего деда. Я гордился тем, что мне доверено защищать его честь, хотя труд этот был нелегким.

Лучшие поединки я провел в Пакистане, в школе Ашрафа в Карачи. Ашраф и мой дед встречались на турнирах в северном Китае, когда были еще юными шаолиньскими бойцами. Оба со временем сделались известными Великими мастерами. Ашраф изучил и усовершенствовал различные техники единоборств, в том числе стиль обезьяны, змеи и южно-китайский стиль дракона. Оба мастера, глубоко уважая профессионализм друг друга, были всю жизнь жестокими соперниками. Оба исповедовали противоположные взгляды на развитие и преподавание боевых искусств. Если до моего появления дед так и не нашел достойного ученика, которому мог бы с уверенностью передать все секреты мастерства, то Ашраф принимал в школу сотни юнцов, в основном из местных крестьянских семей, и обучал их боевому искусству кун-фу. Хотя в соответствующих кругах школа Ашрафа пользовалась известностью, Лоуси пренебрежительно и резко

критиковал поведение учеников Ашрафа и их технику ведения боя. «В бою они исполнены гнева и не владеют собой, — насмехался он. — В их движениях нет подлинной красоты и точности».

Однако Ашраф колкие замечания Лоуси пропускал мимо ушей, он упивался славой и явными успехами. Годы шли, но Лоуси спокойно ожидал своего часа, надеясь на лучшее. Теперь его час пробил. С моей помощью он намеревался склонить чашу весов в свою пользу и доказать, что его техники и методы обучения далеко превосходят Ашрафовы. Именно это мне и предстояло доказать в ближайшем будущем.

Одним из самых многообещающих учеников Великого мастера Ашрафа был Раани. Он преуспел, главным образом, в стиле обезьяны.

— Ашраф считает, что ты и Раани — достойные соперники, — сказал Лоуси, когда мы отправились с ним в Пакистан.

Увидев Раани, я обратил внимание на его фигуру. Он, как и я, был угловат и мускулист, единственное отличие — ростом он был немного выше меня. Как и предполагали оба наших учителя, мы встретились в финале турнира. В турнире принимали участие около пятнадцати бойцов.

Первым на арену вышел я. Плеск нестройных аплодисментов раздался на трибунах, затем в молчаливом ожидании толпа притихла. Лоуси сидел с Ашрафом возле площадки и не сводил с меня глаз. Я ждал. Внезапно толпа взорвалась в крике, приветствиях и аплодисментах: всеобщий любимец Раани занял свое место передо мной. Мы приветствовали друг друга соответствующим жестом: приложив кулак одной руки к открытой ладони другой. На моем противнике была грубая крестьянская одежда, и выглядел он простовато и неряшливо, но толпе он нравился. Это был их герой. Зал не успокаивался, люди скандировали: «Раани, Раани». Меня никто не поддерживал. Я взглянул на своего господина.

Тот выглядел спокойным и уверенным. Такой поддержки для меня было больше чем достаточно.

Судья по имени Денью был каким-то уж совсем маленьким человечком. Подняв руки к небу, он успокоил толпу, а затем велел нам с Раани подготовиться к бою. Толпа стихла, хотя многие продолжали жестикулировать, делая свои ставки. Денью хлопнул в ладоши, и в следующее мгновение внимание всего зала было приковано к площадке.

Для отражения атаки Раани я принял боевую стойку тигра, подняв руки, как лапы с выпущенными когтями. В бою с ним я рассчитывал сочетать свои любимые приемы в стиле тигра и леопарда (движения и удары в стиле леопарда раза в три быстрее движений и ударов в стиле тигра, хотя уступают последним в силе). Наши взгляды встретились, и я начал медленно и осторожно приближаться к Раани. Тот принял очень низкую, несколько изогнутую стойку боевой лошади. В ожидании моего выпада он выдвинул вперед плечи и перенес вес тела на отведенную назад ногу. Стараясь предвосхитить его движения, я тут же отметил слабости в его стойке. За такую неряшливую технику Лоуси избил бы меня до полусмерти. Раани делал шаркающие движения ногами, размахивая руками и слегка подпрыгивая, время от времени он касался одним или обоими кулаками пола, покрытого мягким настилом с нескользящей поверхностью.

Постепенно мы сблизились, глядя друг другу в глаза. Толпа присмирела. Затаив дыхание, люди наблюдали за тем, как их любимец Раани кружится вокруг меня в попытке усыпить мою бдительность. Вдруг он сделал обманное движение влево. Пока я менял положение, чтобы отразить возможный удар, Раани попытался подсесть меня, применив прием в стиле обезьяны. В тот же миг я взмыл в воздух и перепрыгнул через него, но он успел схватить меня за левую ногу. В ответ, мощно напрягая мышцы правого бедра, я нанес короткий,

хлесткий удар по его руке пяткой. Мы оба рухнули на пол, трибуны поднялись в ожидании наших дальнейших действий. Подскочив, я принял стойку леопарда и атаковал поднимающуюся «обезьяну» серией коротких пинков.

Раани хорошо отражал пинки, отступая под обрушивающимися на него ударами леопарда. И все бы хорошо, но вот он добрался до края площадки. На какой-то миг я растерялся. У меня в голове все смешалось. Неужели он так просто уступит? Но в тот самый момент, когда его нога, как мне показалось, ступила за пределы площадки, Раани внезапно бросился на меня. Я тотчас встретил его ударом ноги в пах. Он предвидел этот удар и сумел схватить меня за правый рукав. Его обманный маневр был прекрасен, но я немедленно распознал угрозу. Уж слишком часто был я бит моим господином, чтобы не разгадать хитрости Раани. Раз за разом Лоуси проделывал этот базовый прыжок, и я вынужден был переносить на своей шкуре его весьма болезненные последствия.

Мой противник в мгновение ока скользнул вниз и, потянув меня за рукав, нанес удар ногой в область паха. Я взвился в воздух, боль, как удар молнии, прожгла меня до кончиков пальцев.

В одно мгновение я пришел в себя, отвлекся от боли и, крутясь по спирали, приземлился на ноги. Трибуны замерли от изумления, ведь при этом мне удалось сохранить равновесие. Одной ногой я был на площадке, другой — на деревянном помосте. «Обезьяна» снова налетела на меня в попытке вытолкнуть за пределы площадки. Я сделал несколько быстрых шагов по изогнутой перекладине. Теперь была моя очередь делать обманный ход. Виляя из стороны в сторону, я схватился за свой пах, согнулся и начал было падать, как бы не помня себя от мучительной боли. Боль, признаться, была действительно нестерпимой, но когда «обезьяна», в мгновение ока развернувшись, подбежала ко мне, чтобы

нанести следующий удар, я крутанулся на перекладине и одним ударом смел руки противника, а затем уж, применив прием в стиле леопарда, ударил Раани сбоку по шее. Глаза его закатились, и он рухнул на пол.

Трибуны на мгновение смолкли. Денюю отсчитывал: «Раз... два... три! Аут!» и, наконец, указал на меня — победителя в поединке. Зрители разразились оглушительными аплодисментами. Я честно заслужил их уважение и почет. После моего удара Раани пришел в сознание, но в течение еще нескольких секунд сидел оглушенный, принимая мой жест почтения, но избегая прямого взгляда. Я обернулся к Лоуси и другим старейшинам, чтобы выразить свое почтение и им. Мой господин аплодировал стоя. Это было для меня величайшей честью.

Несколько месяцев спустя был устроен еще один турнир. И мы с Лоуси в очередной раз отправились в Пакистан, куда я был приглашен на поединок с дядей Раани, Аднаном. Бой был неравным, поскольку мы не соответствовали друг другу во многом, и я был весьма озабочен, ведь теперь под угрозу ставилась моя репутация. Быть может, это была одна из уловок Лоуси, желавшего преподать мне очередной урок. Ведь я не мог знать, надеялся ли он на мою победу в поединке с Аднаном. Аднан, будучи мастером стиля горного аиста, имел передо мной несомненное преимущество. Во-первых, у него был больший бойцовский опыт и, во-вторых, — прекрасная техника.

— Этот поединок не публичный, — сообщил мне Лоуси.

Всякий поединок за закрытыми дверями — это крупные ставки. Когда люди выкладывают огромные деньги, в деле так или иначе бывают замешаны и власти.

Аднан имел такой же простоватый вид, что и его племянник Раани. Когда наши глаза встретились, обветренное лицо моего противника показалось мне решительным, сосредоточенным и недоброжелатель-

ным. Дескать, честь его господина под угрозой, и пусть все знают, что он шутить не будет.

Как тигру, мне следовало вести с Аднаном ближний бой в мощном наступательном стиле. В то же время я понимал, что во избежание прямого контакта противник изберет стиль аиста. Он будет хитрить, увиливать и бегать от меня, а затем нанесет свой коронный удар на расстоянии. Короче, неприятностей для меня здесь было более чем достаточно. Я тренировался, оттачивая смешанный стиль тигра и аиста. Мне никогда еще не приходилось видеть бойцов этих противостоящих стилей в бою друг против друга.

Так и получилось. Когда я без устали гонялся за Аднаном, тот, казалось, летал по воздуху, легко избегая моих «тигриных» ударов и «выпущенных когтей». Я бил намного сильнее Аднана, но не мог поразить противника. Тактика подводила меня, так что пришлось перестраиваться по ходу боя. Заметив мои колебания, Аднан рискнул. Изящно увернувшись от моего удара, он воспользовался «перьями аиста» и слегка двинул мне по глазам. Ослепший на мгновение, я утратил контроль над ситуацией.

Высокий тощий «аист» воспользовался этим. Вупоре руками, лежа на полу, он согнул одну ногу в колене, а другой сметающим движением сбил меня с ног. Мои ноги взлетели выше его груди, а потом Аднан всей своей массой упал на меня. Я рухнул на пол, приземлившись на верхнюю часть спины и плечи. Через какое-то мгновение я увидел, как Лоуси вскочил со своего места возле площадки. Я не имел права позорить учителя.

Один миг — и я был уже на ногах, приняв защитную стойку, но Аднан снова атаковал меня. Не давая мне ни секунды передышки, «аист» нанес мне серию ударов по голове. Пока он летал вокруг меня, я всеми силами старался не потерять ориентацию. От ударов «аиста» голова у меня сильно кружилась, но тут во мне вскипела ярость. Когда Аднан приблизился ко мне в очередной раз, я внезапно схватил его правой рукой за левое

запястье и сильно сжал. Этот захват был для Аднана совершенно неожиданным. Он вскрикнул от боли и поспешил резко выбросить другую руку. Я принял максимально низкую стойку лошади и заломил руку «аиста» за спину, одновременно отразив его пинок. Заламывая руку противнику все сильнее и сильнее, я вынудил его склониться. С безумным воплем Аднан упал на колени, преодолевая боль. Он мужественно терпел ее до тех пор, пока не завопил:

— Сдаюсь! Сдаюсь!

Когда мы позднее встретились с дедом, в его глазах мелькнул шаловливый огонек, которого я никогда не видел прежде. Он похлопал по карману своего халата. Как мне стало известно, моя победа принесла ему выигрыш в размере годового дохода. И тогда я понял, что он никогда не опозорит себя, делая ставку на меня.

Вернувшись в Англию, я продолжал работать в школе господина Чжана. Отец слабел на глазах. Мне приходилось поднимать его и водить на прогулки. Матери по-прежнему часто не бывало дома. Пожив с ними некоторое время, я незаметно для себя стал разбираться в их отношениях. Они выглядели странной парой. Оба родились в Англии, но воспитывались в строгих традициях соответственно итальянской и китайской культур. В обоих семействах к их союзу отнеслись весьма неодобрительно, и они подверглись остракизму, причем с обеих сторон. В их культурах было больше различий, чем сходств. Моя мать по-прежнему гордилась своей родословной, и ее высокомерное поведение отталкивало окружающих. Мать имела хороший вкус, любила красиво, изящно одеться, что позволяло ей непринужденно держать себя, но когда из-за болезни отец больше не смог работать, ей пришлось поставить крест на своем стремлении вести жизнь на широкую ногу. Однако прежние привычки не исчезли, о чем свидетельствова-

ли ее походы в дорогие магазины на Найтсбридж и Риджент-стрит. Но возвращаться ей приходилось все в ту же дешевую муниципальную квартиру и рассчитывать только на дотации городского совета. Ничего иного не оставалось.

Время шло незаметно. Господин Чжан несколько раз повышал мне жалование, поскольку работы в школе у меня становилось все больше и больше. Весь свой заработок я отдавал родителям. Надо сказать, что мои поездки за рубеж на различные соревнования оплачивала МФКФ. До сих пор я оставался непобедимым бойцом, и в МФКФ стали проявлять определенный интерес к моей будущей карьере. Вскоре меня уговорили участвовать в мировых чемпионатах по кун-фу. Сначала эта идея мне не очень нравилась. Многие из Великих мастеров кун-фу не признают никаких чемпионатов под эгидой МФКФ. Само название — чемпионат — не имеет никакого отношения к боевому искусству кун-фу. Мастера отправляют на соревнования своих учеников лишь с одной целью: совершенствовать технику боя. Международное признание, лесть и низкопоклонство ничего не стоили в глазах Великих мастеров.

— Звание чемпиона мира, по-моему, может носить только самонадеянный, заносчивый, наглый тип, — говорил я моему другу Кингслею, когда мы возвращались домой из школы г-на Чжана. — Я соревнуюсь лишь затем, чтобы прославить моего учителя Лоуси.

— Да ладно... Чего тебе стоит? Давай соглашайся... у тебя появится шанс прославить своего учителя на весь мир! — воскликнул Кингслей и со смехом толкнул меня в бок. — А потом, Тони, подумай, как ты поступишь с денежным призом в десять тысяч фунтов. Или ты уже подумал?

Кингслей умел рассмешить меня в любой ситуации. Возможно, он был прав. Надо было бы обсудить это с Лоуси.

Я участвовал в мировых чемпионатах на протяжении трех лет подряд: один раз — в Таиланде и дважды — в Гонконге. Подобные состязания — это всегда «бесконтактные» бои, то есть ведутся они, в отличие от «контактных», без болевых приемов. Таким образом, никто не получает серьезных травм, бойцы демонстрируют полный самоконтроль и прекрасную технику. Всякий раз в течение этих трех лет я попадал в финале первенства в четверку опытейших бойцов. И получал от этого настоящее удовольствие. Ли Чжан По из Сяня, ученик знаменитого Великого мастера Гок Сю Фуна, был самым грозным из моих противников. За эти годы мы не раз встречались с ним на различных показательных выступлениях в буддийских храмах, и у нас зародилось чувство глубокого уважения друг к другу. Когда речь идет о взаимном уважении, тогда чувству соперничества места не остается. Мы понимали, что оба прошли одинаково суровое обучение и в любой поединок вступали с одинаковой целеустремленностью. Наши поединки проходили по жесткому сценарию, и я побеждал Ли Чжан По в течение двух лет подряд. На третьем чемпионате мира, в котором я принимал участие, Ли Чжан По не было. Так что в последний раз я одержал победу без особых усилий.

Денежный приз вручили моему деду. Дед, конечно, большую часть переслал мне, а я, в свою очередь, львиную долю отдал своим родителям.

Именно в это время мне предложили другую работу — в самой МФКФ. Я стал разъезжать по всему свету, контролируя работу школ кун-фу и регистрируя действующих там учителей. Совместить образование и тренинг, не отклоняясь от истинного пути боевого искусства кун-фу — вот основная забота МФКФ. Финансирование организации идет в основном за счет созданных под ее эгидой охранных агентств, услуги которых предлагаются законным правительствам, организациям и отдельным гражданам, нуждающимся

в личной охране. Вскоре после того, как меня приняли в штат МФКФ, я стал обучать новичков приемам рукопашного боя. Помимо зарплаты мне полагались разные льготы. Мне платили приличные деньги, предоставили мотоцикл и служебную площадь в Швейцарии — квартиру поблизости от главного учебного корпуса на рю де ля Конфедерасьон в Женеве. МФКФ набирала учеников в основном из числа бывших военнослужащих, так что здесь я познакомился с людьми различных национальностей и общественного положения. Это были крепкие, крутые парни, многие из французского Иностранного легиона, десантно-диверсионных войск британской армии и американских вооруженных сил. Все они прошли курс боевой подготовки, владели приемами рукопашного боя, умели пользоваться различными боевыми техниками и оружием, но учеба и тренинг в рамках МФКФ преследовали цель усовершенствовать их профессиональные навыки по всем видам защиты и охраны различных объектов и отдельных лиц. Ясное дело, все эти парни отвечали, прежде всего, за безопасность мировой элиты, самых богатых и могущественных людей.

Каждый из моих учеников в свое время проходил курсы специальной подготовки на военных учебных базах, но моя задача состояла в том, чтобы показать им, что не менее эффективным в угрожающей ситуации может стать рукопашный бой. Много недель у меня ушло на то, чтобы научить их основным приемам рукопашного боя. Они отрабатывали профессиональные навыки в ситуациях непосредственного контакта с противником, принимая участие в освобождении заложников, в гонках и преследованиях, в спасении вверенных им лиц.

Со временем отношения между нами становились все более дружескими. Крутые парни, которых я обучал боевому искусству кун-фу, любили коротать время на дружеских вечеринках. В свободные от занятий

часы мы таскались по местным клубам и барам. Многие из наших парней баловались наркотиками и напивались до бесчувствия, но лично я был начисто лишен подобных пристрастий. Надо сказать, что даже в этих условиях я уделял индивидуальной подготовке не менее пяти-шести часов в день. Мне надлежало быть на высоте, и сделать это было возможно только с ясной головой. Вместе с тем в образе жизни телохранителя меня привлекало многое. Например, захватывающее все твоё существо ощущение опасности. Кроме того, телохранители вращались в кругу весьма важных персон, богатейших людей в мире, и в их распоряжении находилось все то, что создает роскошные условия жизни клиентов.

Добрым другом мне сделался Джин Ломм из Канады. Это был высокий парень с широкой улыбкой, густыми вьющимися волосами, и тот еще любитель пошутить. В прошлом он проходил подготовку на учебных базах французского Иностранного легиона, а в последние годы работал агентом в различных службах безопасности. Однажды вечером мы с Джином отправились поужинать. С нами был еще Саша, парень из Бельгии, и Мохаммед из Индии. Расслабившись, не заботясь ни о чем, я прислушивался к их болтовне. Парни рассказывали друг другу о своих хозяевах.

— Вот уж повезло так повезло! — хвастал Джин. — Три месяца на пляже в Маврикии. Что еще человеку надо? Громадный дом на берегу океана, яхта и «ягуар» или «БМВ-7» на выбор. Отличная работа!

— И ты называешь это работой? Чушь все это! Ты лучше о деле расскажи, — подзадоривал Джина Мохаммед. — Лежать на палубе яхты и греть пупок... я бы сдох от скуки! — усмехнулся он.

Джин сделал вид, что обиделся.

— Зато есть что вспомнить. Хозяин был серьезный бизнесмен...

— Ну, конечно... держу пари, самое интересное, что тебе поручал хозяин, так это спускать шлюпку, чтобы поплавать!

— А ствол я, наверное, держал в плавках? — Джин сделал вид, будто достает оружие, а затем наставил воображаемый пистолет на Мохаммеда. Тот громко рассмеялся.

— Господ просят не волноваться! Все свое ношу с собой, — добавил индеец, похлопывая себя по нагрудному карману. Телохранитель, как правило, не расстается с оружием ни при каких обстоятельствах.

— Послушай-ка, Тони... А ты-то что робеешь? — спросил Саша, подмигнув другим. — Неужели тебе не хочется бросить эту бодягу с тренингами и заняться серьезным делом?

— Он прав, — согласился Мохаммед. — Ты зря трастишь свое время. Ты только подумай обо всех этих одиноких богатых леди, которые спят и видят, как их охраняет такой хорошенький мальчик вроде тебя.

Все весело рассмеялись.

— Ну, конечно, я просто мечтаю стать для такой дамочки чем-то вроде модного аксессуара, как вы, парни, — парировал я с усмешкой.

Разговор быстро съехал до уровня баек о богатых женщинах, щеголявших своими телохранителями как сережками с бриллиантами или норковыми шубками. Но не все было так просто. Я понимал, что все эти люди, если говорить не в шутку, а всерьез, могли принимать участие в обеспечении безопасности мероприятий и лиц мирового масштаба. Это были ребята, которых с чистой совестью можно назвать профессиональной элитой, обученной становиться орудием возмездия в случае террористической атаки, способной брать на себя полную ответственность за обеспечение безопасности мировых знаменитостей, дипломатов, членов королевских семей и высокопоставленных правительственных чиновников. Да, я мог представить себе их работу во всей полноте.

МФКФ приветствовала мое решение перейти в охранные структуры и оплатила мою учебу и все тренинги,

необходимые для получения квалификации телохранителя. Учиться приходилось многому. Я практически ничего не знал о системах и образцах огнестрельного оружия, но, как оказалось, был приличным стрелком и вскоре научился обращаться с различным оружием. Мы учились пользоваться винтовками с оптическим прицелом (для антиснайперских операций), скорострельными полуавтоматическими карабинами (чтобы поражать цели на расстоянии), духовыми дробовиками двенадцатого калибра и самыми разнообразными образцами ручного огнестрельного оружия, пистолетами и револьверами. И все же по-прежнему увереннее всего я чувствовал себя в рукопашном бою. Я всегда предпочитал холодное оружие. В этом у меня было много общего с нашим инструктором, который обучал нас правильному обращению с ножами и другим холодным, колющим и режущим, оружием. Он был родом из Бирмы и, так же как я, проходил подобное обучение и подготовку с детства. Здесь следует подчеркнуть, что знаменитый стиль тигра боевого искусства кун-фу зародился в древней Бирме, и неудивительно, что этот инструктор часто давал мне демонстрировать блоки и атаки тигра с использованием ножа или мачете.

Кроме того, я прошел курс обучения безопасному вождению автомобиля, внешнему наблюдению, обслуживанию систем тревожной сигнализации, парамедицине, международному уголовному праву, борьбе с терроризмом, работе с взрывчатыми веществами и другим дисциплинам. Учиться приходилось много и упорно. Особенно много было письменных работ. Помимо всего прочего, мы основательно изучали иностранные языки. Я не отступил перед этими трудностями и имел высокие оценки по всем предметам. Время пролетало быстро, и вот я уже был готов принять присягу телохранителя. Наш девиз — «Deum Solem Timidus» («Одного Бога боимся») — вызывал у меня улыбку: ведь

я не боялся никакого Бога, для меня не существовало Бога, кроме бога внутри меня.

Моей первой тренировочной работой стала работа с Уинстоном. Уроженец Чикаго, он был опытным телохранителем и многие годы служил у одной и той же хозяйки. Леди Диана была весьма зажиточной голландкой, проживающей в Швейцарии. Я поразился, когда впервые увидел ее громадную резиденцию, укрытую высоко в горах. Такой роскоши и богатства мне еще не приходилось видеть. Вообще-то леди Диана вела довольно замкнутый образ жизни. Она жила с сыном по имени Грегори, не по годам развитым ребенком, и держала домашнюю прислугу. Кроме редких походов по магазинам и посещений выставок-продаж произведений искусства, она нигде не бывала. Работать с Уинстоном было приятно. Я многому научился у него: обеспечению охраны и безопасности, внешнему наблюдению и непосредственной защите важных персон в критических ситуациях. Что касается реальной обстановки в доме леди Дианы, то я быстро сообразил, что основная угроза исходит от ее мужа, отстраненного от воспитания сына. По решению суда Грегори жил с матерью, но муж леди Дианы был известный гангстер, и было понятно, что он своего не упустит. Все в доме боялись, что так или иначе он постарается выкрасть ребенка из дома матери. Но, пока у них работал Уинстон, ничего подобного не происходило. В руководстве МФКФ считали, что мое практическое обучение в резиденции леди Дианы связано с относительно небольшим риском, что и требовалось для учебной программы. Я уже с нетерпением ожидал того дня, когда буду работать с полностью укомплектованной группой, обеспечивающей непосредственную безопасность объекта с пяти постов внешнего наблюдения. Быть руководителем группы в подобных ситуациях опаснее всего, поскольку именно

руководитель обычно становится главной мишенью наемных убийц.

По прошествии некоторого времени Уинстона перевели на другой объект, и я остался один. Однажды я получил от охранника с главных ворот сообщение по рации.

— Чтоб ты знал, Тони, здесь кое-что доставили по хозяйству.

— Доставили? Что доставили?

— Не знаю я. Подъехал белый фургон — для прачечной или что-то вроде того. Впереди сидят два парня в белых халатах. Ну, ты понимаешь, о чем я...

— Нет. Узнай, кто они такие и чего хотят.

С этими словами я пробежал глазами список мероприятий на этой неделе, хотя точно знал, что в этот день ничего подобного не намечалось.

— Прошу прощения, Тони, но я уже впустил их.

— Идиот! О чем ты думаешь? — Я был в ярости. Леди Дианы дома нет, а Грегори находится на втором этаже со своей *au pair* *. Я тут же рванул к ним.

— Оставайтесь здесь, и ни шагу из этой комнаты! — прокричал я в лицо испуганной девушке и помчался вниз по лестнице, отбросив в сторону всю теоретическую подготовку и протокол. Мне, конечно, следовало оставаться с мальчиком и немедленно вызвать полицию, но я думал прежде всего о злоумышленниках.

Не успел я отворить переднюю дверь, как увидел двуствольный духовой дробовик, направленный мне в лицо.

— Мы приехали за мальчиком, — сказал на французском языке человек с дробовиком.

Я не мог выглянуть за дверь, так что понятия не имел, сколько еще стволов за его спиной. Как сказал

* Здесь — живущая в семье (или приходящая) иностранка, помогающая по хозяйству, заботящаяся о ребенке и обучающая его своему языку в обмен на стол и кров. Услугами такой помощницы пользуются обычно состоятельные семьи.

охранник у ворот, подъехал фургон с двумя мужчинами в белых халатах. Я впился взглядом в бандита перед собой и был уверен, что другой стоит за ним слева. Остальные, скорее всего, прятались внутри фургона. Мне надо было соображать быстрее.

Я ринулся вперед на двустволку, и это дало мне возможность очистить дверной проем. Мой расчет оправдался: бандюга передо мной не успел выстрелить, а это дало мне возможность в мгновение ока оценить обстановку и понять, с каким числом злоумышленников предстоит иметь дело. Один стоял слева, еще трое — справа. Как мне показалось в тот момент, они были безоружны, хотя второй бандит — тот, что был слева, — что-то держал в руке. Резким ударом я оттолкнул дробовик от себя, вмиг развернув его прямо в лицо первого бандита. Пока второй целился, я ударил его ногой так, что его револьвер пролетел над головами троих справа, а сам он рухнул на землю без сознания. Это был неудачный ход с моей стороны, неграмотный. Теперь любой из них, кто сумеет дотянуться до оружия, прикончит меня в два счета. Прикладом двустволки я ударил в лицо первого бандита, а потом бросился к оставшимся троем, нанося удары кулаком и стопой в стиле обезьяны. Все трое рухнули на землю. Справившись с троицей, я заметил, как злоумышленник, которого я вырубил первым, спотыкаясь, тянется за оружием. Запрыгнув на спину одного из лежащих на земле бандитов и воспользовавшись им как платформой, я достал бандюгу резким ударом «лапы тигра» в затылок. Тот рухнул, между тем как другие корчились на земле от боли.

Охранник, к этому времени заподозривший что-то недоброе, связался по рации с кухней. Повар позвонил в полицию. К приезду полицейских стонущие и искалеченные бандиты уже лежали на ступенях, ведущих в дом. Я стерег их с трофейным духовым дробовиком в руках.

Гордиться собой я не мог. Я оставил подопечного и тем самым нарушил первый закон телохранителя. Еще

совсем мальчишка, я был слишком самоуверен и рвался в бой. Если бы все пошло по иному сценарию, то Грегори и всей прислуге грозила бы серьезная опасность. В таких ситуациях инструкцию нарушать не позволено никому. Это урок не из легких, но я усвоил его крепко-накрепко, раз и навсегда.

В течение последующих лет я быстро поднимался по ступенькам служебной лестницы. Многие из моих клиентов жили под постоянной угрозой похищения, мести или убийства. Однако мне всегда удавалось выходить из сложнейших ситуаций с честью, так что, сделавшись одним из главных специалистов МФКФ в охранном бизнесе, я действовал по особым поручениям самых влиятельных людей мира.

Несколько месяцев я работал с американцем Уильямом Блэком. Это был деловой, здравомыслящий человек. Он вкладывал свои капиталы в строительство небоскребов в центре Манхэттена. Я стал его главным телохранителем. Он любил называть меня своим «указателем». Очевидно, по той причине, что я по привычке указывал пальцем на того, с кем говорил.

Моим долгом было знать о нем все — от обстоятельств, в которых будет проходить та или иная его встреча, до того, с каким хлебом в этот день он предпочтет бутерброд на завтрак. Особая статья — женщины. Уильям был неисправимый донжуан. К моему крайнему раздражению, его интрижки нередко нарушали его же план работы на день, и мне приходилось в течение дня менять наш маршрут в угоду его прихотям. Все это прибавляло лишних хлопот и головной боли не только мне, но и другим членам нашей команды. В зависимости от того, куда и по какому делу он ехал, число его телохранителей менялось — это мог быть я с напарником или вся группа из пяти человек, бывших под моим началом.

В принципе, пока мой подопечный курсировал по Соединенным Штатам, он был в относительной без-

опасности. Но стоило его ноге ступить с трапа самолета на чужую землю, он мог попасть практически в любой переплет. Для богатого, могущественного бизнесмена высшего ранга путешествие становится на порядок опаснее, особенно в том случае, когда он попадает в страну, политика которой носит откровенно антиамериканский характер.

Однажды я получил сообщение от личного секретаря Уильяма. Его люди организовали ему деловую встречу в Саудовской Аравии. Прочитав записку, я швырнул ее на стол.

— Что, неприятности? — спросил Генри, мой сослуживец.

— Нас отправляют в Саудовскую Аравию. На подготовку — неделя! — раздраженно ответил я. — Это немыслимо мало. Они что, не соображают, что ли?

В тот вечер мне пришлось задержаться на работе и проторчать там допоздна, оценивая риски, а попросту говоря, составляя прогноз того, что могло приключиться с Уильямом Блэком в Саудовской Аравии.

Уильям должен был встретиться в Эр-Рияде с братьями Фахали, двумя скандально известными, политически влиятельными инвесторами. Братья были расстроены тем, что несколько месяцев тому назад одна из принадлежащих им фирм была поглощена организацией Уильяма. Они пригласили его на прямые переговоры с целью вернуть семейное владение. Моему боссу не хотелось расторгать с братьями выгодной сделки, но вся проблема состояла в том, что поглощенная фирма была уже пущена в перепродажу. Короче говоря, все пути назад отрезаны. Надо было приступать к переговорам, а Уильям уже был связан по рукам и ногам.

Бизнес, подогреваемый таким фамильным интересом, моему клиенту выходил боком. Я прекрасно понимал, что новое задание, несомненно, будет сопряжено с повышенной опасностью, особенно в этой стране Ближнего Востока. В моем представлении, мы отправлялись

в непредсказуемую, враждебную среду. В докладной записке своему начальству я сделал упор на то, что планируемая поездка в Саудовскую Аравию для моего клиента предприятие весьма рискованное. Прежде всего, я должен был обеспечить его личную безопасность. В заключение я рекомендовал провести будущие переговоры, если уж нельзя исключить участие в них самого Уильяма, на относительно нейтральной территории. В том случае, если место встречи изменить нельзя, моя команда должна приехать в Саудовскую Аравию раньше босса, и чем быстрее, тем лучше, поскольку на необходимые проверки и организацию потребуется много времени.

Я получил ответ по факсу в тот же день. Мою докладную отправили в юридическое бюро Уильяма, но там ее проигнорировали. «Советники г-на Блэка считают, что рычаги воздействия на братьев Фахали (соотношение между собственным капиталом их компании и заемными средствами) достаточно сильны и риск данного предприятия невелик, — был их ответ. — Итак, никоим образом не желая ставить под угрозу контракт МФКФ с г-ном Блэком, мы просим вас в ускоренном порядке подготовиться к сопровождению вашего клиента в Саудовскую Аравию».

Разумеется, я тут же в сердцах набросал факс в Швейцарию, Сандре Зэпл. Именно через нее я держал связь с нашим офисом, когда приходилось обсуждать нюансы организации заграничных путешествий и вопросы оперативного наблюдения. Затем я схватил телефонную трубку и велел Генри явиться ко мне как можно быстрее.

— Привет, дорогие! — слышался в трубке голос Сандры.

Мы с Генри только ухмыльнулись друг другу. Никто из нас не знал Сандру лично, но голос ее звучал всегда бодро и весело, так что случался между нами — дело житейское — безобидный флирт.

— Добрый день, Сандра, — ответил я, а потом добавил шутливым тоном: — Ну и каша заварилась, а расхлебывать-то нам с тобой.

— Да, мой милый, но мы делаем то, что нам велят. Что тут скажешь, если у нас такие сумасшедшие клиенты?

— Ладно, Сандра, у нас много работы, — сказал я, переходя к делу. — Люди Блэка не разрешат нам взять всю группу, так что в Эр-Рияд мы отправимся с Генри и двумя коллегами Блэка.

— Они, наверное, и понятия не имеют, в какую историю могут вляпаться, — сказал Генри с усмешкой. — Думаю, нам надо действовать быстро и решительно, ситуация может накалиться, а нас только двое.

Генри был хороший друг и профессиональный телохранитель. Англичанин с непальскими корнями, прошедший базовую подготовку у гурков*. Он был значительно выше и крепче меня, кроме того, у него за плечами был богатейший опыт. Я доверял немногим, и Генри был одним из таких людей.

Мы обсудили с Сандрой детали предстоящей работы, определив четкий круг обязанностей каждого из нас.

— У нас есть агент из местных жителей — парень по имени Абдулла Алькаф, — сообщила Сандра. — Я вышлю вам его фотографию почтой, но учтите — у него талант к перевоплощению. Внешне этот парень походит на простого крестьянина, но он поможет вам достать все — от дим-сам** до управляемой ракеты.

— Хм, дим-сам в Саудовской Аравии, это стоит попробовать, — заметил я.

— Абдулла обеспечит вас средствами связи и найдет местных шоферов. Связь с ним будешь держать через

* Гурки — условное название народностей, населяющих центральные и юго-западные районы Непала, а также представители этих народностей, служащие в британской или индийской армии.

** Дим-сам — блюдо китайской кухни; похоже на пельмени.

меня, — продолжала Сандра. — Завтра к этому часу я подготовлю точный план вашего маршрута и карту местности с отметкой объекта.

Наш визит должен был продлиться не больше трех дней с момента прибытия в Саудовскую Аравию. Полет был долгим и трудным: двенадцать с лишним часов, да еще с дозаправкой в Великобритании и Бахрейне. Но так как все дни до вылета были заняты у нас необходимой подготовкой, мы с Генри радовались, что можем хоть немного поспать в полете.

Когда мы приземлились в Эр-Рияде, мое сердце забилося сильнее. Я был предельно насторожен. Конечно, нервничал — сказывалось переутомление, но вместе с тем перед началом этого задания меня охватило нехорошее предчувствие.

Глава 6

Благодаря усилиям Абдуллы, частный реактивный самолет Уильяма приземлился в аэропорту Эр-Рияда на президентском посадочном поле. Нас встречали два белых «мерседеса», но, прежде чем добраться до них, мы должны были пройти через здание главного терминала. Всюду кишел народ, так что задача перед нами стояла весьма серьезная. Чтобы не пропустить признаков потенциальной угрозы, я шел в авангарде и не спускал глаз с окружающих, а Генри, ни на миг не упускавший из виду Уильяма, с двумя подручными — в арьергарде. И так мы медленно продвигались в толпе. Толпа не редела. Люди вокруг болтали и смеялись. Они могли запросто стать нам помехой в критической ситуации, ограничивая наше продвижение. Отпихивая друг друга, люди прокладывали себе путь локтями. Свои услуги в этой сутолоке наперебой предлагали носильщики. Я весь напрягся. В ожидании опасности все мои чувства мучительно обострились. Я был готов к нападению в любой момент. Эта ситуация не поддавалась контролю, я не мог управлять ею, и мне это не нравилось.

— Бакшиш, бакшиш, — твердил похожий на хорька человечек, пытаясь вырвать сумки из моей руки. Пришлось отпихнуть его подальше.

— Потихе, потихе, — рассмеялся Уильям. — Не будь таким жестоким. Здесь так принято.

Это я знал и без Блэка. На прошлой неделе мне пришлось прочесть все, что попало под руку, об арабской культуре. «Бакшиш» — чаевые, взятка, небольшой подарок; таким образом состоятельным людям полагается делиться своим имением с бедными. Ну и ладно, но в данный момент у меня на уме было совершенно иное. Я знал, что я не смогу успокоиться, пока мы не окажемся на месте.

Мы с Генри забрались в первый «мерседес» рядом с Уильямом. Нам нельзя было отходить от него ни на шаг. Пара наших сотрудников следовала во второй машине. И все же я не мог расслабиться полностью. Свои связи у МФКФ имелись практически во всех странах мира, но я никогда и никому не доверял. По возможности я пользовался услугами собственной агентурной сети. Как там ни уверяла Сандра, я не знал этого Абдуллу и инстинктивно побаивался его и его людей. С непроверенными шоферами надо быть начеку, контролируя каждое их движение.

Отделанную мрамором гостиницу «Меридиан» украшал кружевной золотой орнамент. Уильяму забронировали роскошный пентхаус. Первым в него вошел я и досконально осмотрел все, прежде всего проверив на наличие взрывных устройств кустарного производства. И только после того, как я дал добро, наш клиент отправился на отдых. Дежурным на ночь остался Генри, а я прилег и забылся во сне.

На следующее утро, проснувшись на рассвете, я первым делом устроил обход гостиницы. Уильям еще не вставал. Его переговоры с братьями Фахали назначены на сегодня. Я прошелся по всем этажам, проверил лифты, лестницы, вестибюль, ресторан и кухонный блок и закончил тщательным осмотром двух «мерседесов». Я нисколько не сомневался, что в конце концов откопаю там кучу всяких «жучков» (прослушивающих

устройств и приборов для скрытого видеонаблюдения), но, к своему удивлению, ничего не обнаружил. Когда я встретил Уильяма, тот, несмотря на отдых, казался таким же уставшим и вялым, как накануне. Вчерашний полет вымотал его вконец. Уильям был немного полноватым коротышкой с тонкими светлыми волосами. Однако он производил впечатление человека самоуверенного и не терял присутствия духа. Впрочем, это можно было целиком и полностью списать на его богатство и власть.

Перед отъездом на переговоры мы с Генри еще раз пробежали глазами официальный протокол текущего дня нашего клиента.

— Что бы ни случилось, всегда оставайтесь в поле моего зрения, — предупредил я Уильяма.

Мы договорились, что меня представят как личного советника Блэка, чтобы Генри приняли за телохранителя. Перед выездом Генри провел еще одну проверку «мерседесов», и мы отправились.

Здание, принадлежавшее братьям Фахали, было декорировано золотом даже больше, чем гостиница «Меридиан». Нас здесь приняли довольно тепло. Как только начались взаимные приветствия, я мысленно представил планировку здания, в том числе все выходы и лестницы. Еще в Штатах я досконально изучил его план. Слава Богу, Сандра успела снабдить нас всем необходимым в работе. Так что я имел точное представление, где проходят вентиляционные шахты, которыми мы могли бы воспользоваться в критической ситуации как запасным выходом.

— Вы у нас здесь в полной безопасности, — заметил один из братьев, обращаясь к Уильяму и глядя на Генри. — Почему бы вам не послать вашего телохранителя отдохнуть в гостиной?

Следуя плану, я кивнул Генри, освобождая его от обязанности охранять Уильяма. Так братьев легче было уверить, что именно Генри главный телохранитель

Блэка. Он выглядел намного крепче меня. Я знал, что свое свободное время он проведет не без пользы.

За напитками с пахлавой между мужчинами завязался разговор, плавно перешедший к главной теме. Все начиналось весьма спокойно. Один из коллег Уильяма заговорил о проблемах дезинтеграции и перепродажи фирмы. Ему не дали высказаться до конца. По мере того как переговоры продолжались, не давая никаких результатов, голоса братьев Фахали становились все громче и раздраженнее. Наконец, один из братьев, как видно, не выдержал и начал горячиться.

— Мое семейство инвестировало время и деньги в этот бизнес не для того, чтобы потом янки, как шакалы, разорвали его на части.

— Успокойся! — стал удерживать его брат, внешне более сдержанный.

Но у меня было такое чувство, что все это — обычная психологическая игра в хорошего и плохого полицейского*.

— Зачем? — сердито вскричал вспыльчивый брат, ударив кулаком по столу. — Кто-то должен заплатить за оскорбление нашего рода!

Поскольку далее переговоры пошли на повышенных тонах с обеих сторон, я стал внимательно следить за братьями, видя, что ситуация резко обострилась. Я надеялся, что Генри окажется на месте. Уильям пытался продолжить диалог, но братья отклоняли все решения. Внезапно один из братьев, тот, что выказывал больше агрессивности, вскочил с места. Моя рука инстинктивно потянулась во внутренний карман. Агрессивный, что-то бросив на ходу брату по-арабски, выскочил из зала заседаний. Наступило минутное молчание, затем о своем возмущении заговорил другой брат.

* Классический способ психологического манипулирования, чрезвычайно эффективен и поэтому часто используется не только в работе полицейских.

— Мы не оставим этого дела и защитим свои интересы, — сказал он со злостью.

Теперь первую скрипку должен был играть я. Не теряя ни минуты, я вывел Уильяма из зала.

Увидев, что Генри стоит возле «мерседеса», я облегченно вздохнул. Однако все складывалось не в нашу пользу. Генри был в окружении шестерки угрожающего вида громил в темных очках и европейских костюмах. Генри вглядывался в мое лицо. Когда мы приблизились к «мерседесам», какой-то человек, шедший позади нас, прокричал что-то шестерке дюжих молодцов по-арабски. Амбалы тут же двинулись к нам. Будь я один, то преподал бы им хороший урок, уложив всех в два счета, но прежде всего мне следовало думать о безопасности Уильяма. Я не отходил от него. Громилы не причинили нам никакого вреда, просто проводили до нашей машины. Мне показалось, что им было приказано убедиться, что мы покинули здание.

Когда мы устраивались в «мерседесе», пот с Уильяма катил градом.

— Уф, ощущение не из приятных... — сказал он.

— То ли еще будет... — ответил я, когда заметил, что громилы разбились на две группы. Одна группа расположилась в черном «БМВ», который с места в карьер рванул вперед, другая разместилась во втором «БМВ».

— Поезжай! — велел я нашему человеку.

Омар, еще один похожий на крестьянина парень, сидел впереди рядом с шофером. Это был агент Абдуллы, сопровождавший нас в качестве толмача. И его я также подсознательно опасался. Я сел рядом с Уильямом на заднем сиденье «мерседеса». Генри занялся огнестрельным оружием, что хранилось в багажнике за задним сиденьем.

Когда мы отъезжали, я заметил в зеркале заднего вида, что второй «БМВ» тотчас тронулся за нами.

— У нас проблемы, — сказал я.

Мы с Генри научились понимать друг друга с полувзгляда. Он знал, что я не доверяю людям, сидящим

вперед. Теперь я контролировал каждое их движение, а Генри наблюдал за «БМВ».

— Дело дрянь! — воскликнул вдруг Генри.

Я тут же оглянулся. Громилы на втором «БМВ», обогнав «мерседес» с сотрудниками Уильяма, пристроились непосредственно за нами. Я пришел в ярость. Этого бы никогда не случилось, если бы нас везли свои водители! Наши люди умели обеспечить высокоскоростное прикрытие на расстоянии не более тридцати сантиметров между машинами, и никому не дали бы пролезть между нашими двумя автомобилями, как это случилось сейчас. Выхватив пистолет, я наставил дуло в затылок нашего водителя. Тот завопил и начал звать к Аллаху.

Как я и предполагал, пролезший между нами «БМВ» затормозил, принудив второй «мерседес» остановиться. Из «БМВ» вышли два амбала. Подойдя к «мерсу», они выстрелили из полуавтоматического оружия в боковое окно кузова.

Я заставил Уильяма спрятаться за передними сиденьями, навалившись на него сверху.

— Двигай! — заорал я на дрожащего от страха шофера.

Тот нажал на газ и прибавил скорость, но вскоре машина заглохла. Набросившись на него, я снова приставил пистолет к его голове и заорал, чтобы он немедленно трогал. Но шофер выскочил из машины и начал удирать, с диким воплем взывая о милости. Я тогда так и не разобрался, участвовал он в операции или нет. Заманил нас в ловушку или на самом деле перепугался и не выдержал давления с моей стороны? Мы так и не узнали, чей это был человек.

Тогда, перемахнув через спинку переднего сиденья, в баранку вцепился Генри. Теперь у нас появился хоть какой-то шанс. Генри был одним из асов МФКФ по экстремальному вождению. Мы помчались по пыльным

улицам, которые становились все более узкими, многолюдными, переполненными торговыми лотками и животными, так что мы, лавируя, неслись не зная куда. «БМВ» продолжал преследовать нас. Не теряя ни секунды, Генри мастерски маневрировал по узким улицам. Люди шаркались от нас во все стороны, толпы моментально редели. Мы виляли между медленно движущимся транспортом, поднимая на высокой скорости клубы пыли и врезаясь в старые колымаги, лишь бы не наехать на людей.

— Берегись! — завопил Генри, когда мы врезались в придорожную лавку.

Испуганный араб вовремя выпрыгнул из лавки, на машину градом посыпались инжир и финики. Тканевый навес сорвался и прилип к ветровому стеклу, так что Генри управлял вслепую. Спустя несколько секунд навес сдуло на обочину.

Не давая Уильяму высунуть голову, я ткнул пистолетом в Омара, уже отчаявшегося отыскать на карте наше местоположение. Он был в полном неведении относительно того, где мы и куда движемся.

— Ищи дорогу к посольству, — закричал я, — к британскому или американскому, нам все равно! Давай, парень, думай!

— Сюда, теперь сюда, налево... — тут же среагировал он, опасаясь за свою жизнь.

Генри погнал машину по узкой улочке.

— Нет, нет, не сюда! — срывающимся фальцетом заорал толмач. — Попробуй сюда!

Генри свернул на главную улицу, она была шире.

— Здесь полно машин, пробка! — воскликнул Генри.

Я ткнул пистолетом Омару в голову. Неужели и этот — продажная шкура? Генри развернул «мерседес» на девяносто градусов и поехал по улочке, ведущей в узкий, темный переулок.

— Ну, держитесь!

Боковые зеркала заскребли по стенам, но Генри не сбавлял газа. Затем мы с жуткой скоростью вылетели на дневной свет. Еще одна многолюдная, шумная улица. Омара к этому времени просто трясло от страха. Я оглянулся. Кажется, мы оторвались от «БМВ».

— Тормози! — велел я Генри.

«Мерседес» замер как вкопанный.

— Пошел вон! Вылезай, вылезай! — заорал я на толмача.

Судорожно схватив ручку, Омар дернул дверцу и в страхе за свою жизнь, с проклятиями и грубой руганью вывалился из машины. Генри рванул с места в карьер.

В конце концов мы вырвались из лабиринта городских улиц на более или менее широкую дорогу. Вокруг простиралась голая, бесплодная пустыня. Так мы проехали пару часов.

— Надо бы избавиться от «мерса»... — сказал Генри. — Нас уже ищут.

На некоторое время воцарилось молчание. Я ломал себе голову, пробуя составить план. Уильяма надо было нелегально вывезти из страны. У нас была одна конспиративная квартира в Иордании, с добрыми людьми, которых я знал лично и мог доверять им, но нас разделяло не меньше восьмисот километров. Я утратил всякое доверие к Абдулле, так что толку от всех его агентов не было. Были еще конспиративные квартиры в Кувейте и Бахрейне. Бахрейн ближе всего. Если связаться с Сандрой, она сможет выправить документы, чтобы нас могли принять за границей. Генри неожиданно прервал мои мысли:

— Бензин кончается. Хватит еще километра на три.

— Ты что, шутишь?

— Нисколько. Бак был наполовину пуст, когда мы сели в машину.

Я сокрушенно покачал головой. Нарушен первый закон безопасного вождения — топлива в баке должно быть под завязку. Я посмотрел на Уильяма. Теперь

он сидел прямо, но его трясло, пот лил с его багрового лица ручьями. Интересно, сколько он сможет пройти пешком? Мы понятия не имели, где находимся, куда едем и сколько километров до ближайшего города. На дворе стоял сентябрь, но в пустыне — настоящее пекло. Я проверил все наши заначки. В нашем распоряжении немного пищи и четыре бутылки минеральной воды. Надолго не хватит, особенно при такой-то жаре.

Выбора не было. Теперь от меня мало что зависело!

— Ну вот, кажется, и все! — сказал Генри, хлопнув руками по баранке, когда машина встала. — Топлива ноль.

Уильям уселся на обочину дороги и, ослабив узел галстука, прикрыл носовым платком затылок, чтобы хоть как-то спрятаться от солнца. Мы с Генри столкнули «мерседес» с дороги в какие-то кусты. Но жалкой растительностью надежно замаскировать его все же не удалось.

Затем мы налегке двинулись вперед. На дороге не было никакого движения, но я надеялся, что она выведет нас на автомагистраль.

— По-моему, эта дорога на Харад, — сказал Генри.

Слева от нас — бесплодная земля с чахлой растительностью; справа — насколько мог видеть глаз — голая пустыня.

— Если мы пойдем по дороге, к вечеру окажемся у цели.

— Ты уверен?

— Нет, не уверен.

Я не мог ничего предложить и доверился инстинкту Генри. Через несколько шагов мне пришлось вырвать бутылку с водой из рук Уильяма. Он пил захлеб, вода лилась ему на подбородок и грудь.

— Надо экономить, — сказал я Блэку. — Неизвестно, сколько нам еще здесь торчать.

Минуло несколько часов, и мы набрали на оазис, где немного передохнули в тени больших валунов.

— Часа через два наступит ночь, — заметил Генри.

По мне, так ночью безопаснее, хотя ночью тут бывают заморозки. С каждой минутой на душе у меня становилось все тревожнее и тревожнее.

Наконец мы добрались до какого-то городка.

— Ну, ты молодец, парень! — сказал я, потрепав Генри по плечу.

Это был Харад. К тому времени стемнело, и Уильям уже дрожал от резкой перемены температуры. На улицах было тихо. Кое-где кучковался народ. Люди спокойно стояли и, болтая между собой, курили, но стоило им завидеть нас, как тут же все исчезало.

— Спасибо за помощь, — с горькой иронией заметил Уильям.

В конце концов мы подошли к какому-то строению, похожему на бензозаправочную станцию. Когда мы вошли внутрь, араб неопределенного возраста смерил нас взглядом. Лицо у него было обветренное, глаза от привычки щуриться на ярком солнце — узкие, как щелочки. Генри и Уильям пошли выбирать еду и напитки.

— Мне нужно позвонить, — сказал я на ломаном арабском вперемешку с английским.

Араб уставился на меня как глухой. Но я был уверен, что он все слышал и понял. Тут подошел Уильям с открытым бумажником. Увидев пачку зелененьких и плотоядно улыбнувшись, араб вытащил из-под прилавка телефонный аппарат и передал мне.

После треволнений минувшего дня услышать громкий, бодрый голос Сандры было большим облегчением. Отдавая себе отчет в том, как уязвимы мы были в этом месте, я быстро ввел Сандру в курс наших дел.

— Вы находитесь сейчас примерно в ста километрах от нашей конспиративной квартиры в Бахрейне, — сообщила она мне. — Направляйтесь на восток. Я подберу вам паспорта, так что вы сможете выбраться.

Не успел я получить от нее закодированную информацию об адресах и явках, как увидел затормозивший перед окнами знакомый «БМВ».

Генри схватил Уильяма за шиворот и толкнул в какое-то служебное помещение.

— Нет, нет! — заорал человек за прилавком.

Я сунул ему стодолларовую купюру, но тот все равно делал знаки, дескать, не станет помогать нам. Бросившись за Генри и Уильямом, я велел им бежать дальше. Там оказался узкий черный ход, к нашему счастью, незапертый. Из зала, который мы покинули, доносились крики. Мы выскочили на улицу. Уильям бежал, шатаясь из стороны в сторону. Харад оказался одноэтажным городишкой — лабиринтом, состоящим из крошечных проходов и тупиков. Вскоре за нами раздался топот ног. Прозвучал выстрел, и пуля, отскочив рикошетом от стены, просвистела над нашими головами.

— Бегите, не оглядывайтесь! — завопил Генри, отстреливаясь из двух стволов.

Я рванул Уильяма за рукав. Мы побежали по переулку.

— Всё... нам крышка... — проговорил он.

— Еще не факт, — огрызнулся я. — Не останавливаться!

Перестрелка возобновилась. Мы отступали по всем правилам. Генри прикрывал нас, отстреливаясь от преследователей. Внезапно послышался выстрел и тотчас за ним душераздирающий крик. Я оглянулся, продолжая бежать. Генри упал. Мне бы к нему на помощь, но мой долг — спасти Уильяма. Мы бежали по темным дворикам, толкая калитки, преодолевая невысокие стены и прячась в лабиринте тупиков и проходов сонного городка.

— Постой, постой... мне надо отдохнуть... — твердил Уильям, задыхаясь. — Я не могу больше, парень...

Я остановился. Генри отвлек наших преследователей, и теперь мы, кажется, оторвались от погони. Перебравшись через очередную низкую стену, мы оказались на узкой улочке. Я сходил с ума, желая отомстить за Генри.

— Мы здесь в опасности... — сказал я Уильяму, пряча его в густых зарослях виноградных лоз, оплетающих чье-то жилище.

— Не бандюги, так инфаркт, мне все равно конец... — ответил Уильям, стараясь отдышаться.

Надо было решать, что делать дальше. Теперь наши преследователи ждут, что мы спрячемся где-нибудь здесь, в городишке. А если бежать в пустыню? Дерзнуть? Как долго мы продержимся там? Но другого выхода у нас нет! Вряд ли здесь найдется хоть один желающий оказать нам помощь.

Неожиданно раздался звук распахнувшейся двери. Из дома вышел хозяин — араб гигантского роста. Он, должно быть, подслушивал нас. Как только этот араб высунулся, раздвинув виноградные лозы, я заслонил собой Уильяма. Наши взгляды встретились, и араб вдруг закричал. Я отчаянно жестикулировал ему, дескать, не надо орать, но он не унимался. Выбора у меня не было. Пришлось успокоить его ударом по горлу. Это означало разрыв трахеи. Когда гигант рухнул, я увидел одного из наших преследователей. Он подбежал ко мне и первый угостил меня ударом. Я пропустил этот удар, понимая, что мои руки должны быть свободными, и не спускал глаз с другой его руки. Когда же бандюга полез в карман за оружием, я схватил его за большой палец и вывихнул его. С диким криком он упал. Я выхватил у него пистолет и прострелил ему голову.

Неожиданно вокруг нас образовалась толпа откуда-то набежавших людей, и я увидел, как сквозь толпу к нам прорываются остальные преследователи. Я схватил Уильяма и выстрелил в воздух. Люди попадали на землю.

И снова мы пустились в бега через проходы и улочки, не останавливаясь до тех пор, пока не добрались до пустыни.

— Сюда! — сказал я Уильяму.

Ни времени, ни сил спорить со мной у него не было. Итак, мы ступили в неведомое, темное, но свободное пространство.

Около часа мы бежали, спотыкаясь, по песку. Песок был везде. Он попадал в нос, прилипал к ногам. Мы уже не бежали, а плелись, ловя ртом сухой воздух.

— Дышать, дышать, не останавливаться! — подстегивал я Уильяма. — Мой план, кажется, сработал. По всей видимости, они еще прочесывают городишко, но нам все равно нужно идти.

— Как далеко до Бахрейна?

— Об этом лучше не спрашивайте.

Мы шли молча, стараясь не замедлять взятого темпа. Я понимал, что нам надо оторваться от преследователей на приличное расстояние. На машине они не станут догонять нас, в пустыне застрянет даже «БМВ». Хотя вряд ли они отцепятся от нас просто так. Вскоре они догадаются, куда мы направились.

И вдруг позади нас послышались голоса. Мы остановились и стали пристально вглядываться во тьму.

— Это они, — сказал я.

Уильям испугался, ужас отразился на его лице, но предаваться страху было некогда. К этому моменту из-за особенностей ландшафта идти стало еще труднее. Утопая в глубоком песке, мы шли из последних сил. Я боялся одного: как бы не началась песчаная буря.

— А что там? — спросил Уильям, когда мы преодолели вершину очередного бархана.

Я вгляделся во тьму. Огоньки, силуэты палаток и животных.

— Бедуины.

Это был наш единственный шанс. Я видел, что Уильям уже совсем сник, осознавая, что вскоре так или иначе мы окажемся в лапах преследователей. Собрав последние силы, мы бросились по другой стороне бархана к селению.

Добравшись до него, мы увидели человека, возившегося возле верблюдов. Когда мы подошли к нему, он улыбнулся нам. Вот так неожиданность! Потрясающе! Я не ожидал увидеть здесь дружелюбное лицо.

Я попробовал заговорить с ним по-арабски. Еще одна неожиданность. Он говорил по-английски вполне сносно.

— В чем дело, господа? — спросил он, смерив нас взглядом, но по-прежнему улыбаясь.

— Мы в страшной беде... — едва мог вымолвить я, все еще задыхаясь после длительного перехода. — За нами... гонятся люди, которые хотят уничтожить нас.

— А что вы такого сделали?

— Мы не сделали ничего плохого... — начал я.

Входить в подробности не хотелось, но, к счастью, дружелюбный бедуин махнул рукой, дескать, хватит, достаточно.

— Ну, и ладно... — сказал он. — Вы кажетесь мне людьми безобидными. — Он снова улыбнулся и подвел нас к одной из больших палаток. — Сегодня вы — мои гости. Ешьте, пейте, отдыхайте с нами.

Довольный тем, что он не стал расспрашивать о подробностях нашего дела, я взглянул на Уильяма и пожал плечами. Уильям от усталости валился с ног. Мы молча последовали за незнакомцем в палатку. Несколько мужчин здесь потягивали трубки из общего кальяна. Когда мы вошли, все обернулись к нам, но ничего не сказали. Наш друг шепнул что-то по-арабски, и уже через минуту нам подали пресные лепешки, овечий сыр с медом и блюдо чечевицы.

После того как мы поели, Уильям от запаха гашиша тут же на овчинных ковриках отключился. Наш новый друг присел возле меня и представился как Хашанни. Я отметил про себя, что пока остальные мужчины сидели с каменными лицами, Хашанни говорил оживленно и постоянно до ушей улыбался. По-английски Хашанни говорил хорошо, но с заметным акцентом, так что мне приходилось напрягаться, чтобы уловить смысл сказанного. Через некоторое время он продолжил разговор.

— Ты говорил, что у вас какие-то неприятности. Вы можете оставаться у нас три дня. Мы защитим вас и ничего не потребуем взамен.

— Спасибо... — начал было я.

— Но по истечении трех дней вы расскажете нам, в чем заключается ваше дело, или вам придется оставить нас. — Он помолчал немного. — Иначе мы убьем вас. Так принято у бедуинов.

С этими словами Хашанни улыбнулся мне, но я прекрасно понял, что он говорил совершенно серьезно. Я поклонился.

— Спасибо за радушие и гостеприимство.

Хашанни рассмеялся и от радости даже хлопнул в ладоши.

Вымотавшийся окончательно, я быстро уснул и прекрасно выспался.

На следующий день мы с Уильямом не отходили от Хашанни, наблюдая за тем, как он ухаживает за верблюдами. За время обучения боевому искусству кун-фу я изучил повадки и поведение многих животных, вот только верблюдов оставался для меня тайной. В какой-то момент я нечаянно коснулся мешка с кормом. Прежде, чем я успел сообразить, что происходит, верблюд метнулся в мою сторону и, фыркнув, плюнул в меня. Я закричал, пытаясь отогнать его, но верблюд оскалился и попытался укусить меня. Тогда я бросился наутек, но животное погналось за мной. Спасаясь от него, мне пришлось спрятаться в одной из палаток и ждать дальнейшего развития событий, но ничего, кроме дружного хохота Уильяма, Хашанни и даже некоторых мужчин с каменными лицами, я не услышал.

— Он подумал, что ты покушаешься на его корм, — пояснил Хашанни, бросившись ко мне на помощь. При этом улыбка до ушей так и не сходила с его лица. Когда он привязал сердитого верблюда, тот полез носом в мешок с кормом. Мы с Хашанни внимательно посмотрели друг на друга.

— Немного погодя я научу вас ездить на них, — сказал он мне.

Поначалу я отнесся к этой затее неодобрительно, но потом мне пришло в голову, что вырваться из пустыни мы с Уильямом смогли бы только на этих «кораблях».

— Когда-нибудь мы еще вспомним эти дни, — смеялся Уильям, когда наши верблюды, в лучах клонившегося к закату солнца, неуклюже плелись вслед за поющим Хашанни.

— Зовите меня просто Лоренс, — сказал я ему.

Мы с Уильямом оставались под охраной бедуинов уже два дня. За это время многое стало ясно из их образа жизни. Это были люди очень серьезные, религиозные; как истинные мусульмане, они молились пять раз в день и всякий раз перед едой возносили хвалу и славу Аллаху. Хашанни водил нас из одной палатки в другую, где мужчины, женщины и дети занимались выделкой прекрасных ковров и изготовлением других изделий, которыми и торговали в ближайшем городишке. Мы поражались тому, как, благодаря своему промыслу, бедуины обеспечивали себя всем необходимым для жизни в условиях бесплодной пустыни.

Хозяин наш и в самом деле радовался гостям от чистого сердца. Он учил нас ездить на верблюдах и подолгу разговаривал с Уильямом обо всем, что касается его бизнеса. Однако я помнил о его предупреждении. На третий день рано утром мы отправились в пустыню. За пару сотен долларов США каждого из нас обеспечили верблюдом и водой с провизией, которой в принципе нам должно было хватить до Катара. Хашанни подробно объяснил, как найти там одного надежного человека, который окажет нам содействие.

— Как удивительно приятно возвращаться домой... — молвил Уильям, когда мы подъезжали к городу. По правде говоря, что нас ожидало впереди, никто не знал. Но в одном я был уверен: я не успокоюсь, пока

не верну Уильяма на родную землю в целости и сохранности.

— Заходите, заходите! — сказал веселый кругленький человечек с такой же улыбкой, что и у его друга-бедуина. Нам снова пришлось поразиться тому, что и этот едва ли не в совершенстве владел английским.

— Не говори ему, что мы привязали верблюдов, несмотря на двойную желтую линию*, — прошептал Уильям, когда мы прошли в лавочку через низенькую дверь. В помещении пахло ладаном и гашишем. По всей видимости, это было нечто вроде туристического бюро. Отсюда нам удалось связаться с Сандрой. В конце концов человечек вручил нам два билета на корабль, идущий из Катара в Бахрейн.

— Переночуете сегодня здесь, — сказал он. — Рейс завтра рано утром.

— Это тебе не «Меридиан»... — протянул Уильям, когда человечек оставил нас в неряшливой комнатухе с двумя узкими кроватями. Но жаловаться было бы грех. Бедуин дал нам немного воды, чтобы освежиться. Как приятно было побриться, слегка ополоснуться и хорошенько выспаться в довольно чистой постели.

Корабль был перегружен, на палубах толпились крестьяне с животными. Рейс длился чуть более часа, и вот, наконец, оказавшись в Бахрейне, мы облегченно вздохнули. Нас встретил немец по имени Юлиан. Он же отвел нас на конспиративную квартиру. Оттуда мы вышли с паспортами, необходимыми бумагами и авиабилетами.

— На основных маршрутах вас, наверное, ищут, так что там слишком опасно, — сказал Юлиан.

Я взглянул на билеты. Болгарские авиалинии. Придется добираться до США странным, замысловатым

* Двойная желтая линия означает, что здесь остановка и парковка запрещены.

маршрутом. Но я знал, что за всем этим стоит Сандра. Хорошая девочка. Возможно, это излишняя перестраховка, но испытывать судьбу она не будет. Согласно паспортам, я теперь был итальянский бизнесмен по имени Антонио Каррерас, а Уильям — Уолтер Шмидт, из Нидерландов.

На третий день мы благополучно приземлились в международном аэропорту Кеннеди, в Нью-Йорке. Уильям щедро вознаграждал меня за работу.

— Ноги моей больше не будет в этой Саудовской Аравии, — сказал я ему, подмигнув. Однако по иронии судьбы новое назначение, которое я вскоре получил, вновь напомнило мне об этой стране: я стал телохранителем Амина Файеда, посла Саудовской Аравии в Великобритании, Италии и на Кипре.

Глава 7

Теперь моей головной болью сделалась охрана Амина Файеда. Время от времени я выполнял мелкие поручения от МФКФ, но Файед был «крупной рыбкой» — таким выгодным клиентом они дорожили. Правительство Саудовской Аравии платило МФКФ приличные деньги за его безопасность. Охрана Файеда была рискованным делом, хотя все, конечно, зависело от постоянно меняющейся политической конъюнктуры и того, в какую часть света его направляют. Я стоял во главе команды из пяти человек и исколесил весь мир, чередуя опасную работу с довольно длительными передышками в роскошных резиденциях посла в Лондоне, Неаполе и Лимассоле.

Амин был азартный игрок. Он не пасовал перед трудностями, а, наоборот, искал их и ни по какому поводу особо не комплексовал. Позволить себе это он мог, поскольку обладал властью и богатством. Бывало, он снисходил к своим должникам, но становился безжалостным к ним, когда терял терпение. Была в нем одна черта, возведенная в принцип: он никогда не держал своих телохранителей в черном теле. За взыскание просроченных долгов Файед платил каждому из нас немалые деньги. Однако глупых между нами не водилось, и мы прежде всего блюли интересы МФКФ, определившей нам неплохое жалованье.

К тому времени я был одним из самых высокооплачиваемых телохранителей МФКФ. Я арендовал огромную квартиру в Паддингтоне*, где за мой счет жили и мои родители. Наконец-то, кажется, моя мама стала вести жизнь, о которой всегда мечтала.

Летом 1987 года я ушел на несколько недель в отпуск. Амин в это время находился в полной безопасности, во всяком случае, он мог волноваться не больше, чем у себя дома в Саудовской Аравии, и я вернулся в Лондон. Я знал, что отец будет рад встретиться со мной. В последнее время из-за болезни он безвылазно сидел дома. Мне хотелось скрасить его одиночество. И потом у меня было большое желание повидаться со старыми друзьями и о многом поговорить.

Однажды я встретился с моим китайским другом Джерри в Гайд-парке. Было чудесное летнее утро. С Джерри я познакомился еще в школе господина Чжана, где он обучался боевому искусству кун-фу. Спустив лодку на воду и отчалив от берега, Джерри с удовольствием греб, а я лежал, развалившись на корме, и наслаждался солнцем и водной гладью озера.

— Эй, Тони, взгляни-ка!

Я сел, шурясь от солнца. Недалеко от нас была лодка с тремя блондинками. Девушки уронили весло в воду, и две из них, перегнувшись через борт, пытались достать его. Было много хохота и визга. Мы с интересом наблюдали, как они плескались, а весло уносило все дальше.

— Ха-ха, это безнадежно! — хохотал Джерри, когда одна из них пыталась достать упавшее весло с помощью другого. Лодка качалась, а девушка смеялась так, что вскоре уронила в воду и второе весло. Теперь девушки оказались брошенными на произвол судьбы на самой середине озера.

* Паддингтон — район в западной части Лондона.

— Ну, скорей, Джерри! — сказал я, воодушевляясь.
— Пора спасать.

— А вот и доблестные рыцари! — рассмеялась одна из них, когда мы подплыли ближе.

Я был уверен, что они говорили друг с другом на одном из скандинавских языков, хотя с нами они общались по-английски. Нам не хотелось подбирать их весла: пусть пересаживаются в нашу лодку. Продолжая хихикать, они согласились и представились как сестры Лия, Лина и Айя. Когда Лия перебиралась к нам, обе лодки опасно раскачивало. Перебравшись, Лия обернулась и подала руку Айе, а та, наклонившись, крепко держалась за борт лодки. Лина поддерживала ее сзади. И тут до меня дошло, что Айя слепая. Когда она перебросила ногу, обе лодки угрожающе качнулись, и я испугался — вдруг она оступится. Лия завизжала и повалилась на умирающего от смеха Джерри. Поймав протянутую руку Айи, я подхватил ее за талию и благополучно препроводил в нашу лодку. Именно в тот момент со мною что-то произошло. Я обнял Айю за талию на какую-то долю секунды, и у меня перехватило дыхание. Она, несмотря на свою слепоту, была красива и загадочна. Усадив ее рядом, я предложил было руку и Лине, но Джерри проворно опередил меня.

Мы возвращались к лодочной станции долгим окольным путем, и девушки, желая отблагодарить нас, пригласили зайти в кафе. Нас не пришлось уговаривать. Когда Джерри с Линой и Лией выпрыгнули на берег, я задержался, чтобы помочь Айе. Я волновался, не зная, как это лучше сделать, и решил было перенести ее, как переносил своего отца. Сестры захихикали.

— Осторожно! — воскликнула она и, положив руку мне на плечо, слегка подтолкнула меня, мол, ступай вперед. Шагая за мной, как за поводырем, Айя уверенно вышла на берег. Не снимая руки с моего плеча, она повернулась и встала передо мной, а потом провела другой рукой по моему лицу. Принужденно улыбаясь,

я заглянул в ее прекрасные голубые глаза. Айя стояла передо мной с широко раскрытыми невидящими глазами. Она дотронулась до моего лба, провела нежной, но крепкой рукой по моим глазам и носу. Затем ее пальчики прошли по губам, пробежали по щеке и, наконец, задержались на подбородке.

— Хм-м, а ты красивый! — воскликнула она шаловливо. Меня поразила ее прямота.

— Уж не флиртуешь ли ты со мной? — рассмеялся я.

Вместо ответа Айя взяла меня под руку, и мы пошли вслед за остальными.

Сколько времени мы провели за кофе с творожным пудингом, я не знаю, но мы узнали, что Лина и Лия приехали к Айе из Швеции и были ее самыми желанными гостями. Когда я, страшно удивившись, не поверил, что Айя учится в Лондоне на первом курсе юридического факультета, она сердито возразила:

— Я слепая, но не глупая.

Потом она все же улыбнулась, когда я запутался в извинениях и бесплодных попытках загладить свою оплошность.

В тот вечер я пригласил Айю в один из моих любимых ресторанов в китайском квартале. Через какое-то время мы с ней стали, что называется, не разлей вода. Между нами возникло что-то необыкновенное, особенное, не передаваемое словами. Нельзя сказать, что легкий флирт и пылкие любовные связи были мне не знакомы. Это казалось так естественно. Но с Айей все обстояло иначе. Она, кажется, видела меня насквозь и понимала так, как я сам не понимал себя. Мне до сих пор непонятно, как она умела так глубоко постигать мой дух. Она была из хорошей, любящей семьи, не обремененной излишними житейскими заботами. Несмотря на слепоту, черты ее лица говорили об уверенности и решительности. И все же, где-то в глубине своего существа, Айя тяготи-

лась одиночеством и временами приходила в отчаяние. В такое же отчаяние, сам не ведая отчего, приходил и я. Мужество изменяло мне. Это была любовь, которой я боялся. Проникаясь нежными чувствами к Айе, я открывал для себя целую гамму других эмоций. В моем сердце происходила мучительная борьба. Разумеется, я мог просто бросить Айю, но некая властная сила тянула меня к ней. И все же были в моей душе темные закоулки, в которые я и сам боялся заглянуть, а не то что впустить кого-то.

Из отпуска меня вызвали досрочно. Расставаться с Айей не хотелось. Хорошо, что, работая на Амина, я мог часто и подолгу бывать в Лондоне. Впервые в жизни я был счастлив.

В последующие три года мы с Айей встречались довольно часто. Я проводил свой отпуск с ее семьей в их доме в Стокгольме. Там я первый раз попал в полицию. Мне бы следовало помнить о том, что использование приемов боевого искусства кун-фу в некоторых странах карается по закону, нам ведь говорили об этом, когда мы изучали уголовное право. Однажды, выйдя купить сигареты, я услышал из парка, находящегося неподалеку от дома Айиных родителей, женский крик. Заскочив в ближайший магазинчик, я попросил человека за прилавком связаться с полицией. Из-за деревьев по-прежнему доносились крики, но уже не пронзительные, а приглушенные. Я пулей помчался в парк. К моему ужасу, я увидел там женщину, пытающуюся вырваться от мужчины. Брюки у того были расстегнуты. Он зверски избивал свою жертву и срывал с нее платье. Недолго думая, я кинулся к насильнику и резким движением отбросил его в сторону. Пока истерзанная женщина приходила в себя, я молотил мужика ногами. И вдруг, не помню как, я оказался на земле.

— Стоять! Полиция!

Сержант применил против меня прием дзюдо. Не выказывая сопротивления, я наблюдал, как двое других

полицейских арестовывали насильника. Женщина сидела под деревом, громко всхлипывая, одной рукой она утирала слезы, а другой натягивала разорванное платье. Она выглядела совсем обессиленной. Мне хотелось утешить ее, но полицейский не ослаблял хватки. Похоже, что он еще не разобрался в ситуации. Наконец, он отпустил мою руку, но, к моему удивлению, тут же надел на меня наручники. Потом вместе с насильником я был доставлен в местное отделение полиции.

Я как мог пытался объясниться на своем ломаном шведском и успокоился лишь с появлением в отделении Айи и ее отца. Между отцом Айи и сержантом полиции возник достаточно ожесточенный спор. Я изо всех сил пытался понять, о чем шла речь.

— Он говорит, что ты ему симпатичен, — прошептала Айя, пытаясь поспевать в переводе за спорщиками, — но ты нарушил закон. Использовать приемы восточных единоборств в нашей стране категорически запрещено.

Я был вне себя от ярости.

— А как же бедная женщина? — вспыхнул я.

— Именно об этом мой отец и говорит ему. Ты спас ее от большой беды.

— Он понимает это?

— Ну, конечно! Только он твердит свое, дескать, закон есть закон.

В конце концов, сержант подошел ко мне. Он говорил медленно, по-шведски. Оказывается, это было официальное предупреждение. Потом он сказал мне, что я свободен и могу идти. В благодарность отец Айи пожал сержанту руку.

— Чуть не влипли! — сказал он, обращаясь ко мне, когда мы возвращались домой. — Тебя запросто могли продержать в камере всю ночь.

Айя поддерживала меня во всем, но я знал, что моя работа ей не нравится. Я тоже понимал, что професси-

ональный риск был очень высок. Меня могли убить в любое время. Но порядочно ли я вел себя по отношению к девушке? Айя начала вести разговоры о замужестве. Я любил ее сильно и за время, проведенное с ее родителями и сестрами, не раз размышлял о том, как много упустил за эти годы. Мне хотелось вести нормальную жизнь, иметь любящую семью, а в будущем, может быть, и детей. «Не пора ли что-то менять?» — задавался я вопросом.

Вскоре, получив очередное задание от МФКФ, я уехал в Неаполь, чтобы охранять Амина. У меня там была квартира, которую я снимал вместе с Уильямом и Кевином, профессиональными баскетболистами. Они также финансировались МФКФ.

Зазвонил телефон, трубку снял Уильям. Он был огромного роста, этот чернокожий парень из Чикаго, и всегда подшучивал над ребятами. Я смотрел телевизор и слышал, что он разговаривал по телефону, но был настолько поглощен фильмом, что не обратил внимания на тон его голоса. Потом он выключил телевизор и встал передо мной.

— Боюсь, парень, не очень хорошие новости для тебя. Айя попала в аварию...

С его слов выходило, что Айя погибла в автокатастрофе в Лондоне. Какие-то лихачи обгоняли тяжелый грузовик и на встречной полосе врезались в машину ее подруги. Айя умерла мгновенно, как и все остальные, кто ехал в машине.

Во мне вспыхнул гнев, заглушивший все остальные чувства.

— Что?! Кто это сказал? Почему ты не позвал меня? О чем ты вообще говоришь?

Я не знал, что и подумать. Злобно ругаясь на Уильяма, я двинул его ногой в грудь. Тот рухнул на пол. Я не верил ему.

— Это ведь одна из твоих дурацких шуток? — орал я на него, проклиная и ругая на чем свет стоит. Но в глубине души я понимал, что Уильям сказал правду. Даже Уильям не стал бы шутить о таких вещах.

После этого известия что-то как будто сломалось во мне. Временами меня охватывал такой гнев, что совладать с ним было просто невозможно. Однажды вечером я выкатил мотоцикл и как безумный понесся куда глаза глядят. Я летел, не разбирая дороги, пока за мной не погнались двое полицейских. Мне хотелось, чтобы в погоне за мной они разбились или скатились с вершины горы в пропасть. Что будет со мной потом, мне было все равно. Жизнь или смерть — какая разница? Я устроил с полицейскими дикие гонки. В конце концов я успокоился и соизволил остановиться. Полицейские были в ярости. Стиснув зубы, не проронив ни слова, я показал им свое дипломатическое удостоверение. Они никак не могли перевести дух после такой погони. «Ну, давайте, парни, двиньте мне по морде», — думал я, ярость во мне так и бурлила. Полицейские тщательно изучили мое удостоверение, им ничего не оставалось делать, как только смиренно сесть на свои мотоциклы и уехать. До сотрудника дипломатической службы они не могли дотронуться даже пальцем.

Друзья не знали, как помочь мне справиться с гневом, что сжигал меня изнутри, и нарочно прятались от меня. Разговор по душам был не для них. Не такие это были ребята. Однажды вечером Уильям хотел просто поговорить со мной, но разговор кончился тем, что я пообещал набить ему морду.

Как-то, одолеваемый тяжелыми мыслями, я забрел в полутемный ресторанчик на главной улице в центре Неаполя. Хотелось побыть одному, посидеть, подумать, спрятаться в свою скорлупу. Я подошел к стойке и попросил стакан молока. Бармен хохотнул, но, увидев мои злые глаза, тут же осекся. Я снова сказал:

— Молока, вот деньги, — и сунул ему купюру.

— Молоком не торгуем...

— Тогда давай сок!

— Разве не понятно? — спросил он, указывая на объявление у себя над головой. — Пиво за 5 000 лир или бутылка шампанского за 12 000. Затем можете выбрать девушку.

— Девушку? Какую еще девушку? Не надо мне никакой девушки! Просто дай мне выпить!

Я не мог понять, о чем он говорит, мне просто надо было здесь посидеть.

— Пива или шампанского?

— Давай пива! — крикнул я. Еще секунда — и я бы вырубил этого бармена на месте. Я взял пиво, которое не собирался пить, и уселся за столик подальше от стойки. Через пару минут ко мне подсела какая-то девица. Ей явно не было и восемнадцати, ее лицо было густо размаковано, и от нее разило жуткими духами. Я смотрел на нее, ничего не понимая. Что это еще за явление?

— Чего тебе? — спросил я.

— Купи мне что-нибудь выпить... — ответила она.

Я был немного озадачен. Она смотрела на меня, моргая искусственными ресницами, и улыбалась уголком рта. Меня это раздражало.

— Ладно, чего тебе?

— Хочу шампанского.

«Губа не дура!» — подумал я, но не стал спорить и заказал бармену просимое. Каково же было мое негодование, когда он принес бутылку шампанского, оставив на столике счет на 17 000 лир.

— О чем поговорим? — спросила наглая девчонка сладким голоском.

Я пришел в ярость.

— Да я вообще не желаю говорить с тобой!

Теперь пришел черед растеряться девчонке.

— Ладно, тогда зачем ты купил мне шампанское?

— Так ты же просила выпить.

Наконец до меня дошло, что здесь происходит.

— Заплатил за выпивку, значит, говори со мной, — капризно сказала она.

Я пришел в ужас.

— Это просто недоразумение. Я хочу побыть один, — сказал я, собираясь вставать.

— Нет, прошу тебя! Не делай этого! — В ее голосе было отчаяние. — Разве ты не хочешь переспать со мной?

— Нет!

Я стал подниматься из-за столика, но она схватила меня за руку.

— Пожалуйста... прошу тебя, останься, я буду рада просто поговорить.

Девчонка настороженно перевела взгляд в сторону стойки. Я не знал, что и делать. Мне хотелось побыть одному, но одновременно было жалко девушку. Если уйти сейчас, то куда я пойду? Зачем мне суесться и думать еще об этом? Так что я проторчал с девчонкой в том ресторанчике пару часов под пристальным взглядом бармена.

На следующий день я зашел в ближайшее кафе и удивился, увидев там вчерашнюю девчонку. Она сидела за столиком и, кусая ногти, делала вид, что увлечена журналом. Вообще-то, я не узнал ее с первого взгляда. Вчера вечером в ресторанчике было темновато, но я признал ее по той же вульгарной, характерной для проститутки одежде, ароматам и штукатурке. Заметив меня, она улыбнулась, затем как будто смутилась. Я заказал два кофе и подсел к ней за столик. Накануне вечером я рассказывал ей кое-что о своей жизни, об Айе и автокатастрофе. Теперь настала ее очередь. Она сказала, что ее зовут Розанна и что она приехала в Неаполь из Румынии, что хотела бы поступить в университет, но работает проституткой, что ненавидит эту работу и ужасно стыдится ее. Она сидела и плакала, не в силах удержать слезы.

— Ну и зачем тебе это? — спросил я.

— Меня купили, — ответила Розанна. — Родители продали меня, когда мне не было еще шестнадцати. Они не могли прокормить меня.

— А почему бы тебе не сбежать от хозяев? Просто взять и сбежать?

— Не могу, я ведь говорю тебе, меня купили. Паспорт у них, денег у меня нет.

— Людей нельзя продавать и покупать, как вещи. Я помогу тебе бежать.

Впервые с момента смерти Айи мои мысли были заняты чем-то другим, а не только собственными проблемами. И вспомнилась мне двоюродная сестра Сюй Мин, которую в свое время украли и заставили работать в шанхайском борделе. У меня не было времени церемониться с дельцами, помыкающими женщинами подобным образом. Говоря со мной, Розанна крутила золотое колечко на среднем пальце. Когда я пообещал ей помочь, она сняла его и убедила меня взять его. Колечко пришлось мне только на мизинец. Нацарапав на пачке сигарет свой адрес, Розанна ушла.

Немного позже я подъехал на мотоцикле к многоквартирному дому за углом того ресторанчика, где познакомился с Розанной. Она уже поджидала меня на улице и так разволновалась, что почти потеряла дар речи. Наступила критический момент, но я готов был действовать. Мы поднялись наверх и очутились в длинном коридоре, по обеим сторонам которого было множество дверей. Некоторые двери были открыты, и я мог видеть девушек. Одни спали, другие лежали листали журналы. Когда мы проходили мимо, нам свистели вдогонку. По коридору прохаживалось двое вышибал. Один из них направился ко мне и спросил, зачем я тут. Понятное дело, в это время дня гостей здесь не ждали. Его тон рассердил меня. Ни слова не говоря, одним ударом я сшиб его с ног и прижал коленом к полу. Послышался хруст костей.

Затем я уложил на пол и второго. Его постигла та же участь. Взяв в своей комнате небольшую сумку с вещами, Розанна привела меня на первый этаж в кабинет хозяина. Это был маленький, худосочный человечек с лицом хорька. Я потребовал, чтобы он вернул Розанне ее паспорт. Видя, что я не шучу, он тут же начал рыться в ящике, пока не нашел ее бумаги. Хорек не пытался сопротивляться, но я все же ткнул его лицом в монитор компьютера. Кровь брызнула и на мою одежду. Заметив канцелярский ножик, которым хозяин вскрывал письма, я схватил его и замахнулся, намереваясь пырнуть негодяя. В этот момент я вдруг почувствовал на себе взгляд Розанны. Я смешался и отбросил ножик подальше. Схватив девушку за руку, я вывел ее из здания, посадил на мотоцикл, и мы рванули ко мне домой.

Когда я отворял дверь, Розанну все еще трясло. Ужас искажал ее лицо при одной только мысли о разборке в кабинете хозяина. Я мог догадываться, о чем она думала все это время, пока ехала сюда. И потому попробовал переубедить ее. Ведь на самом деле я не такой жестокий. При этом я говорил больше о том, что происходило со мной в последние недели. Постепенно Розанна успокоилась, и я провел ее в свою спальню.

— Ты сделал мне столько добра! — сказала Розанна. — Я не хочу оставаться в долгу.

Она обхватила мое лицо руками, повернула к себе и потянулась губами к моим губам.

— Нет!

— Но это все, что я могу сделать. У меня ведь нет денег.

— Мне не нужно денег. Мне от тебя ничего не нужно.

Я показал Розанне ее кровать, а для себя прихватил запасное одеяло из платяного шкафа.

— Зови, если что-нибудь нужно. Я буду на диване в гостиной, — сказал я и выскочил из комнаты.

На следующий день я отвез Розанну в аэропорт и купил ей билет домой. На ней были джинсы и большой,

не по размеру, свитер. На лице никакой штукатурки. Только сейчас я увидел, какая она красивая.

— Никогда не забуду твоей доброты. Но мне нечем отблагодарить тебя! — сказала она.

Я передал ей конверт с деньгами.

— Теперь ты сможешь поступить в приличный колледж, — сказал я Розанне, почему-то ощущая себя ее отцом. В ее глазах заблестели слезы. Она чмокнула меня в щеку. Нежно так, по-детски. Все. Дальше я просто смотрел, как она шла к самолету.

По дороге в город я вновь переживал события вчерашнего дня, особенно момент расправы с теми дельцами. Совсем неплохо, даже хорошо. Тогда мне хотелось безжалостно бить этих людишек до тех пор, пока не почувствую вкус их крови. С каждым ударом я ощущал, как гнев покидает меня, но продолжал крушить и не мог остановиться. Я зажмурился, чтобы избавиться от этого кровавого наваждения, и вел мотоцикл совсем небрежно. Мне было стыдно, и все же я чувствовал, что меня уже охватила новая жажда. Это желание было недобрым, непреодолимым и не поддающимся контролю. Настоящая одержимость. Я развернул мотоцикл, надавил на газ и погнал в горы.

Глава 8

Я ни на минуту не мог остаться один. При этом я не искал никакого общества. Свободное время я коротал в барах и ресторанах, глядя на радостных, улыбающихся, беззаботных людей. Говорить не хотелось ни с кем. Я посещал увеселительные заведения, потому что их шум и сутолока помогали заглушить мучительную сердечную боль, но была еще другая, более мрачная, зловещая причина посещения всех этих мест, которую я до конца не осознавал. Странный привкус во рту не исчезал. Тот самый металлический привкус, который я впервые ощутил, избивая человека в борделе. Я пытался забыть его. Но он снова и снова появлялся. Это был привкус моей свирепой ярости, дикая, почти физическая жажда крови. Жестокий факт состоял в том, что я внезапно преобразился. Спокойствие, сдержанность, желание идти путем просветления исчезли. Теперь я жаждал лишь противоборства.

Однажды, когда МФКФ предоставила мне небольшую передышку, Амину Файеду вдруг понадобилось загрузить меня работой. Связавшись со мной напрямую, он попросил меня встретиться с ним в столице Кипра, Никосии. Честно говоря, упрашивать меня не понадобилось.

В первый же свободный вечер я окунулся в ночную жизнь Никосии. Народу в баре «Afrikanas» было бит-

ком, но я все-таки нашел себе местечко в укромном уголке и, развалившись в кресле, стал наблюдать за посетителями. Здесь веселилась компания датских солдат. Я смотрел на них с презрением. Они развлекались тем, что побуждали друг дружку опрокидывать рюмку за рюмкой, в то время как другие распевали песни и хлопали в ладоши. Пили большей частью крепкие спиртные напитки. Один из солдат, двухметровый верзила, выпил без передышки, одну за другой шесть пол-литровых кружек пива, сорвав всеобщие аплодисменты. «Идиоты, — подумал я, — так и хочется преподать вам урок да посмотреть, такие ли вы крутые, какими кажетесь».

Время шло. Солдаты, пьяневшие на глазах, стали шуметь и буяннить. В одной из соседних кабинок сидели за выпивкой три девушки. Болтали между собой, никого не задевая. Они живо напомнили мне об Айе и ее сестрах. У одной из здешней троицы была нежная кожа и светлые волосы. Совсем как у Айи. Девушки говорили о своем, но молодые люди начали вдруг выказывать интерес к соседкам. Когда блондиночка поднялась и направилась к стойке бара, один из них увязался за ней. Я смотрел, как девушка пыталась отвязаться от него — вежливо, но безуспешно. Во мне начала закипать кровь. И чем дольше ожидала она своего заказа, тем настойчивей становился этот датчанин. Она повернулась к нему спиной — это не помогло. Оставить блондинку в покое солдат не пожелал. Съехав на самый край своего кресла, я не спускал глаз с обоих. Солдат подошел с другой стороны и опять встал перед нею. Блондинка снова отвернулась, тогда он схватил ее за плечо и грубо, рывком развернул ее лицом к себе. В этот миг я заметил страх в ее глазах. Девушка попыталась вырваться, но парень вцепился в нее крепко.

Ярость пополам с ненавистью переполнила меня. Не думая ни о чем, я бросился к стойке бара, разбил стакан и ткнул тем, что от него осталось, в лицо датчанина.

Поднялся невообразимый шум. Датские солдаты, человек десять-двенадцать, тут же бросились к стойке. Однако я, змеей проскользнув между ними, взлетел по лестнице и выскочил на ярко освещенную улицу. Теперь у меня появился жизненно важный оперативный простор. Солдаты были мертвецки пьяны, и я прекрасно понимал, что здесь могу легко уложить их всех. Что было бы невозможно сделать в небольшом, тесном баре.

— Ну, живей! Подходите, угощайтесь! — завопил я.

Каждый мускул моего тела жаждал схватки и, казалось, был пропитан адреналином. Когда пьяные солдаты стали выползать из полумрака бара на улицу, я останавливал их, одного за другим, ударом в лицо или в область паха. Одному все же удалось заехать мне кулаком в глаз. Страшная боль обожгла глазницу, но это только подлило масла в огонь моей ярости. Мне мало было выкурить их из бара. Хотелось бить, крушить и калечить. Жаждущий крови, в неистовстве, я бросался на солдат, разбивая им носы, переламывая кости и уродуя их со страшной силой.

В приступе ярости я ощущал, как все более и более напряженно пульсирует кровь в моих жилах, в то время как с каждым ударом и пинком безотчетное желание бить и крушить лишь усиливалось.

Потом вдруг завывли сирены, появилась полиция. Но я уже исчез в темноте.

— Устроил вчера небольшой трам-тарарамчик? — спросил меня Амин, подмигивая и улыбаясь до ушей.

— Ничего особенного, — сказал я в ответ, поглаживая синяк вокруг подбитого правого глаза. Меня раздражало, что он уже знает об этом инциденте. Хотя было бы удивительно, если бы он не знал. Он был человеком хитрым, расчетливым и хладнокровным, он умел обращаться со мной.

Разумеется, Амин сразу уловил перемену во мне, которая, как он думал, пойдет на пользу его интересам.

— Сегодня вечером поиграем, — объявил он и, хлопнув в ладоши, открыл сейф, чтобы достать оттуда пару толстых пачек банкнот, схваченных резинками.

В казино было полно народу, и, пока мы с Амином проходили через зал, чуть ли не каждый приветствовал его, кто почтительным поклоном, кто крепким рукопожатием.

— Ага, господин Файед, думаете, подфартит сегодня? — встретил нас управляющий казино, собственной персоной провожая к столику. Лучший столик ждал Амина в углу. Амин улыбнулся. Когда крупье начал сдавать карты, на лице Амина отразилась гамма чувств от самодовольства до жадности. Игра должна была вот-вот начаться, как вдруг возле Амина появился какой-то человек и заговорил с ним. Незнакомец был озабочен и сердит. Со своего места я видел, что с каждой минутой мой босс злится все сильнее. Я терпеливо ждал его сигнала, а потом подошел и встал рядом. Незнакомец явно оробел, но по-прежнему приставал к Амину с просьбами, говоря все быстрее и отчаянней. Я не стал дожидаться другого сигнала. Как только этот тип попытался коснуться руки Амина, я оттащил его в сторону и свалил на пол. Больше ничего не потребовалось. Он вскочил и пустился бегом к выходу. Амин одобритительно кивнул и продолжил игру.

На следующий день босс вызвал меня в свой пентхаус. Он был со мной чересчур любезен, и я знал, что последует дальше. Теперь я был готов на все.

В тот вечер я посетил человека, который задолжал Амину крупную сумму. Это был знаменитый торговец оружием. Я появился у него неожиданно и застал его врасплох. Охраны не было, торговец был один. Я сказал ему, что приехал за деньгами, которые он задолжал

господину Файеду. Торговец только улыбнулся. Его самоуверенная, высокомерная улыбка смахивала на гримасу, украшавшую лица многих богатых и влиятельных клиентов. Меня чуть не вырвало. Что он из себя корчит?

— Передай своему боссу, что таких денег у меня нет, — сказал он. — Я расплачусь с ним по полной, но только к концу недели. — С этими словами он указал мне на дверь. Я рассердился, но не очень, поскольку знал, что его час еще не пробил.

Амин плюнул со злостью, узнав ответ.

— Возвращайся и заставь его расплатиться сегодня же вечером, — приказал он. — Когда расплатится, изуродуй!

Я не привык, чтобы со мной разговаривали подобным образом, но все же я был безгранично предан Амину. МФКФ платила мне за его безопасность, остальное меня не касалось. На мне лежала ответственность лишь за исполнение обязательств перед клиентом. Выполнение приказа Амина не входило в круг моих обязанностей, возложенных на меня МФКФ, но все дело было в том, что теперь я сам стремился переступить грань, отделяющую законное от преступного. Меня приводила в ярость уже одна мысль о том, что кто-то может позволить себе так нагло обходиться с моим клиентом. И я вернулся в уже знакомый дом и сделал все, как мне велели.

Амин был явно доволен таким оборотом дела и щедро вознаграждал меня. Честно говоря, мне больше понравилась не щедрая награда Амина, а моя безумная расправа с тем торговцем. Еще бы, ведь она лишь усиливала ту неумную жажду насилия, что поглотила меня целиком.

Однажды в казино я не на шутку разозлился, глядя, как Чад — африканец гигантского роста — сорил деньгами. Он расхаживал по залу и заказывал шампанское для всякого, с кем заговаривал. А чего стоили сверну-

тые банкноты, которые он рассовывал куда только мог полуголым официанткам, что потворствовали всякой его прихоти. Я хорошо знал этого африканца. Он задолжал Амину крупную сумму денег. Короче говоря, это был долг чести. В тот вечер я отправился к нему домой.

Я подошел к огромному особняку и, когда дворецкий африканца не впустил меня, просто вышиб дверь. Сбив ужаснувшегося человека с ног, я вломился в гостиную Чада. Он начал возмущаться, дескать, я не имею права вторгаться в его частные владения. Но я не дал ему договорить. Схватив африканца за волосы, я бил его до тех пор, пока он не указал мне на огромный сейф, встроенный в книжные стеллажи. Забрав причитающиеся Амину деньги, я прижал Чада к стене и стал калечить его, радуясь хрусту его костей и запаху крови. В это время в комнату вбежали двое детей африканца с дикими криками «Папа, папочка!». В конце концов детские вопли привели меня в чувство. Я отпустил африканца, и он тяжело рухнул на пол. Проскочив мимо детей, я смылся.

Долго я еще не мог успокоиться после расправы с Чадом и издавал торжествующие вопли, напоминающие визг мотоциклетных шин. Перед моим мысленным взором возникали образы его детей, но я отгонял их прочь, затаивая дыхание. И наслаждался преследовавшим меня запахом свежей крови.

Подобных драматических сцен было немало, причем с каждым разом я вел себя все более зверски. Я понимал, что наступит свой час и для Амина. Он должен поплатиться за все. Однажды наемный убийца разыщет его и сделает свое грязное дело. Я понимал также и то, что в МФКФ будут очень серьезно разбираться со мной, когда узнают, чем я занимаюсь в свободное время. Единственный способ предотвратить это — запугать или искалечить тех, на кого я нападал, чтобы они и пикнуть не могли обо мне.

Что касается моих родителей, то они, как всегда, ничего не знали, да и не хотели знать о моей жизни. Меня возмущало, что они так ни разу и не вспомнили об Айе. Будто ее никогда и не было в моей жизни. Тем не менее я всякий раз навещал родителей, когда приезжал в Лондон, и все равно старался обустроить их жизнь комфортнее. Однажды вечером мать объявила, что появилась возможность провести отцу курс нового, но дорогостоящего лечения.

— Разумеется, у нас нет таких денег, — сказала она. — На одно медицинское обследование перед операцией в Швейцарии понадобится тридцать тысяч фунтов. Мы тут подумали и решили, что если бы ты мог...

Я поднял глаза на отца. Впервые за многие годы я заметил в его взгляде искорку надежды. Отец сконфуженно улыбнулся. Мне хорошо платили, но я все проматывал, так что ни на банковском счете, ни наличными таких средств у меня не было.

— Ладно, посмотрим, что можно сделать, — сказал я родителям.

Приземлившись на Кипре, я первым делом занялся решением этой проблемы — добыванием денег. Можно было обратиться к Амину, но я не хотел быть никому должным. К тому времени я утратил всякое уважение к людям и их собственности. Работая на Амина, я сделался безжалостным сборщиком долгов и к тому же настоящим грабителем. Я нацелился на деньги. Чтобы прооперировать отца, нужно их добыть. Сделать это будет нетрудно. Я знал богатейших людей в Никосии, так что выбор жертвы — не проблема.

Все же мне надо было решиться. Перейти некую запретную черту. И я решился. Был там один нехороший, как ни крути, именно нехороший парень. Он заслуживал расправы. Однажды вечером я ворвался в его загородный дом и забрал все деньги, какие только нашел. При этом тем, кто пытался мне помешать,

не поздоровилось. Мне не хотелось звереть, но меня к тому вынуждали. Драка для меня была не чем иным, как дополнительным вознаграждением. Я брал верх и жаждал новых побед. Я был неукротим. Вернувшись в город, я решительно устремился в один из пятизвездочных отелей.

— Номер пятьсот седьмой, — потребовал я небрежно, в одну секунду окинув взглядом стенд с ключами. Порттье передал мне ключ.

— Приятного вечера, сэр.

Улыбнувшись ему, я направился к лифту и вскоре был уже на пятом этаже. «Все очень просто», — подумал я. Проникнув в номер, я тут же начал копаться в ящиках и быстро нашел то, что искал. Кем бы ни были эти люди, на уме у них было одно: сорить деньгами. Я присвоил все эти деньги и отправился в следующий отель, и так далее.

Вскоре я научился моментально запоминать ряды ключей на стенде, обращая внимание, какие ключи располагаются рядом. Затем я требовал себе ключ от нужного номера. Ограбив этот номер, я мог спокойно перейти через балкон в соседний, в котором, по моим расчетам, проживающие в данный момент отсутствовали. Я раздвигал стеклянные двери и тихо проникал внутрь. Однажды, закончив потрошить очередной номер, я насторожился: тишину коридора нарушили чьи-то голоса и звук поворачиваемого в замке ключа. Укрывшись за портьерой, я затаил дыхание. Вошли молодой человек и девушка. Они и думать не думали, что я был рядом. Как мне быть, если они подойдут к окну? Во рту я моментально почувствовал знакомый металлический привкус. Парочка веселилась, не чувствуя опасности. Я уже обчистил их номер. Калечить их не было никакой необходимости. Я осторожно выбрался на балкон и, задвинув за собой стеклянные двери, спустился на балкон ниже. За один тот вечер я набрал отцу достаточно денег для операции.

Несколько дней спустя я встретил родителей в аэропорту Никосии и передал им нужную сумму. Родители были в шоке: теперь отцу можно будет пройти предоперационную подготовку. Они побывали в моей квартире и вернулись в аэропорт, чтобы как можно скорее вылететь в Лондон.

Оставив родителей в аэропорту, я направился в Лимассол, где договорился о встрече с двумя друзьями. Был жаркий вечер, и в городе было полно счастливых курортников и докучливых дельцов, сдающих в аренду апартаменты на условиях таймшер *. Коротая время за чашкой кофе, мы обменивались рассказами о себе и глазели по сторонам. Через некоторое время появилась группа англичан. Они установили недалеко от нас большой деревянный крест.

— О не-ет, только не христиане... — протянул с усмешкой Кевин, мой приятель из Канады.

Христиане начали петь, подыгрывая себе на гитарах, а Кевин принялся изгаляться над ними:

— Христианские трубадуры! Фанатики — они и в Африке фанатики.

Я рассмеялся, но беззлобно, поскольку никаких точек соприкосновения с ними у меня не было: христиане никак не задевали меня. Когда они закончили петь, один из англичан стал проповедовать. У него был громкий голос и, несмотря на смех и злые шуточки большинства прохожих, он продолжал говорить, обращаясь к небольшой кучке зевак. С бутылкой в руках он выкрикивал:

— Кто хочет получить эту бутылку вина? — Таковых не находилось. — Ну, давайте же, совершенно бесплатно. Это просто бутылка хорошего вина. Это подарок, ничего не стоит.

* Таймшер — право использовать объект недвижимости в течение определенного срока, обычно в течение нескольких недель в году.

— Псих! — воскликнул Кевин.

— Ну, давайте, прошу вас, пройдите сюда и получите подарок.

Проповедник был смешон, какое там вино — я и без него счастлив со своей чашкой кофе. Кевин вдруг засобирался в клуб на встречу с кем-то из своих приятелей. Честно говоря, я терпеть не мог его дружков. Самодовольные болтуны, они не могли говорить ни о чем другом, кроме своей работы.

— Ступай, я догоню тебя позже, — сказал я Кевину.

Проповедник по-прежнему предлагал толпе все ту же бутылку вина. Это был человек примерно моего возраста с волосами до плеч. На нем была футболка и бермуды. «Студент, наверное...» — подумал я. В конце концов к нему с опаской подошла женщина средних лет.

— Ну, я возьму... — сказала она.

Зеваки замерли, пока проповедник вручал ей бутылку.

— Пожалуйста, пожалуйста! Без всяких условий! Это подарок... — повторился парень. — Нужно просто выйти вперед и взять.

Отважная женщина вернулась на свое место в толпе, а проповедник, наконец, добрался до сути своей проповеди.

— Вот точно так же и Иисус дарит спасение, — сказал он. — Иисус любит всех, и Его дар спасения для нас ничего не стоит. Все, что нам нужно сделать, — это принять его. Бог ничего не навязывает нам. Он предлагает Свой дар, а выйти вперед или не выйти — решать нам.

Тут я вспомнил господина Сайзера, своего школьного учителя, и его толкование слова «спасение». Как он учил, спасти — значит простить и дать возможность начать все сначала, стать чистым пред Богом. «Уж меня-то Ему придется чистить самой жесткой щеткой», — с грустью подумал я.

В конце концов, когда толпа поредела, христиане начали собирать свои вещи. В какой-то момент

проповедник перехватил мой взгляд и тут же подошел ко мне.

— Можно к вам? — спросил он.

— Ну, конечно.

Он показался мне неплохим парнем, и мне было любопытно узнать, что у него на уме. Он назвал себя Мартином. Мы поговорили с ним некоторое время, главным образом о том, чем занимается его группа. Они прибыли в Лимассол несколько дней тому назад и планировали поработать пару месяцев с местной христианской общиной. Как знакомый с этим районом, я дал ему несколько полезных советов и вскоре рассказал в общих чертах, как сам оказался на Кипре.

— Вам надо познакомиться с Майклом Райтом, — сказал Мартин. — Он славный парень. Из Северной Ирландии, но живет теперь здесь. Вы сошлись бы.

Что-то в нем было такое... в этом Мартине. Человек он, без сомнения, добрый и внимательный. Он говорил о себе, о церкви и о Боге. Но я не мог понять мотивов его действий. Он как будто бы ничего от меня не скрывал, говорил искренне. Сразу же сказал мне, что как христианин хочет, чтобы каждый человек узнал об Иисусе, о том, как Он любит всех. Меня его религиозный вздор не заинтересовал нисколько, но сам Мартин, как видно, был человеком приличным. По всей вероятности, ему просто хотелось помогать людям. Таких не спутаешь ни с кем. Когда его друзья уже собрались уходить, Мартин встал, чтобы идти с ними. Мне было приятно в его компании, и я на прощание протянул ему руку. Мартин помедлил секунду и сказал:

— Послушайте, мы возвращаемся к себе на квартиру, пойдете с нами. У нас как раз ужин...

Я, по правде сказать, сильно растерялся. Мало кто приглашал меня в гости. Я терялся в догадках, что за этим могло скрываться, но потом все-таки принял предложение Мартина. Пойду, решил я, что мне стоит, а в случае чего им всем не поздоровится.

Квартира, которую снимала группа христиан, ничем не отличалась от тех, что арендовала масса отпускников, наводняющих Лимассол. Мартин представил меня своим товарищам. Это были совсем молодые люди, очень приветливые и радушные. Мне понравилось, что они нисколько не суетились вокруг меня и не задавали лишних вопросов. Мы вместе поужинали, а потом разговорились о всякой всячине. Кое-что новое и привлекательное открылось мне в них. Некоторые из ребят упомянули в разговоре имя того парня — Майкла Райта.

— Приходите к нам в церковь, — приглашали они меня. — Там вы и познакомитесь с ним.

Я пообещал, что подумаю об этом на досуге. Покидая их, я улыбался до ушей, надеясь в самом деле когда-нибудь заявиться к ним. А теперь мне надо было догонять Кевина. В клубе меня ожидало важное дело.

Но я так и не выбрался в их церковь. Несколько дней спустя, когда я шел по улице, возле меня неожиданно остановилась полицейская машина. Вышли два офицера, показали свои жетоны.

— Садись в машину, — потребовал один из полицейских.

Я обругал его.

— Никто не посмеет меня тронуть, — сказал я ему, показывая свое дипломатическое удостоверение.

Тогда офицер вытащил наган. Я посмотрел на него и рассмеялся. Вздумал пугать меня этакой допотопной игрушкой, по всей видимости, не годной ни на что.

— Ладно, если вам нравится этот спектакль, — огрызнулся я. — Везите меня в свое отделение, а там увидите, как меня выпустят.

Я вовсе не испугался и решил подыграть им. В тот вечер я был совершенно свободен. Когда мы прибыли в полицию, на мою дипломатическую неприкосновенность наплевали: без лишних слов бросили в подземную

камеру. Все мои требования связаться с кем-нибудь из британского посольства остались без ответа. Я сидел в полной изоляции, и только в десять вечера в мою камеру-одиночку ворвалась группа полицейских в форме. Они надели на меня наручники и повели на допрос.

«Ну, теперь жди неприятностей, — подумал я. — Предъявят обвинение, освободят под залог, а потом выдворят из страны». К этому моменту я уже начал переживать, как бы они не пришили мне что-нибудь серьезное: слишком долго мурыжили меня в камере предварительного заключения.

На столе лежала груда папок с делами. Дежурный офицер открыл первое дело и приступил к допросу. В папках были собраны материалы по тем гостиничным номерам, которые кто-то когда-то обчистил. Я взял на себя вину за ограбление только части номеров, ведь о множестве других я ничего не знал. Когда я стал отрицать свою причастность к остальным ограблениям, полицейский страшно рассердился. Он ожидал от меня признания по всем делам вместе взятым. Но я вовсе не собирался признаваться в преступлениях, которых не совершал. Офицер не отставал. Я понял, что он будет засыпать меня вопросами и не отвяжется, пока не получит нужного ответа. Он вспотел от напряжения, капельки пота катились у него со лба, капали с бровей и стекали по его неопрятным усам. Атмосфера накалялась, и я понял, что он постарается поймать меня на противоречиях. Сейчас мне не мешало бы сохранять спокойствие.

— Я не скажу ни слова, пока не переговорю с посольством, — сказал я ему.

Он усмехнулся и потер жирный загривок.

— Я требую встречи с представителем британского посольства!

Не успел я выпалить это, как он размахнулся и хлестко ударил меня по щеке.

— От меня ничего не требуй. Твое посольство не желает встречаться с таким ничтожеством, как ты. Здесь

ты в моей стране, и у тебя, похоже, крупные неприятности. — И, подойдя ближе, он плюнул мне прямо в лицо.

Гнев так и закипел во мне.

— Ах ты сукин сын! — прорычал я, почувствовав кровь из разбитой губы. Я еще никогда не попадал в столь нелепое положение. Наручники так и впились в мою плоть, когда, ударив его ногой в голову, я отправил его в противоположный конец комнаты. Другие полицейские тут же окружили меня и начали избивать руками и ногами. Собравшись с духом, я принимал все удары и пинки.

Оказавшись снова в камере, я стал обдумывать свое положение. Похоже, я действительно влип. Интересно, если бы Амин узнал о случившемся, то вытащил бы меня отсюда? На следующий день меня никто не вызывал до десяти часов вечера. Потом за мной явились те же самые полицейские. Теперь они заковали мои руки и ноги в кандалы. Я отказался говорить и был снова жестоко избит.

Побои повторялись на протяжении нескольких ночей, и каждый раз меня били все с большим остервенением. Избивать меня стало для полицейских чем-то вроде кровавого спорта. Мне казалось, что с каждым разом их становилось все больше. Жестоким побоям подвергали не только меня. Я слышал разговоры заключенных из соседних камер. Некоторых несчастных, по всей видимости, пытали ужасно. Каждый вечер допрос вел тот жирный офицер, что пытался навесить на меня преступления, которых я не совершал. Однажды он отдал приказание своим прихвостням приготовить меня к новому истязанию. Сбросив с меня обувь, они просунули мои ноги через отверстие в спинке стула. Когда один из охранников уселся на мои ноги, офицер, злорадно усмехнувшись, со всей силы ударил меня резиновой дубинкой по пяткам. В тот же миг нестерпимая, жгучая боль пронзила меня и волнами прошла

по ногам и спине. Об этой пытке нам рассказывали в школе господина Чжана. Женевской конвенцией эта пытка, так называемая «bastinado», была запрещена, но для этих извергов запретов не было. Я стиснул зубы. Толстяк замахнулся опять. Я попытался вырваться, но получил удар по пяткам той же силы. «Ну, подождите же, — подумал я, — от вас мокрого места не останется». Меня били до потери сознания. Затем стул из-под моих ног выдернули. Мои горевшие как в огне ступни больно ударились о бетонный пол. В конце концов их сунули в ведро с ледяной водой, чтобы скрыть следы пытки. Через неделю после таких ночных истязаний ходить я уже почти не мог.

Сопротивляться в этих условиях было бесполезно. Меня держали в ручных и ножных кандалах и пытали в присутствии восьми дюжих мужиков, любовавшихся зрелищем. Что они придумают еще? Надев на мою голову шлем автогонщика, меня, подхватив, как стенобитное орудие, с размаху били о металлические шкафчики. Ослепительные искры сыпались из моих глаз, я многократно терял сознание. Когда палачи швыряли меня на пол, я проклинал их и ненавидел. Как только я поворачивался на спину, тут же получал дубинкой в пах. Все мое тело сводило судорогой.

В какой-то момент мне стало все равно: жить или не жить. Я начал намеренно противодействовать им. Один из них полез ко мне с металлическим блендером.

— Протяни руку, — потребовал он.

Нож блендера, вращающийся на огромной скорости, крутился перед моими глазами.

— Зачем руку? Давай прямо в лицо, — выкрикнул я и плюнул в него.

Палачи пришли в неистовство.

— Ну, сейчас я разделаюсь с тобой, Энтони! — заорал дежурный офицер.

С этими словами он достал патрон для своего допотопного нагана.

— Гляди-ка, эта маслина для тебя. — Он ткнул мне патроном в лицо, а потом забил его в пустой барабан. Вокруг все замерли. А мне было до лампочки.

— Ну, давай! Стреляй, или кишка тонка...— понукал я жирного.

Я рад был умереть. После трагической смерти Айи моя жизнь превратилась в бессмысленный омут отчаяния, так что пуля из старого нагана могла стать моей избавительницей. Не желая доставлять толстяку удовольствие увидеть меня трясущимся от страха, я не спускал с него глаз. Я подыграл бы ему в его импровизации русской рулетки, ведь я был человек сильный. Полицейский офицер медлил, ожидая, что я взмолюсь о пощаде. В помещении воцарилась жуткая тишина. Пот катил с его лица градом, и чтобы унять дрожь ярости, он держал наган обеими руками. Где находился единственный патрон в барабане, я знал точно.

— Ну, давай же, трус, греческий ублюдок! Я готов поиграть с тобой, — заводил я его.

Изрыгнув поток ругательств, офицер сунул ствол нагана мне в рот до самого горла. Послышался сухой щелчок. Я даже не вздрогнул. Швырнув наган на пол, офицер выскочил из комнаты.

Из этой сумасшедшей ситуации надо было как-то выбираться. К тому времени, когда утренняя смена начала разносить завтрак, я содрал кожу на запястьях кандалами так, что уже истекал кровью. Дежурный офицер даже испугался.

— Говорю вам, что они бьют меня смертным боем. Мне нужна медицинская помощь, — умолял я.

Похоже, он был человек порядочный, не то что ночные садисты. Мне надо было просто уговорить его отослать меня в тюремную больницу. Час спустя меня уже вели туда под конвоем двух полицейских.

В больнице с меня сняли кандалы, обработали раны. Теперь запястья у меня были забинтованы так, что

никакие кандалы или наручники надеть было невозможно. Все шло по плану. Мне было почти жаль этих двух полицейских, когда они повели меня, держа под руки. Мгновенный кувырок назад — и я на свободе.

— Стой! Стрелять буду!

Но пока полицейские возились со своими пушками, я сделал обманный маневр кобры и зигзагами пересек улицу. Они так и не успели выстрелить.

Вскоре тишину нарушил вой полицейских сирен. В этом районе Лимассола было тихо, людей на улицах немного. Готовый к любым опасностям, я распластался на плоской крыше и стал ожидать наступления ночи. Внизу полицейские методично прочесывали квартал за кварталом. Я по-прежнему оставался в своем укрытии. Лежа на крыше в темноте, я стал обдумывать события последних месяцев. Меня охватило уныние. Кем я стал? Что я делаю? Станные чувства овладевали всем моим существом, хотя где-то еще оставался и гнев, и дикая жажда крушить и калечить. Пытаясь избавиться от тягостных мыслей, я стал тереть глаза, но вскоре погрузился в легкий, прерывистый сон.

До рассвета я тайно проник в свою квартиру.

Прижав телефонную трубку к уху и затаив дыхание, я слушал звуки автоматического дозвона. Наконец, раздался знакомый сигнал.

— Ну, давайте же, давайте!

В Лондоне было только восемь часов утра, мои родители перед завтраком обычно никуда не выходили. Часы тикали, минута шла за минутой. Положив трубку, я сел, опустил голову на руки и стал размышлять. Прошло не так уж много времени, как я оказался в лапах полиции. Мне надо поговорить с отцом и матерью. Куда они исчезли? Почему не берут трубку?

Пару часов подряд я пытался связаться с ними, но, увы, безуспешно.

— Миссис Даунинг, это я, Тони Энтони, простите, что беспокою вас.

Последовала пауза, потом, наконец, соседка моих родителей поняла, с кем беседует:

— Ах, да, Тони. Ты на Кипре? Как дела?

— Я пытаюсь связаться с родителями, но они не берут трубку. Вы не знаете, где они?

Вновь повисла продолжительная пауза.

— Миссис Даунинг?

— Тони, они уехали.

— Уехали?

— Они съехали с квартиры несколько дней тому назад. Мы думали, что ты знаешь. У меня есть запасной ключ от вашей квартиры. Они оставили тебе кое-что из вещей, а так — там совершенно пусто, — ответила миссис Даунинг.

У меня перехватило дыхание, будто меня ударили в солнечное сплетение.

— А куда они уехали? — выдавил я наконец.

— Мне очень жаль, Тони...

— Они не оставили вам даже адреса? Они должны были оставить хоть что-то!

— Ничего не оставили. Они даже не попрощались с нами. Просто подкатила фура, и они уехали.

Я бросил трубку на рычаг аппарата и попытался сглотнуть застрявший комок в горле. Меня душил гнев, я стукнул кулаками раза три в стену, чтобы как-то привести себя в чувство. Как они могли поступить так со мной после всего, что я для них сделал?

В последующие несколько часов я чувствовал себя так, словно тону в безбрежном океане одиночества. Родители мои, бросив меня в очередной раз, будто вскрыли застарелую рану и вынесли на поверхность все мои страдания. Все последние годы я скрывал от самого себя тоску по Айе. Теперь все подавленные чувства всколыхнулись в моем сердце и стали душить меня изнутри. Глубоко затягиваясь и теряя рассудок, я курил

одну сигарету за другой. В приступе гнева я крушил кулаками мебель, проклиная своих родителей и свою жизнь.

Безумие прервал звук дверного звонка.

Глава 9

Ничего не соображая, я открыл дверь. Дуло револьвера ткнулось мне прямо в лицо.

— Стой, ни с места!

Я сразу пришел в себя, когда узнал того доброжелательного полицейского, что накануне помог мне получить медицинскую помощь.

— Что ты наделал, Тони? Зачем сбежал? — спросил он.

Кажется, он был один. В полиции не ожидали, что я дерзну вернуться в свою квартиру. Сбежать еще раз не представляло никакого труда, но я просто устало взглянул на него.

— Я же сказал вам. Меня там бьют.

— Ты понимаешь, что я обязан задержать тебя?

Была в его голосе необычная мягкость, если не вкрадчивость, и наручники он протягивал каким-то неопределенным жестом, будто нерешительно.

— Попробуешь бежать, буду стрелять, — спокойно сказал он.

Я протянул руки, полицейский защелкнул наручники на запястьях.

— Только прошу вас, прекратите побои и пригласите кого-нибудь из посольства...

— Посмотрим, что можно сделать, — пообещал он, конвоируя меня к автомобилю.

Уже потом я узнал, что он сдержал свое обещание. Вскоре после этого некоторые приспешники того толстого офицера потеряли работу. Но это случилось не сразу, так что в первую же ночь я подвергся уже знакомой мне десятичасовой обработке с пристрастием. Началось с того, что вошел толстяк и принялся не спеша расхаживать по комнате.

— Итак, господин Энтони, вы вернулись под мое крылышко. Не волнуйтесь, пожалуйста. На сей раз мы очень хорошо позаботимся о вас. — И с этими словами, размахнувшись, он дал мне пощечину. — Теперь, надеюсь, вы готовы отвечать?

Я молчал, уткнувшись глазами в пол. Начались побои. Ударов по пяткам не было, но били меня чем попало, а потом, взяв за волосы, таскали по полу. Наконец, мое обмякшее тело бросили на стул и предложили мне сигарету. Я отвернулся.

— Ну, кончай, кончай, тебе говорят. Я человек здравомыслящий, со мной можно договориться, — заговорил дежурный офицер по-гречески, манерно растягивая слова. Раскурив сигарету, он сунул ее мне в рот. Я тут же выплюнул. Последовала еще одна серия побоев.

Наконец, я принял решение сотрудничать. И дело было вовсе не в этих истязаниях. Я просто устал, и мне все стало безразлично. Я уже ни о чем и ни о ком не думал. Кроме родителей. Почему они так подло предали меня? Теперь я ненавижу их сильнее, чем когда-либо прежде.

Я принял на себя вину за все многочисленные грабежи, как свои, так и чужие.

Несколько дней спустя меня посетил один человек из британского посольства. Это был весьма учтивый англичанин в светлом костюме и стильных солнечных очках.

— За вами как за смертью посылать! — встретил я его в штыхы.

Мужчина протянул мне пачку «Мальборо».

— Нам передали, что вы не желаете встречаться с нами.

Я закурил сигарету; руки у меня дрожали, как у старика.

— Что вы говорите? Я каждый день требовал встречи с вами, как только меня арестовали.

— Мы знали о вашем аресте, однако нам говорили, что вы отказываетесь от помощи, — повторился англичанин. — С этим мы ничего не могли поделать.

Верилось с трудом.

— К сожалению, мы только сейчас, — продолжал представитель британского посольства, — получили официальное сообщение от кого-то из местных, что вы готовы принять нас.

Пока я по порядку рассказывал парню из посольства обо всем, что пережил здесь за это время, он то и дело поправлял свой галстук и нервно ерзал на стуле.

— Мы постараемся сделать для вас все возможное, — пообещал он, — но вы совершили массу серьезных преступлений. Вряд ли греки поймут нас правильно и в любом случае симпатизировать не станут.

Мы сидели некоторое время в полной тишине.

— Посольство может обеспечить вас адвокатом, хотя никакой гарантии оправдания, как вы понимаете, нет, — сказал он. — Мы полагаем, что судебное заседание по вашему делу состоится в ближайшие три дня.

После этого свидания меня отвели обратно в камеру.

— Добрый день, мой друг! — услышал я приветствие, когда офицер отпер дверь и впустил меня внутрь. Услышав грамотную английскую речь, я очень удивился. Средних лет нигериец поднялся мне навстречу с лежака, где читал книгу, и крепко пожал мою руку. Поначалу присутствие этого добряка несколько не обрадовало меня, хотя было приятно, что меня не оставили на ночь с сумасшедшим. Правда, пришлось терпеть его шутки и болтовню. Время шло, и я даже проявил к нему некий интерес. По всей видимости, его посадили сюда по ошибке, поскольку он не совершил никакого преступления.

С визой бедного нигерийца что-то перепутали, и пока разбирались, он находился под стражей. Я подумал, а вдруг он боится сидеть в одной камере с таким человеком, как я. Может быть, действительно так и было, хотя внешне он казался мне удивительно спокойным.

— Знаешь, мой брат, эту книгу тебе следовало бы прочитать, — сказал он, вручив мне свою книжонку. Я прочел заголовок — *«Вратами славы»*.

— О чем здесь пишется? — спросил я без всякого интереса.

— Здесь ты найдешь свидетельство изумительной любви Господа Иисуса, — ответил он.

Пока он говорил, я из вежливости просматривал книгу. И тут мне вспомнились Мартин, молодой уличный проповедник, и студенты, которых я встретил в Лимассоле.

Через несколько часов за моим новым другом пришли надзиратели. На свободу!

— Не исчезай совсем, — улыбнулся нигериец. — Приезжай ко мне в гости в Лагос.

Накарябав на обложке свое имя и адрес, нигериец вручил мне книжку и протянул руку на прощание.

— Да благословит тебя Господь, Тони Энтони, — сказал он и вышел.

С его уходом в камере стало необычно тихо. Болтовня нигерийца все же успокаивала меня, а теперь с наступлением ночи ярость и паника снова стали овладевать мной. Я злился на родителей, все больше и больше ожесточая свое сердце, хотя мне по-прежнему безумно хотелось отыскать их. Мне была нужна свобода. По мере того как ярость перерастала в бешенство, мне стало казаться, что на меня опускается потолок, стены давят со всех сторон. Сделалось душно и страшно. Я перестал управлять собой. Тяжело дыша, я чувствовал, что задыхаюсь. Хотелось глотнуть свежего воздуха. Это была какая-то пытка, мне казалось, что меня душила моя собственная плоть. Кинувшись к

двери, я начал барабанить руками и ногами и требовать свободы. Бесполезно. Тогда я стал бросаться на стены и биться об них до тех пор, пока не рухнул на пол в полном изнеможении.

Пол был пыльный, и пот, стекавший с меня, собирался на полу крупными каплями. И тут я заметил под деревянной скамейкой среди мусора старую смятую консервную банку с согнутой крышкой. Меня бросило в дрожь. Я лихорадочно оторвал металлическое колечко от крышки и с остервенением начал резать запястья. Выкрикивая ругательства и проклятья, я раздирал кожу, желая поскорее сдохнуть. Но потом колечко согнулось и переломилось. Оставшимся кусочком я старался добраться до основных артерий, но все напрасно. Попытка самоубийства не удалась. Ссадины на моих запястьях сочились кровью, но мне никак не удавалось нанести себе роковую рану. В конце концов, поджав колени к груди, я заснул.

Огромный допотопный вентилятор под потолком гонял затхлый воздух по залу суда. Посольство подготовило для меня кое-какие документы по делу, но многого я не мог разобрать, хотя изо всех сил старался понять быструю речь греков. Процесс шел без переводчика. Я увидел свою беспомощность и полную безнадежность и был бессилен в своем гневе, разъедавшем мне душу с момента гибели Айи. Меня осудили на три года, но мне было все безразлично: таким больным и измученным я чувствовал себя тогда. Через час после суда меня уже везли в Центральную тюрьму Никосии, *fylaki*, как мне потом стало известно. Все это происходило в сочельник 1989 года.

Единственная лампочка на потолке бросала тусклый зеленоватого оттенка свет на покрытые известкой стены. Два офицера, оба с сигаретами, смешно прилипшими к губам, устроили мне процедуру тюремной регистрации. Меня обыскали, сфотографировали в трех проекциях,

сняли отпечатки пальцев, а потом отобрали весь мой немудреный скарб. Взамен мне вручили кусачее одеяло, мыло, рулон туалетной бумаги и пакетик с безопасными бритвами и отвели в мрачное чрево тюрьмы. Это было древнее строение с осыпающимися местами стенами. Через дыры в низком потолке там и сям пробивались лучи света. Когда мы спускались по узким каменным ступеням, в нос ударило ужасающее, совершенно невыносимое зловоние. Где-то в глубине души зарождалась паника. Сжав руки в кулаки и впившись в ладони изуродованными ногтями, я приказал себе не распускаться. Переговариваясь друг с другом, тюремщики злобно смеялись. Лестница спускалась в бесконечно длинный коридор с камерами по обеим сторонам. В конце коридора в нише стены виднелась тяжелая одностворчатая дверь. В замкнутом пространстве каменных стен и металлических решеток гулко разносились крики и вопли вперемешку с истерическим смехом. Вскоре тюремщики остановились и отперли дверь одной из камер. Показав на нижнюю койку, они по-гречески невнятно озвучили какие-то правила.

Воняло застарелым потом и мочой. В камере было семь железных двухъярусных кроватей, прикрепленных к полу тяжелыми цепями. Каких только разновидностей человеческой испорченности здесь не было! Двое на верхнем ярусе, рыча и отфыркиваясь, словно дикие звери, лежали в обнимку. Под ними, на нижнем ярусе, парень с лихорадочным румянцем тыкал себе в руку грязной иглой. Смотреть на его ужасные шрамы и рубцы было невыносимо. Другой, напевая и качаясь как в гипнотическом трансе, с отсутствующим видом карябал себе кожу лезвием. Еще один сидел на полу совершенно голым в луже мочи и что-то мурлыкал себе под нос.

Все это было похоже на какое-то непристойное шоу уродов.

Жуткий страх напал на меня. Кинувшись к своей койке, я сдернул с нее плоский, кишаший блохами

матрац и швырнул в тюремщиков. В камере поднялся невообразимый хаос. Народ от страха кинулся врассыпную, когда я стал бить и крушить без разбора все, что попадалось под руку. Когда один из тюремщиков попытался вытащить из-за пояса дубинку, я вырвал ее у него из рук и зашвырнул в единственное окно, забранное решеткой. По пути дубинка задела одного из заключенных, да так, что его кровь брызнула на стены. С диким ревом я бросался с койки на койку, между тем как заключенные кричали от ужаса и прятались кто куда.

Не прошло и пяти минут, как следом за нами в камеру ворвались еще несколько тюремщиков с наганами и резиновыми дубинками. Меня сбили с ног и, приставив оружие к голове, заорали:

— Эй, *fylakismenos*, довольно, довольно! Стоп!

Я попытался встать, но тюремщики как по команде набросились на меня с дубинками. Удары следовали один за другим. Наконец, им удалось завести мне руки за спину и связать толстым кожаным ремнем. Но я продолжал отбиваться ногами до тех пор, пока сокрушительный удар по затылку не отправил меня в нокдаун.

Очнувшись через какое-то время, я почувствовал, как меня волоком тащат по булыжному двору. Я смутно сознавал, что воздух стал свежее. Мы были снаружи. После всех терзаний мое тело горело от боли, голова гудела, в ушах стоял шум. Светило яркое солнце, и я невольно прикрыл глаза. Голова закружилась, и я снова впал в беспамятство.

Очнувшись, я увидел, что нахожусь в бетонном carcere без единого окошка. Это была мерзкая, страшно холодная и темная камера. В тусклом свете единственной пыльной лампочки, висевшей под потолком, нельзя было не заметить человеческих испражнений, блевотины и шныряющих мимо отвратительных крыс и тараканов. Я лежал на узких деревянных нарах, на которых до меня коротали свой срок такие же несчастные, как я.

Когда я осторожно прощупал свои руки и ноги, то не нашел у себя ни одного серьезного повреждения, но все тело мое ломило, голова невыносимо гудела. Я был весь в холодном поту. Стояла мертвая тишина. Липкий страх овладел всем моим существом, я был как зверь, загнанный в клетку.

— Возьми себя в руки! Держись! — приказал я сам себе. Я решил медитировать, пытаюсь овладеть энергией ци, но путь к просветлению отстоял от меня на миллионы световых лет. Мне хотелось обрести внутренний мир, и казалось, что он где-то здесь, рядом, рукой подать, но покой был мне недоступен. Увы, моему мысленному взору теперь открывалась только безжизненная, черная бездна ужаса.

В страхе потерять рассудок я постарался мысленно сосредоточиться на знакомых образах — я представлял себе отлогие склоны Сицзяна, поросшие густым лесом, где в свое время я выслеживал белого тигра; заросли кассии и османтуса в цвету, распространявшие в воздухе сильный пьянящий аромат (летом этот аромат достигал нашей деревни); Швейцарские Альпы, где я ходил на лыжах; Монако, где я лихо разъезжал на мотоцикле и ветер хлестал мое загорелое лицо; прогулочную лодку на озере в Гайд-парке...

Нахлынувшие воспоминания захватывали меня, но, к сожалению, вслед за ними всплывала грубая реальность: истязания деда, предательство родителей, трагическая гибель Айи...

Время шло, и я чувствовал, что могу спятить. Страние с дырявой крышей и разрушающимися стенами, как свирепый хищник, готово было поглотить меня. Я не знал, который теперь час и сколько времени уже нахожусь здесь. От холода и ужаса я дрожал всем телом.

Неожиданно меня заставил подскочить какой-то грохот. Оказалось, что этот грохот производит металлический столик на колесиках для раздачи пищи.

Тюремщик улыбнулся мне, и от этой улыбки что-то в моем сердце на короткий миг оттаяло. Он говорил по-гречески, я мало что понял, но обрадовался его приходу.

— *Lamarina*, — сказал он, подавая мне металлическую тарелку с горячим чаем и крошенными туда вареными яйцами, помидорами и хлебом. Я смотрел на это отвратительное крошево и молчал.

— Кушать... полезно... — убеждал он меня. — Тело укреплять...

Делать было нечего. Я проглотил добрую порцию этой баланды и постарался выразить тюремщику свою благодарность жестами.

Дни шли за днями, и постепенно я стал узнавать тюремщиков, что патрулировали блок, в лицо (так называемых *varianos* — по-турецки охранников). Они казались мне людьми более или менее порядочными. От них я узнал, что в соседнем карцере держат еще одного заключенного, еврея. Его держали там ради его собственной безопасности. Со временем мне предстояло понять, что Центральная тюрьма Никосии была средоточием политической ненависти и безумия. Палестинцы и арабы совершили уже несколько покушений на этого еврея. Иногда глухими ночами до меня доносилось его пение.

Я коротал время, лежа на нарах, глядя в потолок, или занимался упражнениями по системе тай-чи: надо было держать себя в форме. Через неделю меня вывели из холодного карцера и снова повели по булыжному внутреннему двору, но уже в обратном направлении, в мрачную контору, расположенную в главном корпусе тюрьмы. За старинной пишущей машинкой сидел какой-то невзрачный человек. На столе лежала стопка дел. Когда *varianos* подвели меня к нему, человек только поднял глаза.

— Антонио Энтони, — сказал один из *varianos*, обращаясь к человеку за пишущей машинкой. Тот тяжело

вздыхнул и тут же зарылся в бумагах. Я молча стоял, теряясь в догадках, что еще для меня придумали. Между тем двое *varianos* уселись на большой стол и закурили, не переставая болтать друг с другом, словно меня тут не было. Прошло какое-то время. Внезапно открылась дверь, *varianos* подскочили и вытянулись, как часовые на посту.

В комнату вошел высокий человек в офицерской форме и громким голосом что-то скомандовал. *Varianos* мигом погасили окурки и стали по стойке смирно. За офицером следовал по пятам некий тип, внешне смахивающий на турка. Бросившись к столу, он первым делом вытащил для офицера стул. Затем достал из кармана огромную сигару и коробок спичек, с подобострастием положил перед офицером на стол и тут же ретировался в угол комнаты. Там он и оставался, напоминая трясущегося от страха зайца.

Человек в офицерском мундире держал себя так, словно здесь все находилось в его распоряжении. Три нашивки на рукаве мундира свидетельствовали о том, что он один из старших офицеров тюремного учреждения. Как потом мне рассказали, это был *chowishi* — один из немногих начальников огромной тюрьмы.

Однако *chowishi* не стал садиться на приготовленный ему стул. Вместо этого он принялся вышагивать по комнате, делая вокруг меня круги до тех пор, пока вдруг не остановился передо мной как вкопанный. От него несло отвратительным запахом чеснока и перегара. Он холодно посмотрел на меня. У него были глубоко посаженные карие глаза и хищный, ястребиный взгляд. Он что-то сказал «испуганному зайцу», тот вскинул к виску правую руку и, приняв из рук клерка папку с делом, быстро преподнес ее своему боссу. Тот лениво пробежал глазами по документам.

— Ах да, господин Энтони. Я много слышал о тебе... — сказал он на ломаном английском.

Я не знал, надо ли мне отвечать, и потому промолчал.

— Так, так... Теперь ты успокоился?

Я кивнул.

— Пойдешь в блок Б. Будешь шуметь опять, отправишься снова в карцер. Ты понял?

Я снова кивнул. Ах, вот оно в чем дело. Старший офицер подал знак *varianos*, и меня увели.

Блок Б был уже знаком мне: именно туда меня привели в первый день. Все тот же длинный бетонный коридор, перегороженный железной решеткой с обеих сторон, и камеры, камеры, камеры... На сей раз меня поместили в тесную одиночную камеру. Тюремное начальство, помня о том, как я расправился с тринадцатью зэками при первой встрече, из соображений безопасности решило принять превентивные меры. Мне досталась не камера, а настоящий гадюшник, но я был доволен уже хотя бы тем, что не придется его ни с кем делить.

В дневное время двери камер не запирались, так что заключенные могли свободно бродить по коридору. Некоторые занимались кустарным ремеслом, используя материалы, которые за определенную мзду им поставляли *varianos*. Я быстро понял, что у всего здесь была своя цена. Заключенные и надзиратели делали свой маленький бизнес на перепродаже сигарет, наркотиков и прочих услугах сомнительного свойства. Среди заключенных преобладали греки и арабы, но были и евреи, немцы, итальянцы, французы, один уроженец Шри-Ланки и один рядовой британской армии по имени Энди, из Галифакса. Сначала мне не хотелось ни с кем заводить знакомство, но по мере того, как день за днем я привыкал к тюремному существованию, мне пришлось по душе дружеские советы Энди. За мошенничество с банковскими чеками в Никосии ему дали срок — два года. Иностранцы часто получали за свои преступления необоснованно суровые приговоры.

Весельчак Энди старался всегда держать себя в хорошей форме. Между прочим, он дал мне красочное описание всех моих соседей.

— Убийца, убийца, вор, террорист, растлитель малолетних, террорист, вор, поджигатель... — перечислял он обитателей ближайших ко мне камер. — Но их можно не опасаться, — предупредил он как бы невзначай, — а вот сумасшедших остерегайся, следи за ними в оба.

— Сумасшедших?

— Да-да, дружище. Душевнобольных преступников. Они себе на уме. Что хотят, то и творят. Ну, понимаешь... — прибавил Энди, покрутив пальцем у виска. — Сумасшедший просто непредсказуем. Никогда не знаешь, когда прирежет тебя бритвочкой.

Предупреждение Энди я пропустил мимо ушей. Уж за себя-то я мог постоять. Что поражало меня больше всего, так это внешний вид некоторых зэков. Кое-кто пытался сохранить в тюремных условиях здравый рассудок и телесную крепость, но большинство представляли собой не что иное, как мешок с костями, пытящий табачищем. Мне вспомнились недавние события, когда я попал в камеру с железными двухъярусными кроватями.

Энди предложил мне замусоленный бычок. Я помедлил, но потом все-таки взял. Страшно хотелось выкурить хотя бы одну сигаретку моих любимых «Gitanes», но на безрыбье и рак рыба. Энди продолжал рассказ о заключенных блока Б.

— Это тебе не тюрьма Ее величества, дружище, — сказал он. — Уж я-то знаю, что говорю! Хочешь верь, хочешь не верь. Здесь, как ни странно, все равны. Не имеет значения, кто ты — мелкий вор, террорист или невменяемый убийца. Запомни, здесь каждый сам по себе. Короче, держи ушки на макушке.

— Обо мне не волнуйся, у меня проблем не будет, — заверил я его.

— Конечно. Если будешь исполнять определенные правила.

Я не позаботился тогда расспросить Энди, о каких правилах он говорит и кем они установлены, но заподозрил неладное. Несомненно, с этим стоило разобраться основательно.

В каждом блоке был свой криминальный авторитет, а попросту говоря, *Papas* (другое название — *Matas*, кому как нравится). Не прошло и двух дней с моего появления в блоке, как я уже принимал «гостей». *Papas* здесь был один из эзков, которому остальные заключенные должны были беспрекословно подчиняться согласно их «закону». Если не считать душевнобольных, все остальные заключенные в блоке были «рабами» *Papas*, и, соответственно, все их имущество, все доходы и даже они сами принадлежали *Papas*. *Varianos* терпели *Papas* и даже в какой-то мере уважали. *Papas* помогал тюремщикам поддерживать определенный порядок в блоке, а остальное их не заботило. Как мне потом стало известно, *Papas* в блоке Б пользовался дурной славой, он был самым жестоким авторитетом Центральной тюрьмы Никосии.

— Привет, бобик! — сказал он мне, без приглашения вваливаясь в мою одиночку. За спиной у *Papas* было четверо или пятеро прилипал. Камера у меня была тесная, так что прилипалы задержались в двери. Я сполз с нар. *Papas* был греком. Гигант с чисто выбритой бульдожьей физиономией и маленькими глазками.

— Добро пожаловать в мой дом, — сказал он на вполне приличном английском, похлопывая меня по спине. Но я уже догадался, чего он хочет. — Ты — Джон Буль*, а я англоман — люблю все английское, — сказал он. — Будешь моей приятельницей. — С этими словами он шлепнул меня пониже спины.

* Джон Буль — прозвище англичан.

В тот же миг мой локоть метко угодил «гостю» в горло. *Papas* рухнул на бетонный пол. Прилипал тотчас как ветром сдуло. Со всех сторон набежали *varianos*. *Papas* лежал на полу, беззвучно, как рыба, хватая ртом воздух. Его тут же отнесли в изолятор. По всей видимости, я разорвал ему дыхательное горло. Больше его в блоке никто не видел. До конца дня меня заперли в камере. Я был убежден, что дело этим не кончится, но время шло, а все оставалось по-прежнему. Как мне стало известно, слухи о новом парне, что вырубил пахана блока Б, быстро распространялись по тюрьме. Этим происшествием я, сам того не ожидая, заслужил уважение заключенных, благодаря чему обеспечил себе относительно спокойную жизнь.

Для большинства заключенных каждый день означал жестокую борьбу за выживание, но меня никто не трогал, если не считать душевнобольных преступников, для которых не существовало правил. Так что мне всегда приходилось держать ушки на макушке. Среди сумасшедших в блоке дурной славой пользовался некий Акалиас и еще один ненормальный, которого звали «Алькапони». Алькапони, гигант, похожий на людоеда, бросался на зэков, насиловал, резал и наносил всевозможные травмы просто ради удовольствия. Акалиас в сравнении с Алькапони был пожиже, хотя такой же, как и тот, урод. В нем была какая-то врожденная тяга к преступлениям. Акалиасу нельзя было отказать в уме. Он был хитер и расчетлив и, чтобы получить выгоду, любого мог обвести вокруг пальца. Он так умел подъезжать к *varianos*, что всегда добивался своего. Все в блоке знали, что доверять ему нельзя ни в чем. Это был злой, завистливый человек.

— Что о нем известно? — спросил я однажды Энди.

— Да болтают, будто застал жену в постели с любовником, — ответил он.

— Такое иногда случается.

— Да, но не всякий решится изрубить обоих на куски. Говорят, что он прятал расчлененные останки их тел в своем морозильнике многие месяцы.

— Жуть!

— Только не вставай у него на пути, дружище.

В отличие от Алькапони, Акалиас временами мог сойти за вполне нормального человека. Например, Акалиас любил играть в шахматы. Он вынуждал других эков играть с собой и упивался своими победами. Никто не смел одерживать над ним верх. В свое время дед научил меня играть в шахматы, и в юности я подолгу играл с отцом, настоящим знатоком шахмат. Акалиас был хорошим партнером, так что я с удовольствием принимал его вызов. Иногда, когда по ходу партии я видел неизбежный проигрыш Акалиаса, мне приходилось внимательнейшим образом учитывать его настроение и только потом соглашаться играть с ним на деньги. Мне рассказали, что Акалиас плеснул в лицо одному американцу горячим маслом, когда тот за что-то побил его.

Шли недели, и мне поручили развозить тюремную пищу на *Lamarina*, железной тележке с колесиками. Я стал кормить медицинский блок и блок одиночного заключения. Так я зарабатывал себе на сигареты и получал возможность регулярно выходить из своего крыла, хотя и на короткое время. Однажды, подъезжая с *Lamarina* к блоку одиночного заключения, я услышал чьи-то голоса и хохот. *Varianos* лениво махнули в сторону камер, дескать, поезжай. Заглянув в первую камеру, я увидел трех человек: двух смуглых палестинцев и одного белобрысого.

— *Lamarina*, — объявил я. — Пора обедать.

— Эй, ты что, англичанин? — спросил блондин и вскочил с места.

— Да, — улыбнулся я, обратив внимание на его выговор. Похоже на акцент Джорди*.

* Джорди — прозвище жителя или уроженца графства Нортумберленд (по североанглийскому произношению имени George).

— Иэн Дэвидсон, — представился парень, подавая мне руку через решетку.

— Тони, — ответил я.

Мне понравилось его крепкое рукопожатие. Иэн Дэвидсон? Это имя вызвало у меня какие-то ассоциации, заставило насторожиться. Заметив это, Иэн добавил:

— Да, я *тот самый* Дэвидсон. Многие годы мое имя мелькало в бульварной прессе.

— ООП?*

— Да, так точно, приятель. А это мои братья по оружию, Илайес и Махмуд.

Палестинцы кивнули мне.

— Вы застрелили каких-то евреев, не так ли? — спросил я.

— Так, — улыбнулся Иэн. — Только не верь всему, что пишут в желтой прессе. Там эти жертвы были представлены как туристы, но мы охотились за ними многие годы. Все они были агентами Моссада**. А женщина была специалистом по подрыву автомобилей.

Тут я припомнил нашу вешнюю историю. Иэн был уроженец Саут-Шилдса. Британские газеты имели невероятный успех, первыми оповестив мир о Дэвидсоне как о некоем вооруженном психе, который присоединился к Организации освобождения Палестины единственно из желания бороться с евреями. Иэна с друзьями арестовали в 1985 году после одного инцидента, имевшего важные последствия. Группу Дэвидсона послали убрать двух израильских мужчин и женщину на яхте на пристани в Ларнаке. По ходу операции они оказались блокированы кипрской полицией. Иэн и его братья по оружию поняли, что ареста им не избежать. Если же они расправятся с израильянами, то станут героями, хотя их и посадят в тюрьму. Так они и поступили, заработав пожизненное заключение.

* Организация освобождения Палестины.

** Моссад — секретная разведывательная служба Израиля.

Этих людей поместили в одиночные камеры, ради их же безопасности, и *varianos* были к ним особенно снисходительны. Им позволяли общаться друг с другом, играть во всякие игры, читать книги и пользоваться другими привилегиями. Тюремщики даже снабдили их семенами, так что Дэвидсон с братьями по оружию засеяли грядки в изолированном двореке за пределами блока и копались там с пользой для здоровья. Подобное развлечение в такой адской дыре, как кипрская тюрьма, было большой редкостью.

Иэн был, несомненно, неглупым человеком. Он связался с палестинским движением во время путешествия по Америке в 70-х годах прошлого века. Я не мог не восхищаться Иэном и его друзьями. Это были умные, благородные люди, поражавшие глубиной и здравостью своих суждений, фанатично преданные своему делу, ради которого они готовы были пожертвовать и своей жизнью. К тому же у весельчака Иэна было удивительное чувство юмора. Каждый день я с нетерпением ожидал тех двадцати минут, которые были отпущены мне на визиты к ним с *Lamarina*. Когда я засиживался у них, на это обстоятельство *varianos* обычно закрывали глаза.

— Поговаривают, что на днях нас могут перевести из одиночек в общие камеры, — поделился новостью Иэн. — Начальство, похоже, думает, что теперь политическая напряженность несколько спала, так что нас можно перевести в главный блок.

— Не опасно ли это, как ты думаешь? Неприятностей не оберешься...

— Эти неприятности сыпались на мою голову как из рога изобилия, приятель, и тут, честно говоря, не знаю, что получится. Я бы не стал сбрасывать со счетов вероятность того, что у Моссада здесь есть свои агенты, способные расправиться с нами.

— Может быть, из числа умалишенных, — рассмеялся я.

— Да, может и так, хотя в тюрьме есть несколько наших братьев. Им-то, наверное, лучше знать, что к чему.

Через несколько дней я с большим удовлетворением узнал, что Иэна перевели в блок Б. Прошло несколько месяцев, и мы с ним сделались закадычными друзьями. Многие годы, уже после освобождения Иэна из тюрьмы, я поддерживал контакт с ним, несмотря на то что его местонахождение держали в тайне от всех. Но в то время я и представить себе не мог, что моя дружба с Иэном и другими террористами может выйти мне боком.

Глава 10

Другим заключенным, с которым я сошелся в первые дни, был Никос Самсон. Он хорошо говорил по-английски и держал себя с достоинством, как всякий образованный человек. Как и Дэвидсон, он выделялся из множества других *fylakismenos*, и мне нравилось бывать в его обществе. И Никос Самсон, в свою очередь, питал ко мне такие же теплые чувства. Мы на равных рассуждали с ним о политике и текущих событиях, кроме того, он играл в любимую мою игру *Tavli* (нарды). В прошлом член военно-политической организации ЭОКА*, фанатично преданный ей, он выступал за немедленное

* ЭОКА (ЕОКА, сокр. от греч. *Ethnike Orgánosis Kypríon Agoniston*) — военно-политическая организация кипрских греков, выступающая за немедленное присоединение Кипра к Греции (энозис). Создана в 1951 г. для борьбы против английского господства на Кипре. Фактически же мелкие вооруженные группы, составляющие ЭОКА, совершали террористические акции не столько против английских военнослужащих на Кипре, сколько против активистов Прогрессивной партии трудового народа, демократических организаций. После провозглашения Республики Кипр группы ЭОКА (т. н. ЭОКА-2) участвовали в антиправительственном мятеже 15 июля 1974 г., следствием которого явились высадка турецких войск на Кипре, обострение отношений между греками-киприотами и турками-киприотами, ослабление государственной самостоятельности Республики Кипр.

присоединение Кипра к Греции. После мятежа на Кипре в 1974 году Самсон, как признанный лидер ЭОКА, сделался диктатором, хотя и на короткое время. Многие заключенные и *varianos* по-прежнему салютовали ему как «восьмидневному экс-президенту». На Кипре в 50-х и 60-х годах прошлого века этот не ведавший страха и жалости террорист наводил ужас на британских военнослужащих и местных полицейских. И вот Самсону, разменявшему восьмой десяток и многие годы обитавшему в изгнании во Франции, захотелось вернуться на горячо любимую родину. Однако не успел он сойти с трапа самолета в Ларнаке, как был арестован.

Простые греки чествовали Самсона как вернувшегося домой героя войны. Даже в тюрьме он не имел недостатка ни в чем. Будучи его другом, я мог на время забыть о мрачных стенах главного блока и наслаждаться относительной роскошью его камеры. Она была украшена прекрасными картинами, здесь стояли телевизор, радиола и два мягких кресла для отдыха. Я смотрел на это, не веря своим глазам. Все это было так неестественно, так непохоже на мою одиночную камеру почти в двух шагах от Самсоновой! Здесь никогда не бывало недостатка в шоколаде и фруктах; иногда, по особым случаям, с гостями распивали бутылочку бренди. Зная, что я отдаю предпочтение французским сигаретам, Самсон лично для меня наладил бесперебойную поставку «Gitanes».

Как бы там ни было, я не терял бдительности. В тюремных условиях любому человеку очень просто оказаться «на крючке» у того или иного авторитета. Я расплачивался за сигареты своими эскизами и картинами. Так я «отрабатывал» свои «средства к существованию»: делал художественные копии с фотопортретов и каллиграфическим почерком выводил на табличках имена и фамилии. Благодаря Самсону, необходимых материалов у меня было вдоволь. Но я побаивался его националистической зашоренности. Самсон, естественно, знал о моем бри-

танском гражданстве, но никогда не скрывал ненависти к англичанам.

— Ты только посмотри! — говорил он, приподняв рубашку. На теле его можно было увидеть множественные глубокие шрамы. — И это все англичане. Спасибо Ее величеству! Я имею в виду британскую секретную службу. Придурки они все.

— Это что же, они пытали вас?

— А то как, по-твоему, я получил эти отметины? Но от меня они ничего не добились! — ответил Самсон с кривой улыбкой.

Сомневаться в словах Самсона не приходилось, но со временем до меня стали доходить слухи, что это был за человек. И вскоре наши отношения прекратились.

Среди зеков поговаривали, что по вечерам у камеры Самсона лучше не околачиваться. Это стало неписаным законом, который блюли и сами тюремщики. Посещать Самсона в это время суток разрешалось только избранным.

Однажды в один из жутко холодных вечеров мы сгрудились вокруг печи, протягивая руки к последним красным уголькам, перед тем как *varianos* разгонят нас по нашим промозглым камерам. Холод был естественной тюремной пыткой. Каждое утро я просыпался, дрожа от лютого холода, изо рта шел пар. Отогреться за день было просто невыносимо. Даже если будешь двигаться целый день, руки и ноги все равно не согреваются. И стоило только подумать, что впереди еще долгая холодная ночь, как разум мутился, тело цепенело.

Я увидел Панайотоса и, дрожа как в лихорадке, подзвал его к себе. Это был молодой симпатичный грек, отбывающий небольшой срок за мелкую кражу. В тюрьме ему было тяжело, он не мог адаптироваться, и я старался не упускать его из виду, следить за ним в оба. Вряд ли я был из тех, кого называют жалостливым, но я всегда старался предупреждать некоторых заключенных, что не стоит прельщаться бесплатным сыром в мышеловке.

Панайотос шел со стороны камеры Никоса Самсона, едва передвигая ноги, и тотчас сделался объектом любопытных взглядов и взволнованного шепота остальных эков.

— Давай к нам, — повторил я. — Огонь почти потух, но это лучше чем ничего.

Не смотря ни на кого, Панайотос взял табурет и, крепко сжав кулаки, уселся. Он весь дрожал, и я понял, что не только от стужи.

— В чем дело, Панайотос? — спросил я по-гречески, но парень молчал, глядя на потухающие язычки пламени.

В дальнейшем, когда я встречался с Панайотосом и видел его бледное лицо и отрешенный взгляд, мне всегда становилось не по себе. Глаза его все чаще опухали от слез, и, когда я пробовал заговорить с ним, он старался не смотреть мне в лицо. С некоторых пор камеру Самсона он стал посещать каждый вечер в назначенный час. Он сделался рабом Самсона. Об этом стали ходить разные слухи. *Varianos* как-то проговорились, что в камере Самсона частенько находили использованные презервативы. По своему обыкновению, я уходил от обсуждения всяческих тюремных сплетен, но, поскольку Самсон по отношению ко мне вел себя всегда прилично, некоторое время я просто сомневался в этой информации. Вскоре ожидалось освобождение Самсона, и эки стали поговаривать, что он подыскивает своему молодому дружку место, «рабоченку» на свободе.

Всякий раз, когда я смотрел на бледное испуганное лицо Панайотоса, меня корбило до тошноты. Иногда гнев и отвращение просто переполняли меня. Но Самсона не схватишь голыми руками. В одиночку его не одолеть. Даже я понимал это.

Несмотря на дух товарищества и дружеские отношения, которые установились у меня с англоязычными заключенными, тюрьма все же заставляла меня быть

агрессивным. Зима была суровая, но недолгая. Ранняя весна предвещала жаркое лето. Духота в тюремных помещениях переносилась не менее мучительно, чем зимняя стужа. Если от холода заключенные впадали в сонливость и вялость, то жара разжигала адское пламя. Страсти постепенно разгорались, без стычек и потасовок не обходилось и дня.

Некоторые драки начинались с пол-оборота и молниеносно перерастали во всеобщую бойню, и тогда все воевали против всех. Кто-то сел не на свое место, нагрубил или ляпнул что-то не то и не тому человеку. Повод при этом не имел особого значения. Между греками и арабами обычно происходили стычки по политическим мотивам, хотя в потасовки такого свойства вовлекались потом и все остальные. Это дело мне даже нравилось. Ну, и ладно, иначе я потеряю форму, думалось мне. Однажды атмосфера в блоке была наэлектризована с раннего утра. Ближе к полудню привычная разминка в виде перебранки и расистских насмешек переросла в многоэтажную грубую брань с обеих сторон. А затем главарь арабов вдруг взял и ударил одного из греков. Началась бойня. Во внутреннем дворе стала подниматься, наполняя воздух, густая пыль, на булыжники полилась кровь. Адреналин ударил мне в голову.

Меня эта бойня не касалась, но драться я был только рад. Мне было все равно, кого бить: нравился сам процесс. Один сумасшедший налетел на меня сзади, целясь мне в голову. Оглянувшись через плечо, я увидел его: возвышаясь надо мной, он, ослабившись, собирался *нанести удар*. Опередив его, я двинул ему по носу, а потом принялся размазывать его по стене. Кровь сумасшедшего брызгала мне в лицо. Это был огромный парень, глупый и злой. Собравшись с силами, он снова набросился на меня. Я напрягся, чтобы выдержать его удар в живот, и ткнул ему в глаза когтями тигра. Кровавая драка продолжилась с новой силой. Неизвестно

откуда появились все доступные в тюрьме виды оружия: лезвия, ножи, дубинки. Внезапно началась стрельба. Подоспели армейские подразделения. Нас окружили, искалеченных отвезли в тюремную больницу, остальных заперли в камерах на целый день.

Однажды, это было вскоре после того побоища, ко мне за завтраком присоединился Энди. Моя одиночка начинала здорово действовать мне на нервы, и он, по всей видимости, догадывался об этом.

— Почему к тебе никто не приходит, Тони?

Я оторвался от своей похлебки и взглянул на Энди.

— Никто не приходит, потому что никого у меня нет, дружище, — с подобием улыбки отозвался я. — Ты о чем вообще-то?

— Есть один парень по имени Майкл Райт...

— Майкл Райт? — перебил я Энди. — Это имя мне известно. Он ирландец?

— Ну, да, из Белфаста. Он здесь с какой-то церковной группой. Что-то вроде благодетеля человечества, понимаешь? — Я кивнул, и Энди продолжил: — Тони, если никто к тебе не приходит, то почему бы тебе не согласиться встретиться с Майклом?

Некоторое время мы сидели в полном молчании.

— Я рассказал ему о тебе, — вновь заговорил Энди. — Так вот он пишет, что хотел бы встретиться с тобой.

Я был немного озадачен. С какой это стати я понадобился ему? Интересно.

— Нет, — сказал я, — я не хочу ни с кем встречаться. Хотя, конечно, спасибо тебе, дружище.

Мы переменили тему.

Несколько дней спустя я получил письмо. До сих пор в тюрьму мне никто не писал. Сначала я страшно обрадовался, но вскоре понял, что почерк на конверте был незнакомый — не родительский. Заинтригованный, я тут же вскрыл конверт. Оказалось, послание было от того парня, Майкла Райта. Это было дружеское письмо, доброе и умное. Я жадно вчитывался в него, в каж-

дое слово, причем не раз и не два, как человек, лишенный искреннего общения. Смысл послания был ясен и прост. Майкл и не пытался скрывать своих намерений. Он писал мне, что хочет встретиться со мной, навестить меня как друг, из любви к Иисусу. Мне было смешно. Что за нелепица! И все же он заинтересовал меня. Ничего плохого в его предложении вроде бы не было. Если уж он не поленится прийти в этот зловонный гадюшник, то мне, по крайней мере, разок надо принять его. Даже если ничего путного из этого не выйдет, у меня будет возможность отвлечься от тюремной обыденности на полчаса и получить, может быть, плиточку шоколада или напиток из столовой для посетителей.

В общем, я согласился на встречу с Майклом. И в ближайший четверг *variano* отвел меня в комнату для свиданий. В помещении стоял тот же самый затхлый запах, каким в тюрьме было пропитано всё и вся. Одно хорошо: когда открывалась дверь, ощущался приток свежего воздуха, и к тому же в окна светило солнышко. К собственному удивлению, от одной мысли о встрече с кем-то я почувствовал что-то вроде волнения. *Variano* жестом приказал мне разместиться за длинным и узким деревянным столом. Заключенных рассаживали с одной стороны стола, посетителей — с другой. Майкла Райта еще не было. Комната для свиданий была полна шумных греков и их посетителей: жен, детей, подруг и родителей. Мне было немного странно снова видеть нормальных людей. На их фоне я почувствовал себя изгоем — места среди них для меня не было.

Внезапно я болезненно ощутил свое сходство с огородным пугалом. Мой вид, свидетельствуя о моих преступлениях, говорил сам за себя. Но что понадобилось от меня этому богобоязненному человеку? Все больше переживая и расстраиваясь, я уже подумывал было встать и уйти восвояси, как увидел в дверях ирландца: высокий, бородатый человек шел прямо ко мне. «Что за идиот!» — подумал я, глядя на его сияющую улыбку.

На нем были слаксы и неглаженная рубашка навывпуск со слишком короткими рукавами.

— Тони! — воскликнул он с североирландским акцентом и, по-прежнему сияя улыбкой, протянул мне руку. — Я очень рад познакомиться с вами. Спасибо, что согласились встретиться со мной. Я столько слышал о вас.

Я тут же насторожился, но протянул ему руку. Тот схватил ее и с чувством потряс. Столь горячее приветствие насторожило меня еще больше. Я почувствовал, как во мне разгорается привычный гнев.

Продолжая улыбаться, Майкл сел напротив меня. По всей видимости, он понимал мое мучительное состояние.

— Тони, я здесь как друг, — сказал он. — Я не собираюсь проповедовать вам... — Я презрительно посмотрел на него. — Меня привела сюда любовь Иисуса Христа, — продолжал Майкл. — В нашей церкви все молятся за вас, желая всячески поддержать вас.

До сих пор ни одна живая душа не заводила со мной подобных разговоров. Я не знал что сказать, но чувствовал, что не могу довериться ему. Ярость начала жечь меня изнутри. Некоторое время мы сидели молча, мысли мои путались. Куда он лезет, этот парень? Что ему от меня нужно?

Рядом с нами за столом молодой грек прощался с родителями. Его мать, обняв его на прощание, рыдая, пошла к выходу. Мои родители ни за что на свете не пришли бы в этот адский гадюшник, чтобы навестить меня! Да и вообще, известно ли им, где я теперь нахожусь? И тут на меня нахлынули такие сумасшедшие мысли, что я просто не слышал того, что говорил мне Майкл. По крайней мере, этот человек не поленился явиться сюда. Может быть, стоит подыграть ему немного? Если он станет раздражать меня, я просто схвачу его за волосы и стукну головой об стол.

Я слушал болтовню Майкла, не пытаясь отвечать на его вопросы и даже не глядя ему в лицо.

— Тони, мне бы хотелось навестить вас снова. Может быть, на следующей неделе? Что скажете? — Не зная, что сказать, я просто утвердительно кивнул. — Да благословит вас Господь, Тони. Надеюсь вскоре встретиться с вами.

Я стоял и смотрел ему вслед.

«Идиот», — снова подумал я, вполголоса проклиная свою жизнь.

Однако в следующий четверг я снова согласился принять Майкла. На третьей и четвертой неделе я вдруг понял, что с нетерпением ожидаю увидеть его глупую улыбку. Он был для меня окном во внешний мир. Майкл говорил со мной об обыденных вещах: о том, как это замечательно — лакомиться арбузом, наслаждаясь вечерней прохладой, о первой «Дэйри куин»*, открытой в Никосии, и так далее...

— Ах, гамбургеры, гамбургеры! Как давно это было... — улыбнулся я.

— А я тут никак не могу привыкнуть к греческому кофе, — смеялся Майкл. — Я от него просто тупею! Но мне нравятся крохотные деревенские кафешки — их здесь называют «*kafeneions*», так ведь? — Я кивнул, улыбаясь его стараниям выговорить трудные греческие слова. — Местные старички обычно весьма приветливы. Я раздаю им календари «Доброе семя». — С этими словами он вытащил один из кармана. — Смотри, какие замечательные картинки и библейские цитаты на каждый день. — И Майкл прочел мне парочку.

Слушая новости и рассказы Майкла, я стал вспоминать, что значит быть на свободе. Слово «свобода»

* «Дэйри куин» — сеть закусочных быстрого питания, включающая более 6 тыс. заведений в США, Канаде и других странах. Специализируется на продаже гамбургеров и десертов.

Майкл произносил довольно часто, но его «свобода» не имела никакого отношения к тюрьмам и камерам. Он говорил о «свободе во Христе». Я не расспрашивал его об этом, а он сдерживал свое обещание не проповедовать. В процессе беседы он совершенно естественно вставлял замечания о том, что сделал Господь в его жизни за прошедшую неделю. Рассказывая о том, что происходит в его церкви, он увлеченно говорил о молодежных лагерях, которые организовал в горах Троодос. Приходилось терпеть болтовню Майкла о повседневных делах его церкви. Но вообще-то мне нравилось слушать о том, как живут другие люди. Так Майкл помогал мне не утратить связь с реальностью.

Майкл поддерживал меня не только своими визитами. Раз в неделю он писал мне сам, а также присылал письма от своих единоверцев. И я с жадностью читывал их. Потом он стал посылать мне книги. На первых порах для меня не имело значения, о чем они, я просто наслаждался чтением. Содержание большинства книг и журналов, что попадались мне в тюрьме на глаза, было порнографическим. Мне же хотелось чего-то существенного, серьезного.

В следующие шесть месяцев Майкл навещал меня, за редким исключением, каждый четверг. Прежде чем оставить меня, он всегда молился. «Вот глупец так глупец, — думал я, — лыбится с закрытыми глазами, как идиот, говорит что-то в пустоту, словно Бог и в самом деле слышит его».

Если Майкл не мог прийти в четверг на свидание, то вместо себя он обязательно посылал кого-то другого. Однажды появилась милая такая бабушка Валери. Меня восхищала ее смелость. Прийти в такой гадюшник — это надо решиться! Но бабушкой Валери двигала та же любовь Христова, что и Майклом, и ее нежные, материнские наставления доставляли мне большое наслаждение. В другой раз вместо себя Майкл послал Ричарда Нокса. С Ричардом было легко, я уже знал его по письмам. Многие годы он миссионерствовал в сто-

лице Ливана, Бейруте, так что у нас имелись точки соприкосновения, когда мы говорили о событиях на Ближнем Востоке. То, что он рассказывал, было совсем не похоже на то, что запомнилось мне за время работы телохранителем в Ливане. Я уважал его мужество, ведь жить на Ближнем Востоке европейцу нелегко, особенно с женой и детьми. Но Ричард, как и Майкл, несмотря ни на что, стремился помогать людям, как оба говорили, из любви Божьей.

Тогда я не понимал этого, но так или иначе потихоньку стал прислушиваться к тому, что говорили мне Майкл и его друзья. Они были совсем не похожи на тех, с кем я когда-либо знался. Они были действительно заинтересованы во мне, чего я никак не понимал. Как это может быть, что совершенно незнакомые люди проявляют такое дружелюбие к тому, кто, честно говоря, недостоин его. Я и в самом деле с нетерпением ожидал встречи с ними и писем от них.

Однако шесть месяцев, проведенных в *fylaki*, не могли не отразиться на моем сознании. Прежняя жизнь научила меня не доверять никому и постоянно быть настороже. Вот и теперь мне не хотелось впадать в зависимость от моих новых друзей. Чем больше я думал об этом, тем более подозрительным становился. Однажды утром в четверг, 3 мая 1990 года, я лежал на своей койке и думал о Майкле. Я проснулся уже со злыми мыслями о нем. Чего он хочет от меня? Чего добивается на самом деле? Книжки, которые он посылал мне, лежат аккуратной стопкой на полу. Недавно он подарил мне Библию, но я не брал ее в руки. Прочел пару строк и потерял всякий интерес. Да он просто промывает мне мозги. Вот и все. Просто хочет затащить меня в свою странную секту. Да как он смеет манипулировать мной таким хитрым способом? Как смеет он болтать со мной о свободе и дразнить рассказами о вольной жизни? Тут мне вспомнилось, как неожиданно его имя прозвучало за неделю до моего ареста. А теперь он насмехается надо мной в тюрьме.

Да кто он такой? Надо кончать с этими встречами. Хватит надо мной издеваться!

Вот такие мысли с утра гвоздем застряли в моей голове. Сегодня я должен поговорить с Майклом основательно. Если он не расколется и не скажет, чего на самом деле хочет от меня, то мне, скорее всего, придется поставить его на место.

К тому времени, когда после обеда я оказался в комнате для свиданий, ярость уже душила меня. Я сидел за столом в ожидании Майкла, гнев так и кипел во мне. Болтовня пришедших на свидание родственников заключенных-греков, как обычно, раздражала меня, но сегодня я весь сконцентрировался на враждебности к Майклу. Куда он запропастился? Почему опаздывает? Опять манипулирует мной, даже сейчас?

Но вот дверь открылась, и в комнату вошел Майкл Райт. На его лице была все та же глупейшая улыбка до ушей. Я чувствовал себя как свернувшаяся змея в ожидании своей жертвы. Ага, вот она, моя добыча, которую я сумею поразить так же метко, как поражает свою жертву змея, молниеносно разворачивая кольца. Я уже проклинал его вполголоса. Выдвигая стул, Майкл не мог не заметить моей напряженности и тут же посерьезнел, улыбка слетела с его лица.

— Что случилось, Тони? Что случилось? — спросил он с тревогой в голосе.

— Зачем ты приходишь сюда, Майкл? — враждебно спросил я. — Чего вам всем от меня надо?

Майкл, откинувшись на спинку стула, спокойно смотрел на меня. Тут уж мне действительно захотелось стукнуть его.

— Тони, я прихожу сюда ради Иисуса, — сказал он и выжидающе замолчал. Дотянуться до него и шмякнуть лицом о столешницу было проще простого. — Иисус любит тебя, Тони.

Я проклинал себя. Майкл оказался не из пугливых.

— Думаю, что Бог хочет обратиться к тебе через меня.

«Приехали, — подумал я. — Вот это и называется промыванием мозгов».

— Я прихожу к тебе, чтобы показать тебе Его любовь. — Майкл смотрел мне прямо в глаза. — Иисус способен вывести тебя из тюрьмы, в которой ты пребываешь теперь, — сказал он.

Да это-то меня и угнетает! Как он смеет говорить со мной о свободе, когда я за решеткой? Ему-то хорошо болтать; он может встать и выйти отсюда в любое время, когда захочет.

— Давай, Майкл! — прорычал я. — Расскажи мне, как Иисус выведет меня отсюда. И как же, по-твоему, Он освободит меня? Как ты вообще можешь лопотать что-то о Боге, если Его на самом деле нет? Ты когда-нибудь встречал этого Иисуса, видел Его?

Я засыпал Майкла вопросами, говоря с ним грубым и презрительным тоном, но Майкл не дрогнул. Он ничего не боялся. Почему он не уходит? Почему не оставляет меня? Он даже не боится меня! Ведь он прекрасно знает, что я могу запросто убить его. Майкл начал по порядку отвечать на мои вопросы. И я не посмел ударить его.

— Нет, Тони, — сказал он убежденно. — Ты не прав, я встречал Иисуса.

Насупившись, с недоверием глядел я на Майкла, но он невозмутимо продолжал.

— Правду об Иисусе Христе, Тони, мне в раннем детстве рассказали мои родители, — сказал он. — Я стал ходить в молодежный клуб при церкви и еще больше узнал об этом Человеке — Иисусе, Сыне Божьем, — продолжал он. — Как сказано в Библии, если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься. Этим я и занимаюсь. Я считаю, что Иисус дорого заплатил за меня.

— Как это? — резко прервал я Майкла.

— Я был грешник. Я заслужил смерть, но Иисус решил умереть на кресте вместо меня и ценой Собственной крови сполна расплатился за все мои грехи, чтобы я познал любовь Божью и был прощен.

Словно бросая ему вызов, я презрительно расхохотался:

— Да что ты говоришь? Ты был ребенком. И как же ты мог подумать, что заслужил смерть? Бьюсь об заклад, ты не совершил тогда ничего дурного.

Майкл подался вперед:

— Как сказано в Библии, все согрешили и лишены славы Божией. Все мы грешники, Тони, все до одного. Но у нас есть право выбирать между добром и злом, и даже будучи детьми, мы не исполняем Божьей воли. Ты сам прекрасно понимаешь, что творишь зло, совершаешь грех. И я прекрасно понимаю, что творю зло, совершаю грех...

— Ну и что из этого? Давай, Майкл, выкладывай! — сказал я грубо.

Майкл наклонился ко мне:

— Бог сотворил нас, Тони. Он сотворил вселенную и все, что есть в ней. Он — наш истинный Отец. Однако Он — свят и совершенен, и Он не может смотреть на нас, исполненных греха и неправды. Вот почему мы отделены от Него.

Я со злостью пристально смотрел на Майкла, но это нисколько не пугало его.

— Я понял, когда был еще совсем мальчишкой, что Бог по-прежнему любит нас, ведь он наш Отец. Он хочет общаться с нами, несмотря на все наше зло и неправедность. Вот почему Он послал на землю Своего Сына. Он должен был жить среди нас и умереть вместо нас. Иисус был Бог, Который сделался человеком.

Разглагольствования Майкла о любящем Отце еще больше возмутили меня. Они заставили вспомнить

о том, как предали меня мои собственные родители. Майкл, кажется, читал мои мысли.

— Тони, люди всегда могут подвести. Твои родители. Твои друзья и подруги. Я могу подвести тебя. Представь, что через неделю я не приду к тебе на свидание, хотя ты будешь ждать! Причем в этом не будет моей вины. Например, я просто застряну в уличной пробке. Но ты-то все равно будешь считать, что я подвел тебя.

— Ну, и что дальше?

— А то, что Бог никогда не поступит так с тобой. Он очень любит тебя. Сам Бог обещает в Библии, что не оставит и не покинет тебя.

Это заставило меня умолкнуть. Сказать было нечего. Я прикусил губу, чтобы не закричать. Меня снова затрясло от гнева.

— Ладно, Майкл... Если Он есть и так любит меня, то где Он теперь? Почему Он не помогает мне, когда я буксую в этой куче дерьма?

— Бог стучится к тебе, Тони, причем уже давно... через меня, через сестру Валери, через Ричарда, через других братьев и сестер, с которыми ты познакомился. Он пытается сказать тебе, как Ему хочется, чтобы ты познал Его. Вот, послушай, что говорится в Библии, в Евангелии от Иоанна, глава третья, стих шестнадцатый: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». — Майкл замолчал.

— Жизнь вечную? Что мне с нею прикажешь делать, Майкл? Я ненавижу свою жизнь.

— Ты ненавидишь свою жизнь, потому что ты заключенный, ты не на воле, — ответил Майкл.

Приехали, опять он о свободе. Однако надо отдать ему должное: он не махнул на меня рукой.

— Но ты не ответил на мой вопрос, Майкл, — фыркнул я. — Если твой совершенный Бог так любит меня, то почему Он не явится мне? Почему Ему надо прятаться в тебе, в Ричарде и бабушке Валери? Он что, трусит?

Мне казалось, что это был достаточно остроумный вопрос. Майкл откинулся на спинку стула и некоторое время размышлял.

— О! Я тебя понял! — И Майкл заговорил спокойно и уверенно: — Тони, если бы Бог появился здесь, в этой комнате, ты бы тотчас оказался на полу вниз лицом. Ты бы страшно испугался и даже не попытался бы взглянуть на Него. Потому-то Он и послал Иисуса, чтобы через Него ты мог прийти к Богу и познать Его любовь, — закончил Майкл.

Я даже не попробовал переварить все, что он мне сказал. Мне все хотелось поддеть, уязвить его.

— Я неплохо жил всю жизнь и без твоего Бога. И зачем Он мне сдался теперь, как ты думаешь? Давай-ка, Майкл, ответь мне на это!

И я изо всей силы ударил кулаком по столу. *Variano* тотчас встрепенулся и подскочил, но Майкл поднял руку, чтобы успокоить его. Однако тот уже не сводил с меня глаз.

— Всю свою жизнь ты ощущал в душе вакуум, который пытался заполнить чем угодно, только не тем, чем надо, — начал Майкл. — Ты пытался заполнить этот вакуум боевым искусством кун-фу, буддизмом, славой профессионального телохранителя, сексом, наркотиками, гневом, насилием... Ничто из этого не принесло тебе желанного удовлетворения. Осталось лишь одно, чего ты не пробовал: Иисус Христос. — Теперь кулаком по столу стукнул Майкл. Он говорил пылко и воодушевленно. В руках у него была связка ключей. — Тони, представь себе на минуту, что это ключи от твоей камеры. Вообрази, что я дал их тебе, и сегодня ночью, когда все тюремщики заснут, ты сможешь бежать.

Что за чушь он несет?

Майкл продолжал:

— Вообрази, что ты вскарабкался по тюремной стене и перебрался на турецкую сторону, а потом слинял с

острова. — Майкл пристально посмотрел на меня. — Будешь ли ты считать себя свободным человеком? — спросил он.

— Что за глупый вопрос? — воскликнул я. — Разумеется, ведь я буду на воле. О чем ты?

— Нет, Тони, ты не будешь свободным человеком. — Майкл снова заулыбался. — Ты не будешь свободным человеком, поскольку останешься все тем же Тони. Ты можешь изменить свою стрижку, одежду, количество денег в банке и место проживания. Ты можешь переменить многое в самом себе, но ты навсегда останешься все тем же Тони. Ты будешь совершать те же самые ошибки, как и всю свою жизнь до того. Тебе не удастся покончить с прошлым, не удастся отмыть всех прошлых грехов. Ты всегда будешь злым и сердитым. Ты можешь немного успокоиться, но если я задену тебя за живое, ты будешь заводиться по-прежнему с полуоборота. И все потому, что ты не впустил Иисуса в свое сердце. Ты недоволен собственной жизнью. И таким же несчастным, таким же одиноким ты будешь всегда, пока не повернешься к Богу.

Я бесцеремонно перебил его какой-то глупостью, но Майкл продолжил:

— Ты можешь выбраться отсюда и заработать кучу денег, построить фешенебельный дом, поставить там унитаз из золота, купить супермодный автомобиль, даже завести семью, но я уверяю тебя, ты останешься все тем же Тони. Все эти вещи не дадут тебе того, в чем ты действительно нуждаешься. А если в сию же ночь душу твою возьмут у тебя, Тони? Помогут ли тебе твои деньги? Нисколько! Ничто уже не поможет тебе — ни семья, ни друзья, ничто из того, чем ты окружал себя всю жизнь. Ничто не сможет избавить тебя. — Капельки пота выступили на лбу у Майкла. Он продолжал: — Все эти вещи напоминают наркотики, они дают тебе временное наслаждение, дают тебе ненадолго почувствовать

себя на гребне счастья, но ничто не может освободить тебя, ничто не может принести тебе подлинного удовлетворения. Тони, послушай меня. — Майкл замолк, чтобы глубоко вздохнуть. — Вот что записано в Библии: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете».

Эта фраза — «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете» — запомнилась мне навеки. В тот момент я вдруг почувствовал, как руки мои покрылись «гусиной кожей».

Прозвенел звонок, предупреждающий, что через пять минут свидание закончится. Майкл пытался добиться от меня понимания, но я по-прежнему сидел и хотел ему это показать. Мне все еще казалось, что я таки найду аргумент, способный сокрушить его построения, но вот что он сказал мне напоследок, подавшись вперед и заглянув мне в глаза:

— Всякий, верующий в Него, Тони, всякий, верующий... Поверить — вот единственное, что тебе нужно сделать. Иисус уже сделал все за тебя. Он проложил тебе путь, так что ты можешь покаяться в своих преступлениях, и Бог простит тебя. Я говорю не о религиозном обряде и не о ханжеском благочестии. Я говорю о вере в Божье дело спасения. Все, что тебе нужно сделать, — это поверить и принять Божий дар.

Мне вдруг припомнился вечер в Лимассоле, когда я смотрел на молодого уличного проповедника с бутылкой вина.

— Тони, ты говорил мне прежде о пути просветления, пути боевого искусства кун-фу, но позволь мне заметить, что говорит Иисус Христос: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня». Если путь просветления — *один из* путей, то Он — *единственный* путь. Просто прими это как факт, Тони.

Заговорив со мной на моем языке, он попал в десятку. Я опустил глаза. Теперь я был тише воды и ниже травы.

— Майкл, ты и понятия не имеешь, какой я мерзкий человек. Какие грехи творил. Неужели мне еще можно помочь? — спросил я, противясь тому, что творилось в моем сердце.

Майкл снова обратился к Библии:

— В Послании апостола Павла к Римлянам, глава восьмая, стих первый и второй, сказано: «Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу, потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти».

Я взглянул на Майкла. Он видел, как я изо всех сил пытался понять услышанное.

— Нет никакого осуждения, Тони. Снова как бы чистая страница, нетронутая, не испорченная никем. Ты все начинаешь сначала. Иисус берет твой грех на Себя и уничтожает его. Вот о чем говорит апостол Павел. Павел был злостный убийца, он преследовал христиан, — продолжал объяснять Майкл. — Но Бог любит *всех*, Тони. Вот о чем я хочу рассказать тебе. Павел, совершивший страшные грехи, встречает Господа Иисуса и преображается. А потом приводит к спасению тысячи и тысячи других грешников. Иисус действует в сердце Павла, несмотря на его ужасные дела в прошлом и по-прежнему остающиеся в нем изъяны. Понимаешь, Тони, наш Бог не оставляет человека без надежды, Он всегда дает еще один шанс.

Майкл коснулся моего больного места. В последние месяцы я начал думать, что моя жизнь на самом деле ничего не стоит, что я заслуженно оказался в тюрьме и что никто уже не поможет мне. Я думал, что я неисправим, но Майкл продолжал рассказывать мне о библейских героях, преображенных Богом.

— Помнишь, в начале нашего разговора я сказал о том, что всякий ошибается, всякий грешит? — спросил он. — Соответственно, и всякий нуждается в прощении. Через Иисуса это прощение дается бесплатно, как

дар Божий. Все, что надо сделать, — это обратиться к Богу. — Указав на Священное Писание, Майкл заговорил быстрее: — Послание к Римлянам, глава третья, с двадцать первого стиха: «Но ныне, независимо от закона, явилась правда Божия, о которой свидетельствуют закон и пророки, правда Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих, ибо нет различия, потому что все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе...»

Я снова попытался прицепиться к словам Майкла. Я был ужасно взволнован, фраза «Итак, если Сын освобождает вас, то истинно свободны будете» не выходила у меня из головы. Майкл наклонился ко мне еще ближе, почти лег грудью на стол.

— Ты можешь впустить Иисуса в свое сердце, когда захочешь, Тони, — сказал он. — Однако помни, что ты не знаешь, в какую ночь душу твою возьмут у тебя. Библия говорит: «Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения», — так что не откладывай это дело в долгий ящик.

Я избегал его взгляда.

— Но как это делается? — спросил я вполголоса.

— Тебе надо помолиться Богу и попросить у Него прощения. Скажи Ему, что ты хочешь признать Иисуса своим Спасителем. Скажи Ему, что ты хочешь верить в Него и возложить свое упование на Него, хотя ты не можешь видеть Его. Возблагодари Иисуса за то, что Он умер на кресте ради тебя, чтобы ты мог обрести любовь Божью.

Раздался звонок, оповещающий о конце свидания.

— И это все? — спросил я довольно цинично.

— Этого достаточно, Тони. Однако твоя молитва должна быть искренней. Ты должен говорить Богу только то, что чувствуешь на самом деле. Ты должен расстаться с прежней жизнью, перестать творить неправду. Это дело непростое, но Иисус поможет тебе.

Время, отпущенное на свидание, истекло. Комната начала пустеть. Майкл закрыл глаза и стал молиться:

— Господь Иисус, мы благодарим Тебя за то, что Ты не оставляешь нас и в этой тюрьме. Спасибо за все, что Ты делаешь для Тони. Спасибо за то, что Ты возлюбил Тони. Я прошу Тебя, Отче, пусть Тони поспешит принять Твою любовь. Аминь.

Я сидел, не в силах оторвать глаз от стола.

— Я приду навестить тебя через неделю, мой друг, — сказал Майкл.

Крепко сжав кулаки, я промолчал.

Глава 11

Поспешно возвращаясь в свой блок, я никак не мог справиться с потоком мыслей. Когда я вспоминал слова Майкла, они проносились в моей голове настоящим вихрем. Невыносимая жара, вонь и человеческие страдания в этом ужасном месте угнетали меня сейчас так, как никогда прежде. Стены, казалось, готовы обрушиться на меня. Я был как зверь в клетке, жестокий зверь, вселяющий ужас. Возле моей камеры слонялся, усмехаясь своим мыслям, один маньяк. Он курил, глубоко затягиваясь и выпуская дым через нос. Когда я проходил мимо него, он ткнул в меня сигаретой. На правой руке тотчас появился ожог. Чтобы пошутить надо мной, маньяк выбрал явно неудачное время. Неистовая ярость, переполнившая меня, вмиг обрушилась на него. Схватив шутника за волосы, я стал бить его головой о шероховатую стену, до тех пор пока кровь не окрасила нас обоих. К тому времени, когда я насытился кровью, маньяка не узнала бы и родная мать, к тому же носа у него уже не было, вместо него с лица бедняги что-то свисало.

Вернувшись в свою камеру, я стал кричать. То был крик измученной души перед неизвестностью.

Поскольку слова Майкла не оставляли места для возражений, я пытался избавиться от них. При этом я

в ужасе жмурился и затыкал уши. Но эти слова вновь и вновь всплывали в моем сознании, и так повторялось не один раз. Улыбка Майкла и его пронзительный взгляд неотступно преследовали меня. И что он прицепился ко мне? Теперь я поневоле начал размышлять, кем я был и во что превратился. Всю жизнь, по большому счету, я ни в ком не нуждался. Я чувствовал свою силу, был уверен в успехе на любом поприще, владел собой. Но Майкл твердил о «жизни с избытком» и «великой радости». Ничего подобного у меня за последние месяцы, проведенные в тюрьме, разумеется, не было. Я размышлял о своем пути в боевом искусстве кун-фу, о победах на соревнованиях и о работе телохранителем. Возможно, Майкл в чем-то и прав. Мне нравилось сорить деньгами, я любил бурную жизнь, с адреналином в крови, и мне всегда чего-то не хватало. Я всегда хотел лучше и больше. Теперь всего этого меня лишили, и моя физическая форма была далеко не идеальной. Даже в самые напряженные периоды жизни, когда мой день был расписан по минутам, я посвящал ежедневным тренировкам не менее пяти часов. Теперь же времени у меня было предостаточно, но это обстоятельство уже не имело никакого значения. Мне было на все наплевать, и на кун-фу в том числе — просто пропала охота. Что касается медитации и поиска просветления, то для этого, прежде всего, необходим мир и покой в душе, ибо только дисциплинированное сознание может созерцать реальность. Меня же переполняла жажда насилия, я думал только о том, чтобы выжить. В тюрьме я постепенно превратился в такого же зверя, как и все вокруг меня. Я баловался наркотой и вступал в бессмысленные, тщетные разборки, лишь бы убить время. «Жизнь с избытком»... что бы это могло значить? Я ощущал нечто похожее на полноту жизни в общении с Айей, но это был единственный раз.

Я ступил на опасный путь. За последние несколько месяцев я сознательно отгонял мысли об Айе. Теперь

же, вспомнив ее прекрасный, невинный образ, я задрожал. Да, именно Айя показала мне, какой может быть любовь, но теперь Айи нет. Закрыв глаза, я вспомнил, с какой нежностью касалась она моего лица, пытаюсь «увидеть» меня. И тут вдруг передо мной возник образ умалишенного зэка и вся картина кровавой расправы. Затем я представил себе Айю: она «видит» переломанные кости и разодранную в клочья кожу и чувствует пальцами липкую теплую кровь. Мне казалось, я слышу, как она плачет. Когда-то она любила меня, но полюбила бы теперь, если бы узнала, каким зверем я сделался? Ни за что! Как она может любить меня, если я избил человека до полусмерти и искалечил на всю жизнь?

Чтобы прогнать наваждение, я залез под матрас и закрыл уши подушкой. Мое исхудавшее тело терзал ужас.

«Бог любит тебя, Тони».

Это сказал Майкл. Слова навязчиво крутились в моей голове, и я не мог от них отделаться. Я гнал их, но время шло, и постепенно эти слова утомили меня. Я пробовал вспомнить стих, который цитировал Майкл. Он всплывал в моем сознании, и я собирал его по частям. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного...» Кое-что стало проясняться. Бог уже отдал. Иисус был уже распят на Голгофском кресте, и как бы я ни кувырчался в прошлом и что бы ни сделал в будущем, ничто не может изменить этого факта! Снова и снова я думал о том человеке в коридоре. Разумеется, Бог не закроет глаза на мой поступок, значит, я должен понести наказание? «...Дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Я повторял каждое слово, пробуя восстановить весь стих по памяти. И слова эти проникали в мое сознание, словно здесь, в моей камере, был некто, нашептывающий их мне, желающий истолковать. «Дабы всякий, верующий... всякий, верующий». Проникая в скрытый смысл каждого слова, я пришел к необычному для себя пониманию. Теперь мяч оказался на моей половине поля. Если согласить-

ся с этим, то я должен поверить всему остальному, что Майкл говорил об Иисусе.

С чего же начать? И снова образ избитого мною человека стал терзать меня своей неотступностью. Не в силах больше выносить это, я вскричал:

— Прости, Боже, прости меня!

Это было похоже на прорыв плотины.

Передо мной неожиданно пронеслись, как в кино, картины моей собственной жизни, давно забытые образы детства. Я как будто летел по жуткому туннелю страданий и мук. Мысли лихорадочно разбегались, перед моим внутренним взором один за другим представляли убитые мной люди, я видел их избитые и искалеченные тела и каждую рану, которую я нанес.

— Умоляю Тебя, Боже, если Ты есть на самом деле, прости мне прегрешения мои, — кричал я.

Кино закрутилось быстрее. Я пытался замедлить его, чтобы вспомнить все, и в страшном мучении начал просить прощения у Бога за то, чего не мог вспомнить. Я рыдал так, что начал задыхаться. Мои крики становились все громче и безумнее и, чтобы другие заключенные не слышали меня, мне пришлось спрятать лицо в подушку, снова и снова откровенно изливая свою душу перед Богом. Так прошло, должно быть, несколько часов.

Когда я, наконец, поднялся, в моей камере было уже темно. Дверь была заперта, в тюрьме — полная тишина. В крохотном окошке, забранном решеткой, я мог видеть луну. Я смотрел на лунный свет, падающий сквозь решетку, и мне казалось, что я вижу не пересечение железных прутьев, а Голгофский крест, на котором распяли Иисуса. Мне уже не надо было вспоминать то, что сказал мне Майкл. Слова полились потоком. В молитве я просил у Иисуса прощения, умолял Его заполнить пустоту моего сердца, обещал оставить прежнюю жизнь и начать новую вместе с Ним. Я беседовал с Иисусом всю ночь, пока, наконец, не заснул.

На следующее утро мне все казалось иным. Настроение было совершенно другое. Сколько себя помню, я всегда был злой, никого не хотел щадить, а в это утро вдруг понял, что злобное чувство мое исчезло, пропало. На душе было спокойно, ощущалась какая-то необычная умиротворенность. Это чувство было удивительным. Я сидел на койке, глядя на маленький квадратик солнечного света за крестообразной решеткой. На дворе был яркий, безоблачный день. До меня вдруг дошло, что в последнее время я почти не выглядывал в окошко. Мне не хотелось изводить себя мыслями о том, что я утратил. Я почувствовал необыкновенное тепло, и это притом, что солнце еще не прогрело толстые каменные стены тюремного блока. Вспоминая предыдущий день и разговор с Богом ночью, я улыбнулся и прошептал: «Спасибо, Иисус». Я еще не понимал того, что случилось со мной, просто знал, что во мне произошла перемена. Мне почудилось, что огромный камень свалился с моих плеч. Хотелось поговорить с Майклом, и я решил написать ему письмо о том, как молился Богу, и об уверенности, что Иисус спас меня. Я знал, что он будет рад.

Услышав железный скрежет открываемой двери, я даже вздрогнул. Тюрьма оживала, через открытую дверь в камеру ворвались шум и крики зэков, заполнявших коридор. Тут я почувствовал, что сильно проголодался. Прежде тюремная похлебка была противна мне, но теперь я с нетерпением ожидал своей порции овсянки. Вскочив с койки, я обратил внимание на сигареты и вдруг понял, что уже второй час как я проснулся, а у меня и мысли не было засмолить. Обычно я не вставал с койки, пока не выкуривал, по крайней мере, двух сигарет. Поражаясь этой перемене, я взял пачку с сигаретами и швырнул ее подальше под койку — с глаз долой, из сердца вон!

Рядом с моей дверью стоял огромный рыжеволосый зэк. Это был один из маньяков, и мне вспомнился вче-

рашний вечер. На полу моей камеры еще оставались следы крови. Я съезжился от недавних воспоминаний и постарался проскользнуть мимо рыжего гиганта. Тот повернулся в мою сторону и, грязно выругавшись, ткнул сигаретой мне в левую руку. Я посмотрел ему в глаза, стряхнул пепел с руки и ушел. Добравшись до столовой, я взглянул на обожженную руку и не поверил своим глазам. Ожога не было! Мои руки были покрыты множеством рубцов, полученных в результате стычек, вчерашний ожог все еще побаливал, однако нового не было.

Несколько дней спустя я сидел в библиотеке за вторым письмом к Майклу. У меня появилось много вопросов, и я с большим нетерпением ожидал свидания с ним. Рядом со мной сидел за своими рисунками Шейн, молодой парень из Шри-Ланки. Место, где мы находились, трудно было назвать библиотекой. Это была обыкновенная камера, где на грубо сколоченных столах лежало несколько истрепанных книг. Однако в этой камере было тихо, и последнее время я проводил здесь большую часть дня, подальше от непрерывного крика и драк в главном блоке. Я писал письмо, и мое сердце переполняла радость. Несмотря на окружавшее меня убожество, я ликовал. Неужели мне будет когда-нибудь лучше, чем сейчас?

Шейну какими-то судьбами перепала фляжка с горячей водой и немного сухого спитого кофе. Он протянул мне оловянную чашку.

— Что это с тобой, Тони? — спросил он. — Что за дурацкая улыбка? Кажется, ты вот-вот пустишься в пляс по камере.

Я громко рассмеялся.

— Слушай, парень, признавайся! Что принимаешь? Поделись немного, — сказал уроженец Шри-Ланки.

— Я не колюсь и не курю, Шейн, — ответил я, все еще смеясь.

Шейн повернулся ко мне и внимательно посмотрел в глаза. Одно время он занимался контрабандой наркотиков и с лету распознавал любое наркотическое опьянение.

— Не иначе, как ты что-то принял, а то с чего это ты кайфуешь? — спросил он подозрительно.

Несомненно, со стороны могло показаться, что я охвачен безудержной эйфорией, хотя это состояние не имело никакого отношения к наркотикам.

— Я просто счастлив, Шейн, я уверовал в Иисуса Христа.

Итак, я признался.

— А-а, «Иисус»... Это для меня что-то новое. Ничего про такой наркотик раньше не слышал. Где ты его достал? — спросил Шейн.

— Нет, Шейн, я совершенно серьезно. Этой ночью я обратился к Богу, и теперь я другой человек. Я так счастлив!

Шейн рассмеялся. Понятное дело, он не поверил мне, но я рассказал ему о Майкле Райте, о свиданиях с ним и обо всем, что он говорил мне об Иисусе.

— Мне не надо никаких наркотиков, чтобы чувствовать эту радость, Шейн. Слушай, что я хочу сказать тебе. Каждый раз, когда ты ширяешься, тебе бывает хорошо. Но затем, чтобы чувствовать себя так же хорошо, ты должен увеличивать дозу. Разве это счастье, Шейн? Это болезнь, пристрастие, зависимость. Называй как хочешь, но все это будет затягивать тебя до тех пор, пока не ухватит мертвой хваткой, и вот ты уже на краю пропасти, в самом что ни на есть смертном отчаянии, и прямая тебе дорога в тартарары.

Шейн кивал, он знал это и сам.

Я рассказал Шейну о своей молитве и исцелении от гнева. Я рассказал ему о сигаретных ожогах и других удивительных вещах, которые произошли со мной после той ночи, когда я отдал свою жизнь Христу Иисусу.

— А я сразу заметил перемену в тебе, — сказал Шейн.

— Просто мне подумалось, что на этот раз тебе достался хороший товар.

В изумлении Шейн качал головой. Вспомнив слова из Евангелия от Иоанна, я сказал ему:

— Тебе надо просто помолиться с верой, вот и все.

Шейн внимательно слушал меня. Он понял, что я говорю правду. Он задавал вопросы, но не спорил со мной, как я когда-то с Майклом.

— И все же я не понимаю одного: зачем Иисусу понадобилось умирать? Зачем Бог захотел этого? — спросил он.

Я немного задумался. Для меня тоже все было новым. Но теперь я уверовал. Я встретился с Богом и испытал на себе Его прощение, но объяснить мой опыт другому, особенно тому, для кого английский не был родным языком, было трудно.

— Шейн, Бог — совершенный и святой, — начал я. — Мы же далеко не совершенны. Мы все грешники. Даже самый высоконравственный человек в мире не соответствует Божьим стандартам. Об этом сказано в Библии. Но это не значит, что Бог не любит нас. По правде говоря, Он очень хочет, чтобы мы были с Ним. Он послал Своего Сына, Иисуса, на землю потому, что хотел сделаться на какое-то время человеком. Воплотившись, Он показал нам, что действительно понимает, что значит жить на земле и страдать, как мы.

— Ясно, давай дальше, — сказал Шейн нетерпеливо.

— Так что, когда Иисус умер, Он умер вместо нас. Он взял на Себя весь наш грех, чтобы мы смогли получить прощение и предстать перед Богом в Его, Христовой, святости. Вот почему Иисус стал совершенной жертвой. Он умер вместо нас, то есть принял смерть, которую мы по своим преступлениям справедливо заслужили, чтобы дать нам жизнь. То есть нам дано выбирать между жизнью и смертью.

— Выходит, мы все должны понести наказание за свой грех, но Бог избавил нас от этого наказания?

— Ну, в общем, почти так. Только Бог не избавил нас от наказания. Наказание за наш грех остается. Но это наказание несем не мы, а Иисус.

Я подумал немного и решил растолковать эту истину проще, на жизненном примере.

— Жили-были два мальчика, росли вместе под одной крышей, а повзрослев, сделались лучшими друзьями. Годы шли своим чередом, их пути разошлись. Один сделал неплохую карьеру и стал судьей. Другой узнал почем фунт лиха, спутался с дурной компанией и стал вором. Однажды судья увидел, что человек на скамье подсудимых не кто иной, как друг его детства, которого он сильно любил. Перед ним встала ужасная дилемма. Как судья, он был обязан исполнить закон, то есть наложить на вора огромный штраф. Но он также знал, что его друг не мог заплатить этот штраф. Если же он не заплатит, его посадят в тюрьму.

— И что же дальше? — спросил Шейн.

— Судья вынес приговор, как и полагается судье. Но после вынесения приговора он поднялся со своего кресла, снял судейский парик и мантию и, к изумлению всех присутствующих, подошел к старому другу на скамье подсудимых, вытащил свою чековую книжку и заплатил штраф за человека, которого так сильно любил. Теперь его друг был свободен. Никакого штрафа, никакого осуждения, никакого долга. Ничего вообще.

— Итак, судья — это Иисус, верно?

— Ну, да, он представляет Бога. Учти одно: судья был связан законом, поскольку сам был олицетворением закона. Он не мог посмотреть на преступление своего друга сквозь пальцы. Но он пожелал заплатить за него сам. Он не мог расплатиться как судья. Вот почему на время, только на время, он снял судейский парик и мантию и занял место на скамье подсудимых рядом с вором.

— Ну, вот, теперь я понял. Повтори-ка мне тот стих снова. Тот, что о вере и вечной жизни.

— Это шестнадцатый стих из третьей главы Евангелия от Иоанна: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

Когда я произносил эти слова, по щекам Шейна текли слезы.

— Шейн, ты хочешь уверовать и обрести вечную жизнь? — побуждал я его. — Ты хочешь получить прощение, мир и радость с Богом, как я?

— Да, — твердо сказал Шейн. — Но я не знаю, что говорить. Я не знаю, как молиться.

— Я тоже никогда не молился прежде, вчера ночью — первый раз, — напомнил я ему. — Но мы можем сделать это вместе, если хочешь.

Сначала говорил я, потом он повторял за мной. Он просил у Бога прощения, говорил о своем желании отвернуться от прежней жизни и очистить свое сердце для Иисуса. Вот так впервые в жизни я молился вместе с кем-то и одновременно за кого-то. И это было хорошо. Слезы текли по лицу Шейна. Он взял меня за руки и молился сам, на своем родном наречии. Я не понимал ни слова, но верил, что из уст его исходила сердечная просьба.

Я устроил Шейну свидание с Майклом, и тот снабдил нас пособиями по изучению Библии. Шейн неплохо говорил по-английски, но нам с Майклом страшно хотелось достать ему шри-ланкийскую Библию. Что я мог сделать, находясь в заключении? Только молиться! А вот Майкл времени не терял: он стал расспрашивать своих единоверцев в церкви. И вот чудо, одна женщина нашла у себя дома шри-ланкийскую Библию. Шейн был вне себя от радости. Через несколько недель он, наркоман с многолетним стажем, полностью избавился от своей зависимости.

Прошло совсем немного времени, а Майкл уже разыскивал немецкую Библию. Зигги — полное имя Зигфрид фон Гребер, как он вначале представился — большой неуклюжий человек лет сорока, заядлый курильщик, был

уроженцем Берлина. Этот делец в свое время нажил целое состояние махинациями на фондовой бирже, а теперь со своими длинными седоватыми волосами, неопрятными жесткими усами и большим животом, выпиравшим из-под футболки, был похож скорее на байкера, чем на ловкого махинатора. Это был наглый и заносчивый тип. Без всякой видимой цели он восставал против администрации, причем любой администрации, только из желания бунтовать. Вместе с тем он всегда умел приспособиться и получить дополнительную пайку на кухне. Этот буян отбывал свой срок за контрабанду и плел о себе что-то складненькое, хотя я не особо верил тому, что он выдавал за чистую правду. Были у нас кое-какие общие связи, так что с самого начала моего пребывания в тюрьме мы неплохо кооперировались. Зигги, как человек, несомненно, творческий, проводил все свое время за сборкой сложнейших моделей морских кораблей из простых спичек. Мы частенько сживали вместе, я — занимаясь рисованием, он — сборкой моделей. Наши «произведения» пользовались хорошим спросом, так что мы редко нуждались в сигаретах и других дополнительных услугах, доступных в условиях нашей «гостиницы».

Он просто посмеялся надо мной, когда я впервые рассказал ему о своей встрече с Иисусом, и с тех пор взял моду называть меня «проповедником». Он уважал меня, но, как и множество других людей, был испорчен этим миром, так что не проявлял никакого интереса к религии. Я знал, что у него нет никого, кто бы мог навещать его, таким образом, через две-три недели я убедил его согласиться на встречу с Майклом Райтом. Свидания с Майклом ему вроде бы нравились, но когда он принялся злословить моего друга за глаза, я понял, что за этими встречами крылась очередная хитрость Зигги. Свидания стали для него еще одним способом получить бесплатную банку лимонада или плитку шоколада из столовой для посетителей.

Однажды я сцепился с ним в его же камере. Это был бессмысленный спор. Он принялся бранить Майкла и на чем свет стоит проклинать Бога. Это вывело меня из состояния равновесия: я страшно рассердился на Зигги.

— Ну, скажи мне, проповедник, — с пеной у рта кричал Зигги, — где твой Иисус в этой камере, в этом паскудном свинарнике?

Приблизившись к нему, я ответил сквозь стиснутые зубы:

— Иисус приходит к тебе через Майкла.

— Ха! Этот дурачок с глупой улыбкой, с болтовней о церковных делах, с кучей бумажного мусора о несуществующем Иисусе. Хотел бы я затащить его сюда и показать, что здесь происходит на самом деле.

Я почувствовал, как прежний гнев, поднимающийся из каких-то неведомых глубин моего существа, выходит из-под моего контроля. Я схватил Зигги за ворот рубашки.

— Только скажи еще что-нибудь о Майкле, и я выбью тебе все зубы.

— Ну, давай, проповедник, давай, — потешался он надо мной, подставляя лицо. И я дал. Он получил удар по зубам, от которого распластался на столе, хотя это был удар вполсилы. Последние недели Зигги корпел над моделью большой яхты, которую собирал по картинке. Эту картинку ему дал Чико, один из зэков, родом из Испании. Новая, красиво украшенная яхта, готовая вскоре сойти со стапелей, гордо возвышалась на столе. Когда Зигги повалился на стол, модель упала и разлетелась на тысячи частей.

Разъяренный Зигги бросился на меня, ничего не соображая. На этот раз я уложил его на пол. Он боролся и сыпал проклятиями, пытаясь вырваться из моих рук. А я орал на него:

— Зигги, Зигги, прекрати! Я говорю тебе об этом, потому что ты — мой друг. Иисус любит тебя и хочет спасти.

Он продолжал сопротивляться, а я повторял свои призывы, пока он совсем не обмяк.

Потом кричать принялся Зигги:

— Я хочу верить, хочу, но в тюрьме это трудно, почти невозможно! Мне не вынести больше.

Его здоровенное тело дрожало мелкой дрожью: он не мог больше сдерживать себя. У меня защемило сердце. Это тюрьма. Я каждый день видел, как тюрьма ломает, казалось бы, сильных и смелых. Люди совершали самоубийства и сходили с ума от безысходности, отчаяния и одиночества. Все это происходило на наших глазах. Мы оба заплакали.

— Зигги, давай помолимся, — предложил я. — Прямо здесь, сейчас. Я не знаю, что еще сделать для тебя, что сказать. Ты помолишься со мной?

Зигги слабо кивнул, и вскоре Божье присутствие озарило нищету и убожество тесной камеры.

В последующие недели некоторые из самых законченных и жестоких преступников склонили колени перед всемогущим Богом. Постыжение греха давалось на удивление просто. Никто из них не возражал против того факта, что они по своим преступлениям — последние грешники. Осознание ими своей греховности было необыкновенно глубоким. Многие плакали как дети, когда благодарили Иисуса за дар прощения, за милость Божью, что делала их свободными даже в тюремных стенах.

Майкл Райт был перегружен работой как никогда прежде. Мне же оставалось поддерживать людей и побуждать их соглашаться на встречу с Майклом. Какое-то время он приходил на свидание к десяти зэкам сразу, но даже тогда он не забывал наставлять меня своей мудростью и пониманием Священного Писания. Его церковь молилась о нас. Валери на одном из свиданий со мной призналась, что они молятся о большем числе делателей на ниве Божьей. Чтобы больше христиан попадало в эту

тюрьму, чтобы наша небольшая группа верующих возросла численно и чтобы мы могли поддерживать друг друга еще больше. Но я ужаснулся этому.

— Нет! — воскликнул я. — Не молитесь об этом. Только просите, чтобы несчастные души, уже находящиеся за решеткой, могли познать Христа.

Как случилось с Мохаммедом, мусульманином. Он был большой человек, и проблемы у него были тоже большие. Отбывал он срок за убийство таксиста-грека. Его жена, Таммам, и брат, Ахмед, тоже сидели. Таммам, сидевшая в женском блоке, была беременна. Я видел, как Мохаммед день за днем, неделя за неделей молится с имамом. Некоторые из мусульман во время ритуальных поклонов буквально расшибали себе лбы. Однажды я подозвал его к себе, когда он возвращался в камеру с рваной циновкой под мышкой.

— Давай поговорим, Мохаммед, — улыбнулся я ему.

Мохаммед был одинок. Греки ненавидели его. Он убил одного из их соплеменников, так что в тюрьме из-за этого ему доставалось порядочно, причем как от эков, так и от *varianos*. В то же время он был изгоем и среди своих, поскольку мусульмане считали, что он опозорил свой род преступным сговором с женой и братом. В тюрьме ему приходилось в буквальном смысле слова выживать, так что он с подозрением относился ко всем. Всякий раз, когда я приближался к Мохаммеду, он только смотрел на меня, недоверчиво прищуривая глаза. Однако со временем мои попытки сблизиться с ним увенчались успехом. В конце концов у нас завязались дружеские отношения. Конечно, он нуждался в друге. Я угощал его сигаретами, делился рисовальными принадлежностями, и он постепенно стал оттаивать, открываться.

В тот знаменательный день Мохаммед выглядел так, словно взвалил на себя бремя мировой скорби. Его пальцы, желтые от никотина, дрожали, когда он закуривал.

— Аллах отвернулся от меня, Тони, — сказал он. Слезы навернулись на его глаза. — Даже не знаю, что теперь делать.

— Расскажи подробнее, — сказал я, молясь про себя о водительстве Божьем.

Мохаммед перешел на шепот:

— Ужасные слухи доходят до меня о женском блоке, Тони. Я боюсь за Таммам.

— Что ты имеешь в виду?

— Я слышал, будто тюремщики насилуют и избивают женщин. — С трудом проглотив комок в горле, Мохаммед медленно покачал головой и глубоко затаился. — Наш ребенок должен скоро родиться. Быть может, я никогда не увижу его.

— Настанет день, и ты выйдешь отсюда. Пожизненное заключение не означает, что ты должен сидеть всю жизнь*.

— Если даже я выйду отсюда, моя жизнь не будет стоить и гроша. Семья Таммам заставит ее развестись со мной. Я даже не знаю, что сказать ей.

— Ты можешь встретиться с ней?

— На следующей неделе должно быть свидание, если *chowishi* позволит. Свидание будет тридцать минут. Даже не знаю, хватит ли у меня мужества посмотреть ей в глаза.

— Я буду молиться о тебе, Мохаммед.

— Молись своему Богу, Тони, чтобы все прошло хорошо. — Мохаммед пнул свою циновку. — Даже мои родные отвернулись от меня. Я знаю, что совершил большой грех, но я был в отчаянии. Мне предлагали бешеные деньги за убийство того грека. На эти деньги я

* Пожизненное заключение назначается судом за особо тяжкое преступление или по совокупности совершенных преступлений. Используется как альтернатива смертной казни. Однако примерное поведение осужденного, отбывшего определенный срок, может стать основанием для условно-досрочного освобождения.

кормил бы свою семью целый год. Будучи в Иордании, я каждый день видел, как мои родители, братья, сестры и племянники стараются изо всех сил не умереть с голоду. Я нужен им, иначе они все погибнут. Теперь я не знаю, что случится с ними.

Мохаммед закрыл лицо руками, и некоторое время мы просидели в полной тишине.

Несколько дней спустя, провожая Майкла Райта, я увидел мусульманку в зале для посетителей. Она была беременна. Сопровождавшая мусульманку женщина-*variano* готовила кофе в столовой. Мусульманка, по всей видимости, была Таммам. Дело было летом, все изнемогали от палящего зноя, в том числе и *varianos*, вялые и сонливые. Я быстро подошел к Таммам. Она говорила на скверном английском, но мы с ней все-таки поняли друг друга.

— Я дружу с вашим супругом, — сказал я, улыбаясь и тыча себя в грудь пальцем. — Мохаммед — хороший друг, добрый человек.

Таммам улыбалась, нервно поглядывая на свою конвоиршу. Я передал ей клочок бумаги с координатами Майкла.

— Попросите его, чтобы он посетил вас. Майкл обязательно поможет вам, — сказал я.

Я не был уверен на сто процентов, что она поняла меня, но что мне еще оставалось делать? В этот момент *variano* засекла нас и начала кричать на меня, чтобы я немедленно отошел. Пять дней спустя Майкл написал мне, что Таммам согласилась встретиться с ним. Как я и ожидал, он тут же включился в работу: посетил Таммам сам и в поддержку устроил ей свидание с сестрами из церкви.

Через несколько дней Мохаммед ворвался в мою камеру, взволнованный, в нервном возбуждении. Пот ручьями лил с его лица.

— Я получил записку от Таммам, — выпалил он.

Неслыханное дело! До сих пор заключенные мужчины и женщины ничего не передавали друг другу. Иногда,

будучи во внутреннем дворе на прогулке, мы видели осужденных женщин, проходящих через ворота, и обменивались взглядами. Кое-кто из *varianos* смотрел на это сквозь пальцы, так что осужденные, по всей видимости, могли передавать друг другу какую-то мелочь.

— Она пишет, что уверовала в твоего Иисуса, — сказал Мохаммед с отчаянием в голосе. — Ты что-нибудь понимаешь? Что все это значит? Если мой брат Ахмед пронюхает, об этом будут знать не только родичи, но и вся деревня. Когда она выйдет отсюда, ее просто убьют.

Говорить в тот день с Мохаммедом было трудно. Он рвал и метал, между тем в его душе уже происходили перемены, и я видел это. Его тоже удалось познакомить с Майклом. Не прошло и двух-трех дней, как Мохаммед опять прибежал ко мне в камеру. Тогда я впервые увидел его улыбающимся. Он выглядел помолодевшим, широко раскрытые глаза светились внутренним светом. Его проблемы разрешились. Как и я, он обрел своего Спасителя. Теперь, несмотря на все трудности, у него появился смысл жизни и новая надежда. Теперь он мог доверять Богу и отдать свою жену под Его защиту. С тех пор мы стали единомышленны в молитвах.

Официальной религией в тюрьме было признано греческое православие. К другим вероисповеданиям относились терпимо. Среди заключенных было много мусульман. Однако проповедь библейского учения о «рождении свыше» через Иисуса Христа считалась властями ересью. Меня это не смущало. Больше всего мне хотелось делиться Благой вестью с каждым, в том числе и с *varianos*, и рассказывать о том, что сотворил Господь в моей жизни. Хотя в отношении наших собраний мы, естественно, должны были проявлять осторожность. К этому времени в блоке была уже целая группа новообращенных христиан, и, конечно, нам хотелось вместе молиться Богу и общаться. На наших собраниях в моей камере-одиночке было тесно, но мы чувствовали себя подобно ученикам Иисуса Христа, которые собирались

тайком от властей после Его распятия и воскресения. Мы изучали историю ранней Церкви, перенимали образ жизни первых христиан и следовали новозаветному учению как могли. Всякий раз, когда мы устраивали собрания во имя Господа Иисуса Христа, мы с большим благоговением и трепетом исполняли заповедь хлебопреломления. В условиях тюрьмы это давалось нам нелегко, но Бог поистине благословлял наши усилия. Для заповеди хлебопреломления всё всегда находилось. Каждый из нашей группы экономил на хлебе и винограде, который иногда давали на обед. Этот виноград все равно был несъедобный, так что мы имели нечто вроде виноградного сока, который получали, отжимая виноградинки через чистую пару носков, и оставляли перебродить. Со временем этот сок превращался в прекрасное вино. Очень может быть, что Сам Иисус участвовал в его производстве.

Я обвел камеру взглядом. Несколько братьев оккупировали мою койку, другие сидели на корточках на полу. Зигги и Мохаммед, заговорщицки подмигивая, шутили. Мартин, щедушный британский журналист, пытающийся пристроиться поудобнее, рядом с гигантом Зигги казался еще худосочнее. Мартин отбывал срок всего лишь за подделку визы и никак не мог адаптироваться в тюрьме. В поисках защиты с первого же дня пребывания в тюрьме он прилепился ко мне и вскоре был увлечен Благой вестью. Были здесь и Хасан, торговец наркотиками из Ливана, и Андреас, греческий культурист, осужденный за непредумышленное убийство, и другие.

— А где Шейн? — спросил я. — И Симоне?

Не успел я спросить, как в камеру влетел Симоне. Задышающийся и потрясенный.

— Алькапони поймел Шейна, — выпалил он, спеша рассказать братьям, что произошло в блоке.

Я тут же развернулся и бросился из камеры по коридору к Шейну. *Varianos* как раз несли его на носилках.

Вокруг толпились другие зэки, я растолкал их, чтобы быть поближе к другу. Он подрагивал в шоковом состоянии, сознание его едва теплилось. Разорванные брюки висели клочьями вокруг его лодыжек, рубашка была вся пропитана кровью, которая капала на пол, собираясь в лужицы. Руки и ноги были в кровоподтеках и ссадинах, из ужасных резаных ран на груди (это была, конечно, бритва) сочилась кровь. А его лицо...

— О, Господи, Боже мой, его лицо... — задохнулся я от ярости. В лежащем на носилках человеке едва ли можно было узнать того прекрасного юношу, которого я знал прежде.

Пламя вспыхнувшего гнева опалило меня.

Такого со мной не было уже многие месяцы, я снова сделался прежним Тони — жестоким и разъяренным. Мне было на все наплевать. Глядя, как *varianos* уносят моего друга Шейна, я поклялся тогда разорвать Алькапони в клочья. И вновь я ощутил тот самый, слишком знакомый мне металлический привкус во рту. Я жаждал крови Алькапони.

Глава 12

Я буквально вогнал кулак в стену. Сухая штукатурка треснула и посыпалась на пол. Когда я повернул голову в сторону своей камеры, толпа окружавших меня зеков расступилась, как по команде. Я был слишком зол, чтобы молиться, и час за часом только и делал, что ходил по длинному коридору, пока, наконец, не вернулся к себе в одиночку и не свалился на пол, сокрушаясь о жестоко искалеченном друге и брате во Христе. Много дней я боролся с Богом. Я продолжал читать Библию, но оставался в ослеплении гнева. И просил Бога о возможности отомстить за Шейна. Мне хотелось убить Алькапони, и я говорил об этом Богу открытым текстом, совершенно недвусмысленно. Я не смогу простить Алькапони... никогда. И не успокоюсь, пока не прикончу его как бешеного пса. Что касается Шейна, то я боялся, что ему уже никогда не поправиться.

Когда я посвятил свою жизнь Иисусу, 3 мая 1990 года, я стал свободным. По-прежнему оставаясь за решеткой, я получил новую, духовную свободу. Эта свобода была несравненно выше физической. Мое столкновение с Алькапони, однако, должно было преподать мне несколько чрезвычайно важных уроков. Вскоре мне предстояло снова, на этот раз со страхом и трепетом, пасть на колени

перед всемогущим и вездесущим Богом, знавшим меня лучше меня самого.

Алькапони знал, что я охочусь за ним. Мы оба ждали того момента, когда сойдемся друг с другом в смертельной схватке. И это случилось две недели спустя, в темном и пустынном коридоре тюрьмы.

Главные здания Центральной тюрьмы Никосии, выложенные из камня, были построены еще турками-османами, для которых в те времена здоровье, безопасность и общий жизненный уровень ее обитателей практически ничего не значили. Здесь было много совершенно заброшенных нежилых помещений, глухих коридоров и замурованных старых переходов. Из-за тьмы, воцарившейся теперь в моей душе, меня тянуло именно сюда. Скрываясь в тишине и мерзости запустения этих мест, я боролся с гневом и, не имея сил справиться с этим искушением, стал составлять план отмщения и отрабатывать те приемы, с помощью которых собирался сокрушить Алькапони. Богу в этом плане места не было. Я снова был один на один с терзавшими меня бесами.

Вдруг чудовищно непристойная брань и вопль, от которого кровь стыла в жилах, эхом прокатились по пустынным коридорам. Из кромешной тьмы возникла фигура Алькапони. Но как ему удалось застать меня врасплох? Не успев подумать об этом, прижатый к стене мощной хваткой врага, я впивался глазами в его лицо и... ухмылялся, испытывая наслаждение, которое искал. Вот она, возможность уничтожить Алькапони! Теперь я мог отомстить за Шейна. Теперь я мог свести счеты и разорвать эту скотину в клочья, размазать его плоть по каменной кладке. Появился знакомый металлический привкус во рту, я наслаждался его жгучим ядом. Собрал энергию, я мгновенно оценил, согласно установкам боевого искусства кун-фу, массу и положение тела противника, степень свободы и координацию его движений с любыми возможными перемещениями. Расчет был верный. Алькапони приставил к моему горлу бритву, но это уже ниче-

го не значило. Мне было все равно — жизнь или смерть. Однако первым должен умереть он. Вопрос был в другом: как перед тем причинить ему больше страданий.

Страстное желание почувствовать вкус его крови возобладало. Я готов был нанести ему удар в лицо: в зубы, в нос, в глаз, в ухо. Да, правое ухо Алькапони было ближе всего...

Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел? Тогда подошли и возложили руки на Иисуса, и взяли Его. И вот, один из бывших с Иисусом, простерши руку, извлек меч свой и, ударив раба первосвященникова, отсек ему ухо. Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут; или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?

Мф. 26:50—53

Не далее как сегодня утром я читал библейский рассказ об аресте Иисуса в Гефсиманском саду. Теперь в пылу гнева я вдруг вспомнил эту историю. Я инстинктивно продолжал концентрировать энергию, следуя по пути боевого искусства кун-фу, но в этот миг слова Иисуса зазвенели в моей голове, и так явно, словно Он обращался лично ко мне. «Я есть путь и истина и жизнь... Я есть путь... Я есть путь... Я есть путь».

Ярость еще кипела во мне, когда лицо Алькапони, казавшееся вблизи неестественно крупным, уткнулось в мое лицо. Я ощутил соленый вкус его пота.

«Я есть путь... Я есть путь...» — продолжало звенеть в моей голове.

«Сделай это сейчас! Вот его ухо, откуси его! Изуродуй его!» — неотступно твердил мне голос инстинкта.

«Все, взявшие меч...»

«Отомсти за Шейна... Ну что ты, в самом деле... сделай это для Шейна...»

«...И истина и жизнь...»

Внезапно, сам того не желая, я заговорил. Я слышал себя как бы со стороны. Ощущение дикого ужаса и отчаяния исчезло. Я заговорил, и страстное желание почувствовать вкус крови Алькапони испарилось. Я неожиданно успокоился, однако не меньше мерзавца, что держал меня мертвой хваткой, был потрясен силой слов, которые срывались с моего языка:

— Во имя Господа Иисуса Христа повелеваю тебе — оставь меня в покое!

И уже в следующий миг я начал медленно сползать по стене, потом сел на корточки и, упершись локтями в колени, стиснул себе ладонями голову. Алькапони исчез. Я все сидел, будто поджидая его, но минуты шли за минутами, а он не появлялся. Я был смущен и ошеломлен. Постепенно я стал приходить в себя. Господь явился мне чудесным образом. Он сохранил мою жизнь и здоровье, хотя я не просил Его. Я не молился тогда ни о чем, но Господь вложил в мои уста те слова, которые я произнес. Чтобы разобраться в этом, я постарался связать все воедино. Я вручил Богу свою жизнь и стал Его сыном. Бог не нуждался в моей просьбе о помощи: Он Сам вмещался и спас меня, помимо моего желания или нежелания.

Я был потрясен случившимся, так же как апостолы, когда они лично убедились в силе и власти Сына Божьего. В первой главе Книги Деяния рассказывается о том, как последователи Иисуса, находившиеся, как Он велел им, в Иерусалиме, ожидали обещанную силу Святого Духа. Там сказано: «...Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде...» Надо мной в мрачной коридорной пустоте простирался Бог, обнимая меня со всех сторон, и мне казалось, что и я запросто мог увидеть ангелов.

Медленно возвращался я в главный блок, оставаясь под покровом всемогущей силы Божьей. Эта сила была

почти осязаемой. Я поражался тому, что произошло. Я точно помнил, что говорил с Алькапони по-английски, хотя этот варвар, едва говоривший на своем родном греческом языке, не понимал по-английски ни слова! Добравшись до своей камеры, я остановил взгляд на кресте, образованном оконной решеткой. «Я есмь путь и истина и жизнь...». Я снова и снова повторял эти слова и понимал, что вовсе не энергия ци и не боевые искусства сохранили мне жизнь. Это Иисус и вера, данная мне Богом, оградили меня от явной опасности. Так Господь преподавал мне первый урок веры, урок настолько яркий, что я запомнил его на всю жизнь. Теперь я понимал, что пришло время полностью отвергнуть путь просветления — путь боевого искусства кун-фу — и совершенно довериться водительству Бога.

На протяжении многих лет я вспоминал этот случай как поворотный пункт в моей жизни. Часто можно услышать, как люди говорят: «Молитва поможет», на что я всегда возражаю. Не молитва поможет, а Бог. В одиннадцатой главе Евангелия от Марка Иисус следующим образом открывает тайну истинной молитвы: «Имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: „поднимись и ввергнись в море“, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам». В схватке с Алькапони я надеялся только на себя. И я мог сокрушить его благодаря собственным навыкам и подготовке, но Бог учел мое решение последовать за Ним. В критический момент, в пылу моей борьбы с врагом Он даровал мне силу отставить свою немощную самость и довериться только Ему.

Вот тогда я понял, что пора рассказать моим китайским родственникам о моем решении следовать за Христом. Я написал Лоуси, отдавая себе полный отчет в серьезности своих слов. Оставляя боевое искусство, я нарушал завет с дедушкой, отвергал наследие отцов

и преступал священный обет хранить древний путь кун-фу. Я надеялся, что Лоуси все поймет и не потребует никаких объяснений, стоит мне только рассказать ему о своей новой, спасающей вере. Однако где-то в глубине души я понимал, что за этим последует. За мою голову, вероятнее всего, назначат вознаграждение и станут преследовать, пока не прикончат. Я знал это и раньше. Любого, воспитанного в духе древних традиций, наставленного на пути просветления, но отвергнувшего древнее наследие или исказившего его первоначальную цель, непременно призовут к ответу. Я знал, что мой клан соберется на расширенный семейный совет, чтобы переубедить меня и заставить отречься от моей новой религии и просить у них прощения. Затем они пошлют мне спарринг-партнера, чтобы в поединке с ним я еще раз подтвердил свой уровень и достоинство. В случае отказа от поединка меня выследят и заставят подчиниться, возможно, даже ценой жизни.

Ответное письмо пришлось ждать несколько недель. Оно было написано моей двоюродной сестрой Си Куон. Тон у нее был ледяной и резкий. Она писала, что наш дедушка умер. Ему было девяносто пять лет. Далее Си Куон говорила о том позоре, что я навлек на древний род Су, когда не явился на похороны и не воздал должное нашим предкам. Дальше от имени семейства она потребовала от меня отречься от моей христианской веры и вернуться к благородному наследию отцов. Ведь отныне только я, будучи единственным продолжателем рода Чжэн Лин Су, мог защитить честь нашей семьи. А в конце письма, как я и думал, речь пошла о расправе надо мной в случае несогласия.

Известие о смерти Лоуси потрясло меня. Я не знал, что и подумать. Большую часть своей жизни я ненавидел деда, тем не менее именно он оставил огромный след в моей душе. Именно он воспитывал во мне самостоятельность. И теперь я понимал, что с его смертью что-то

ушло от меня навеки. Более того, отвергая требования, предъявленные китайскими родственниками, я навеки лишился связи с ними. Что за этим в действительности стояло? Мне предстоит жить, постоянно озираясь? Чтобы расквитаться со мной, мои родственники, по всей вероятности, наймут бандитов из «Триады». Это с одной стороны. С другой, я понимал, что моя новая жизнь, моя вера и покров Божий были более реальны и значимы, чем все то, в чем наставлял меня Лоуси. Жребий брошен, мосты сожжены, к прошлому возврата нет! Мысленно я представил себе лицо деда и постарался вспомнить лучшие времена, проведенные с ним, и то уважение, которое я испытывал к нему в последние годы. Но ничего не шевельнулось в моей душе.

Слух о том, что Алькапони бежал от меня, а я между тем отрекся от боевого искусства кун-фу, быстро облетел наш блок. Некоторые из маньяков попытались воспользоваться последним обстоятельством, но Бог неизменно хранил меня самым удивительным образом. И в то же время я, по всей видимости, снискал искреннее расположение более или менее здравомыслящих эков. Перемены в моем характере были, наверное, не просто очевидны, но и любопытны.

Несколько лет тому назад чикагские газеты напечатали историю об одном юном рассыльном из китайского ресторана, которого послали в банк разменять пятьсот долларов. В ресторане понадобилось двести пятьдесят долларов монетами и столько же купюрами по одному доллару. Кассирша взяла стопочку стодолларовых купюр и по ошибке вручила рассыльному двести пятьдесят долларов монетами и двадцать пять тысяч долларов купюрами.

Рассыльный, разумеется, тут же заметил это, однако о неожиданном доходе никому не сказал. Покинув банк с целым состоянием, он спрятал деньги у одного

родственника. Затем вернулся в ресторан, думая, что провернул неплохое дельце.

Кассирша, обнаружив недостачу, не могла припомнить внешности человека, которому отсчитала двести пятьдесят стодолларовых купюр. Но она вспомнила, чем от того человека несло за три версты! Она догадалась по запаху, что он работал в китайском ресторане. Она не просто вспомнила этот запах, но и связала его с тем рестораном, в котором работал юноша. Обратившись в полицию, кассирша определила местонахождение ресторана и опознала рассыльного. Того тотчас рассчитали, а деньги вернули законному владельцу.

Я вспомнил об этой истории, когда, читая Библию, рассуждал о том, что значит следовать за Христом. Апостол Павел пишет: «Ибо мы — Христово благоухание Богу в спасаемых и в погибающих...» (2 Кор. 2:15). Благоухание, о котором говорит апостол, не есть аромат, ощущаемый носом. Это благоухание ощущается шестым чувством всеми, кто так или иначе сталкивается с нами на протяжении дня.

Запах, в общем-то, есть побочный продукт деятельности. Во время обучения боевому искусству кун-фу от меня обычно разило потом. Любитель чеснока пахнет чесноком. Если вам нравится пользоваться духами, то окружающие будут чувствовать ваш любимый аромат. Точно так же, если ты служишь Иисусу и творишь это в духе любви и смирения, ты начинаешь благоухать Христом.

Почти каждый день я вступал в общение с новыми осужденными и даже некоторыми из числа *varianos*. Многие приходили ко мне со своими вопросами и бедами. Кто-то, оказавшись под колесами телеги жизни, становился наркоманом, кто-то вследствие душевнораздирающих семейных проблем и тупиков просто ломался. Чтобы помочь таким людям, я учился мудро-

сти. И это само по себе было чудом. С некоторыми я молился и читал Библию, объясняя, как Бог через Священное Писание говорит с каждым из нас один на один. Я не переставал убеждать всякого новичка согласиться на встречу с Майклом Райтом, ведь я был уверен, что он поможет всем, как в свое время помог мне.

Однажды я получил письмо от Майкла с нехорошим известием. Отныне официальным уведомлением тюремной администрации ему запрещались любые свидания с заключенными. К тому моменту Майкл регулярно виделся с десятью *fylakismenos* мужского блока, а другие члены его церкви посещали женский блок. Майкл сделался нашим маяком, дорогой жизни. По тону его письма я понял, что он страшно расстроился, хотя и убеждал нас держаться. «Не оставляйте молитву, — писал он, — старайтесь понять, что хочет сказать Бог через конкретные обстоятельства. Молитесь, чтобы мне разрешили вернуться к работе с вами, если будет на то Его воля». Я знал, что Майкл, помогая нам, отдавался этому делу весь, без остатка. Всякий раз свидание означало для него два часа изнурительной поездки по непривычной ему, жителю туманного Альбиона, жаре. На обратном пути Майклу нередко приходилось останавливаться на обочине, чтобы выйти из машины и передохнуть. После каждого свидания он уходил, ссутулившись, как бы сгибаясь под жизненным бременем заключенных, с которыми только что встречался. Тем не менее, от своего служения Майкл не отступал, укрепляясь в Боге.

Своей жизнью я был обязан Майклу. Если бы не свидания с ним, я бы не услышал Благой вести об Иисусе Христе. Прочитав письмо, я тут же собрал группу христиан. Мы преломили хлеб, возблагодарили Иисуса за Его жертву, а затем в коленопреклоненной молитве просили Бога вернуть Майкла на служение в нашу тюрьму.

Через два дня после той молитвы и моего обращения в администрацию с просьбой увидеть *chowishi*, меня вызвали по поводу свиданий с Майклом.

— Мне докладывают о тебе только хорошее, Тони, — сказал *chowishi*. — Все *varianos* твердят мне лишь о том, как переменялся Тони Энтони.

— Да, я теперь христианин.

— То есть «родившийся свыше» — так у вас это называется? — *Chowishi* сделал многозначительный жест рукой и усмехнулся.

— Именно так, — ответил я.

Мне хотелось рассказать ему больше, но он играл со мной, как кошка с мышкой. Я прекрасно понимал, что он завлекает меня в сети.

— Господин начальник, — рискнул я, заговорив по-гречески, — свидания с Майклом Райтом помогают многим осужденным.

Chowishi вытер носовым платком лоб и дал мне знак продолжать.

— Я уверен, что *varianos* уже донесли вам, как спокойно стало в блоке Б. Осужденные не доставляют вам теперь неприятностей. Стало меньше проявлений жестокости и насилия.

— Да, это так. Об этом мне докладывают постоянно...

— Тогда прошу вас, разрешите Майклу свидания с осужденными, — сказал я, молясь про себя Богу о том, чтобы сердце *chowishi* смягчилось.

Две недели спустя Майкл снова получил разрешение на доступ в *fylaki*. И мы все благодарили Бога за благосклонный ответ на наши молитвы. Мало того, что Майклу разрешили приходить на свидания с заключенными, он получил особый доступ в тюремную библиотеку, где ему разрешалось проводить библейские уроки. На эти занятия допускался и Ричард Нокс с трубой — его виртуозная игра сопровождала наши гимны и славословия. Мне никогда не забыть тех встреч.

Однако все эти встречи дорого стоили. Прошло почти два с половиной года моего трехлетнего срока. Все думали, что со дня на день меня освободят по амнистии. И вот я снова оказался перед *chowishi*.

На его лице блуждала знакомая усмешка.

— Мне доносят о тебе по-прежнему только хорошее, Тони. И заключенные могут встречаться с этим вашим Майклом Райтом.

— Да, господин начальник, благодарю вас. — Интересно, почему он завел речь об этом, а не о моем освобождении? — Господин начальник, — рискнул я вставить, — я все думаю, когда же, наконец, выйдет постановление суда о моей амнистии. Неужели я не попал в список амнистируемых?

Chowishi ехидно улыбнулся.

— Ну, ты ведь знаешь, как хорошо я к тебе отношусь, вот и проповедника вашего допускаю, но... — Тут фраза *chowishi* оборвалась, повисла в воздухе, словно он ждал от меня слов благодарности. Но я только молча смотрел на него. — Но, ты сам знаешь, у властей к тебе особое отношение.

— Господин начальник?

— Это все твои библейские уроки... Ты проповедуешь ересь, вот почему тебе отказано в амнистии. Будешь отбывать трехлетний срок от звонка до звонка.

Мне было, конечно, досадно, но ничуть не удивительно. Майкл уже предупреждал меня об угрозе со стороны Греческой православной церкви, позиции которой в *fylaki* были достаточно прочными. Но я не мог сердиться — не пристало это христианину. Тюрьма была одной из тех «побелевших нив», о которых говорит Господь, и служения здесь непочатый край, да и Майклу могли запретить доступ сюда в любой момент.

Каждое утро в предрассветной тиши я говорил с Богом. Я молился за многих заключенных, причем как

можно подробнее, называя их по именам. На некоторые молитвы Господь отвечал немедленно, но сердце мое тосковало с каждым днем все больше и больше. В спасении нуждались сотни заключенных. Время от времени, размышляя о глубоких душевных ранах и страданиях, что превращают обычных людей в убийц, насильников и маньяков, я чувствовал боль в груди, как перед сердечным приступом. Здесь, в Центральной тюрьме Никосии, посреди грязи, шума, вони и человеческих пороков содержались доведенные до отчаяния, действительно истерзанные грехом люди.

При тюрьме имелась столярная мастерская и типографский цех, где работали некоторые из наиболее способных и квалифицированных заключенных. Бездельников среди нас не было, всем находилась работа. Мне обыкновенно поручали уборку и раздачу пищи. Был у нас один брадобрей, араб Газанта, так он занимался своим ремеслом в столярной мастерской.

— А, Тони, друг мой! Ну, давай, садись, — приветствовал он меня, улыбаясь до ушей. — Побрить тебя, как обычно?

— Да, мой друг, сегодня я смелый, но ты все равно поглядывай туда, где шаркаешь бритвой.

— Ну, ты же знаешь, во всей Никосии никто не побреет тебя лучше меня.

Мы смеялись и болтали, а между тем Газанта уже приступил к работе. В крошечном треснутом зеркальце я видел зэков, работающих с циркулярной пилой. Шума было много: работали станки, люди перекликались, пели. Мое внимание привлек один коротышка — грек по имени Кириакос. Он молча стоял у циркулярки. Некоторое время я наблюдал за ним. Он просто стоял, как замороженный глядя на вращающийся диск. Все вокруг него были заняты и ничего не видели. Газанта продолжал болтать, но я вдруг стал очень беспокоиться. Я просто не мог оторвать глаз от Кириакоса. И вот я в

ужасе вижу, как он медленно подносит руку к вращающемуся с огромной скоростью диску и как пила отрезает ему все пальцы один за другим. Пальцы падают на пол. Кириакос не издает ни звука, просто вздрагивает. Я крутанул в кресле и подлетел к нему.

Заметив мое неожиданное движение, бросили свои дела остальные рабочие. Многие греки и арабы, когда увидели, что случилось, начали в ужасе кричать и рвать на себе одежду. Кириакос с поднятой вверх рукой так и стоял, не шелохнувшись, словно в ступоре. По-прежнему, орошая всех каплями крови, визжала циркулярная пила. Шум. Хаос. Паника. Никто не знал, что делать. По щекам Кириакоса покатались слезы, он застонал, ноги его подкосились, и он стал оседать на каменный пол. Находящийся в столярной мастерской *chowishi* успел подхватить его и позвал на помощь. В общей неразберихе, пытаясь отыскать пальцы Кириакоса, я стал рыться в залитых кровью опилках.

Инцидент, надо сказать, жуткий. *Fylaki* могла свести с ума любого. Кириакосу сказали, что его жена гуляет на стороне. Кроме того, недавно его лишили некоторых привилегий — отняли краски и бумагу. Все это переполнило чашу его страдания. Такие ужасающие случаи преднамеренного самокалечения происходили в тюрьме довольно часто.

В принципе насилие в тюрьме — обычное явление, но я уже пресытился кровопролитием и жуткими сценами, которым раньше не придавал никакого значения. *Fylaki* — это очаг постоянного эмоционального напряжения, пороховая бочка. Обида легко становилась бикфордовым шнуром, так что прежде, чем ты успевал что-либо понять, в блоке уже гремел взрыв — стремительно завязывалась драка. Тогда я просто прятался в своей камере. Бывали времена, когда я набрасывался на заключенных, которые действовали мне на нервы. Так поступают почти все эки. Для них драки становятся средством

снятия напряжения. Подобные стычки не обходились без кровопролития, так что я отдавал себе отчет в том, что мне следовало делать, а именно — не ввязываться в тюремные разборки.

Лето 1992 года было нестерпимо знойным, и это только усугубляло мрачное настроение заключенных. Люди беспричинно раздражались и беспокоились по мелочам, многие ожидали взрыва подспудно накалявшихся страстей, в частности, крупной разборки палестинцев с греками. Когда это случилось, было много жертв. После этого враждующие фракции по обыкновению были изолированы друг от друга. Как-то раз я отправился навестить в одиночках своих палестинских друзей.

— Началось следствие, — шепнул мне Иэн Дэвидсон, когда я подкатил к нему с *Lamarina*.

Тюремщики в тот день дежурили «правильные», они хорошо знали нас и не стали беспокоить по пустякам.

— Что случилось? — спросил я.

— Кого-то из греков едва не грохнули. Говорят, смертельно ранен, не выживет.

— Ах, вот как. Но почему такой шум, ведь это не впервой?

— Парень был влиятельной фигурой. Каким-то политиком, как мы думаем.

Я передал Иэну подозрительно пахнущее вареное яйцо и тарелку далеко не свежих помидоров.

— Ну, и сколько, по-твоему, мы можем жевать эту гниль, Тони? — улыбнулся Иэн.

— Я передам ваш заказ на паштет и пиво, так что завтра, быть может, получите, — поддразнил я его.

— Ты слышал, тут шныряла парочка репортеров?

— Ну и?

— Пытались выдать себя за чиновников, но что-то не очень убедительно.

— Да ладно тебе. Разве плохо, что внешний мир еще помнит о нас?

— В общем — да, но в конкретном случае — нет. Лучше бы о нас вообще позабыли. Не надо, чтобы наши имена опять замелькали в газетах.

— Но ведь желающих дать им интервью не нашлось?

— Есть слухи, что выискался один болтун. Нам бы только узнать, кто...

Variano направился в нашу сторону.

— Ну, время вышло, приятель, — сказал я, разворачивая *Lamarina*. — Бывай.

— Учти, что паштет и пиво от Джона Смита лучше всех! — подмигнул мне Иэн.

Несколько дней спустя я уже переговаривался шепотком с Адли, соратником Иэна. Адли был одним из главарей палестинцев. В свое время подвизался в телохранителях самого Ясира Арафата и был весьма уважаемым членом Организации освобождения Палестины. Мы были с ним на короткой ноге, хотя я понимал, что связываться с этим человеком опасно. Пока я подавал ему еду, Адли что-то писал на клочке бумаги. Просунув бумажку через решетку, он пристально посмотрел на меня.

— Вот этот, Тони, — сказал он, озираясь.

— Что?

— Стукач. А еще палестинец, — сплюнул Адли.

— Как палестинец?

— Да вот так... — Адли перешел на шепот. — Только не из нашей команды. — Он покрутил пальцем у виска, дескать, доносчик не блещет умом и входить в элиту Организации освобождения Палестины, что отбывала срок в Центральной тюрьме Никосии, в принципе не может.

— Этот трепач всем ненавистен, Тони. Нам нужно разобраться с ним, понимаешь.

— Адли, ты прекрасно знаешь, что я не...

— Перестань, Тони, — прервал он меня. — Мы же приятели. Сидя здесь, мы связаны по рукам и ногам! А ему надо преподавать серьезный урок...

К счастью, *varianos* велели мне поторапливаться с раздачей пищи. Я спрятал записку в карман и, не глядя на Адли, покати́л *Lamarina* на кухню. Я так и не взглянул на имя в записке. Клочок бумаги отправился прямо в огонь.

Разбираться с ним мне не было никакого резона. Но мне следовало бы знать, что очень многим хотелось именно этого!

Несколько дней спустя я прогуливался по внутреннему двору. В воздухе посвежело. Это было приятной переменной после долгих месяцев мучительной жары. Мимо меня прошли два палестинца — Хуссейн и Юсеф. Я не придавал этому особого значения. Они приветствовали меня. Я улыбнулся и, задумавшись, пошел по кругу дальше. Возвращаясь им навстречу, я остановился как вкопанный. Что же он делает? Тот из эков, что был помоложе, схватил своего напарника за волосы и швырнул на скамью со спинкой. Затем, встав над ним, вцепился ему в лицо. В ужасе я понял, что в руках у него была бритва. На какой-то миг я осто́лбенел. И тут Хуссейн, а это был именно он, начал с остервенением резать лицо несчастного Юсефа, как сыр на куски. Тот вырывался, хрипел, кровь заливала их обоих.

— Стой! Прекрати! — закричал я и рванул в их сторону, но к тому моменту, когда я оказался рядом, Хуссейна уже и след простыл. Юсеф без сознания полулежал на скамье. Все лицо его представляло собой кровавое месиво. Я уложил Юсефа на землю и только тогда понял, что он не дышит. И тут мне вспомнились уроки по оказанию первой медицинской помощи. Лицо Юсефа было настолько обезображено, что я с трудом нашел его рот. Запрокинув ему голову и зажав нос, я начал делать выдохи ему в рот, не переставая молиться:

— Прощу Тебя, Боже, оживи его!

Было слышно, как сбегались к месту происшествия тюремщики. Юсеф вздрогнул, его стало рвать кровью прямо на меня.

— Погодите, — сказал я *varianos*, поспешившим мне на помощь, и перевернул палестинца на бок, чтобы он не захлебнулся рвотой.

Через пару минут появились санитары. И тут меня стало колотить. Я спас человеку жизнь, но кто знает, сможет ли он поправиться после всего.

Среди подобной жестокости и насилия я начинал весьма ясно осознавать, как Бог хранит новообращенных христиан. Каждого из нас в любой момент могли запросто порезать бритвой, как Юсефа; сумасшедшие ни с того ни с сего могли ошпарить горячим маслом или плеснуть в лицо кипятком. Полагаться на Бога в *fylaki* легко! У нас не было основания сомневаться в Его провидении и защите.

Между тем день моего освобождения приближался. Отсидев свой срок от звонка до звонка, я понял, что именно такой путь приготовил мне Господь. В отношении Тони Энтони у Него был Свой замысел. В глубине души я знал, что мне придется порвать со своим прошлым раз и навсегда. Бог повелевал мне возложить все упование на Него, чтобы отказаться от всех старых связей и начать новую жизнь в полной зависимости от Него.

И вскоре Бог проявил Свою заботу, оказав мне помощь в преодолении многих неожиданно возникших препятствий. Мне нужны были деньги для продления паспорта, так как срок действия его уже истек. Многие заключенные после освобождения по-прежнему оставались в *fylaki* лишь потому, что не имели достаточно средств для возвращения на родину.

Майкл Райт и Ричард Нокс пришли в Центральную тюрьму Никосии навестить меня в последний раз.

— В следующий раз мы увидимся с тобой уже по другую сторону решетки, Тони, — улыбнулся Майкл.

— Мы связались с британским посольством и заказали тебе новый паспорт, — сказал Ричард. — Кроме того, я оставил в тюремной канцелярии авиабилет на твое имя. В среду тебе выдадут оба документа.

Я не знал, как благодарить его. Мы посидели немного в полном молчании. Майкл по своему обыкновению улыбался, более того — сиял от радости.

— Бог позаботится о тебе, Тони, — сказал он.

Я согласно кивнул, хотя сам и понятия не имел, что ожидает меня в будущем.

— Я тут связался со своим другом, Кором Брёйнсом, — сказал Ричард. — Мы с ним одно время миссионерствовали в Ливане.

Прежде я уже слышал от Ричарда об этом голландском брате и его семье.

— Дочь Кора Брёйнса, Кэролайн, выразила готовность принять тебя, когда ты вернешься в Англию.

Ричард достал из кармана маленький конверт. Там было семейное фото Брёйнсов. Все на нем улыбались.

— Вот это Кэролайн с мужем, его зовут Джон, — показывал Ричард. — А это их детки: двухлетняя Анна и малыш Джошуа.

Увидев чистоту и красоту семейных отношений этих людей, я вдруг почувствовал себя страшно одиноким. Ричард продолжал говорить о Брёйнсах:

— Они живут в Нью-Молдене, ходят в местную баптистскую церковь...

— А они знают, кто я такой и что я сделал? — перебил я Ричарда в тревоге и смущении, на что Ричард от всей души улыбнулся.

— Запомни, Тони, «...нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу...», — сказал он, процитировав Священное Писание. — Брёйнсы — прекрасная христианская семья. Они не станут осуждать тебя. Им известно, что тебя выпускают из никосийской тюрьмы. Именно потому они и вызвались встретить тебя в аэропорту и привезти к себе.

Ричард снова открыл конверт и достал из него коротенькое письмецо. Оно было от Кэролайн и Джона. Оказывается, они с нетерпением ожидали нашей встречи и

надеялись, что их домик, пусть маленький, но уютный и приветливый, понравится мне. Великодушие этих незнакомых мне людей было для меня необычным и оттого поразительным.

Глава 13

11 ноября 1992 года. День моего освобождения. В этот день я поднялся ни свет ни заря и первым же делом открыл руководство для ежедневного молитвенного чтения. Вглядываясь при слабом мерцающем свете в нужную страницу, я поразился. Заголовок чтения на сегодняшний день звучал так: «Истинная свобода». Я буквально впитывал в себя эти слова из Евангелия от Иоанна (8:36) — «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете», и наслаждался. Это был мой стих. Я знал, что Господь, Бог мой, видит каждый шаг моей жизни, от начала пути и до конца. Теперь мне надлежало доверить Ему свое будущее.

В то утро я обошел весь блок, разговаривая с заключенными, убеждая их вручить свою жизнь Иисусу. Труднее всего было расставаться с друзьями. Ведь столько времени мы провели вместе, разделяя печали и радости, заботы, надежды и мечты. Зигги, Симоне, Иэн, Мартин, Андреас, Хасан... В глазах Мохаммеда стояли слезы.

— До сих пор ты был верен Богу. Не оставляй своей веры. Не пожалеешь, даю слово. Мы обязаны верить и надеяться, мой друг, — сказал я Мохаммеду. — Ведь мы истинно свободные люди. — Я взял его за руку и, прижав к сердцу, обнял.

В последний раз я окинул взглядом блок, развернулся и медленным шагом направился в большой мир.

В кабинете, где сидел *chowishi*, мне отдали мой баульчик с личными вещами. Было приятно обуть приличные башмаки, хотя они показались мне тяжелыми и жесткими после сандалет, которые я таскал последние три года. Нашлись здесь также джинсы и черный свитер с высоким воротником. Несколько минут я простоял, перелистывая три красные записные книжки. Здесь была куча имен, цифр и адресов, короче говоря, все контакты по моей прежней работе. Вспомнив о своем обете Богу, я швырнул все записные книжки в мусорный бак. Вместо них в баульчике оказались пособия по изучению Писания, моя Библия и некоторые из тех книг, которыми Майкл снабжал меня в тюрьме. Большую часть этих изданий я раздал своим друзьям. Была там одна книга, с которой я никогда не расстанусь, — «Вратами славы». Я улыбнулся, припомнив вечер, проведенный в одной камере с неким нигерийцем. Я часто думал о нем. Кто это был на самом деле? Уж не посланец ли Господа? А может быть, Его ангел? Я был уверен, что нигериец написал тогда свое имя и адрес в Лагосе на форзаце этой книги. Разумеется, я видел эту надпись в тот день собственными глазами. Но позже я не обнаружил ее там. Все страницы были в целости, но на них не было ни одной пометки, сделанной рукой нигерийца! До сих пор тайна исчезновения этой записи поражает меня.

Chowishi передал мне конверт с моим новым паспортом и авиабилетом. На какой-то миг я вспомнил свою работу телохранителем. В одном из швейцарских банков хранилась, да, по всей вероятности, хранится и до сих пор, стопка моих фальшивых паспортов с разными именами, выданных разными странами. Получить поддельные документы тогда было довольно просто — все решали связи с нужными людьми. Теперь я держал

в руках новый паспорт, выданный британским консульством. Новый-то новый, но ужасного качества, сделанный из рук вон плохо. В паспорт была вложена записка от Ричарда: «За этот документ мы очень благодарны одной леди из посольства. Тебе придется переоформить его, когда вернешься в Англию, но одно хорошо — он откроет тебе дорогу домой». Ужасно неприятно было смотреть на свой снимок, сделанный в тюрьме. Меня даже слегка передернуло. Пришлось спрятать паспорт в задний карман, вместе с билетом до лондонского аэропорта Хитроу.

— Ну, поехали, — сказал я *varianos*.

В аэропорт Ларнаки я добрался в сопровождении пятерых полицейских. Властями Кипра я был на предстоящие пять лет занесен в черный список, так что полицейским поручили убедиться в том, что я действительно покинул их страну. Сидя на заднем сиденье автомобиля, я вбирал в себя красоту окружающего мира. Синее небо, горы, деревья, женщины, дети, запах моря. Я уже видел все это однажды, три долгих года тому назад, и, сидя в тюрьме, часто воскрешал эти картины в своей памяти. Теперь я любовался ими снова. Три года я не видел этой красоты, и теперь, когда мои чувства были обострены, все окружающее казалось мне новым, свежим.

До посадки в самолет меня держали в полицейском управлении аэропорта. Вдруг послышался до боли знакомый голос. Это был Майкл Райт. Он и его тесть приехали в аэропорт проститься со мной. Они привезли мне теплое пальто.

— Это все Элизабет, — улыбнулся Майкл. — Она напомнила мне, что в Англии теперь уже холодно.

Открыв свою Библию, он указал на несколько замечательных стихов, чтобы поддержать и укрепить меня. Со стороны могло показаться, что он — мой отец, а я — его сын, и сегодня он провожает меня в мир. Наше прощание было трогательным. Он так много сделал для меня.

Майкл оставил родную общину и отправился на поиски погибающих и страждущих. Отказавшись от спокойной размеренной жизни среди своего народа, следуя призыву Бога, он приехал в чужую страну. Здесь, преодолевая языковой барьер, культурные различия и расовые разногласия, ему пришлось вступить в духовную битву. Центральная тюрьма Никосии — отстойник для отморожков и самое неподходящее место на земле для такого славного человека, как Майкл. Однако, несмотря ни на что, он оставался верным Богу как в помыслах, так и в поступках. Он любил погибающих любовью Иисуса и нес надежду и жизнь туда, где царили безнадежность и отчаяние. Насколько я смог разобрать, Майкл делал как раз то, к чему призывает нас всех Иисус. Он оставил в стороне удовлетворение собственных потребностей и отправился возвещать Благоую весть о Христе людям вроде меня. Майкл установил некий стандарт, на который в дальнейшем я стал ориентироваться в оценке верующих в Великобритании. К сожалению, это привело меня к полной утрате иллюзий и глубокому разочарованию.

Сколько я ни совершал полетов в жизни, а все равно в тот день я со страхом и трепетом наблюдал за сигнальными огнями внизу, когда самолет, прорывая облака, набирал высоту. Это было восхитительно. Сама жизнь была восхитительна. Я закрыл глаза и под мерный гул моторов стал вспоминать свою жизнь в последние три года. Я радовался и благодарил Бога за все.

Когда самолет пошел на посадку, мои руки и ноги дрожали от страха и волнения. Чтобы успокоиться, я стал читать про себя двадцать второй псалом:

Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня.

Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елсем голову мою; чаша моя преисполнена. Так, благодать и милость да сопровождают меня во все дни жизни моей, и я пребуду в доме Господнем многие дни.

В аэропорту Хитроу среди ожидающих я сразу же узнал Джона и Кэролайн Нанн с детьми. И с болью подумал, какой темной личностью, должно быть, представляюсь я этим людям. Называя свое имя, я не смел посмотреть им в глаза, но они обняли меня, как если бы я был членом их семьи, долго-долго пропадавшим. Я не знал, что и сказать. Меня захлестывали все новые и новые впечатления. После трех лет, проведенных в тесной тюремной камере, все казалось большим и громким, даже пугающим. От поездки в автомобиле меня укачало, но я был страшно благодарен этому семейству, этим простым людям, которые смеялись, болтали и делали все, чтобы оказать мне хороший прием. В доме у Джона я продолжал чувствовать себя скованно. У меня кружилась голова. Благословенное жилище было уютным и теплым, пахло чем-то вкусным. Здесь было много семейных фотографий, удобные кресла и всюду на полу лежали разбросанные детские игрушки. Это было так обычно, так нормально для любой семьи, но совершенно непривычно и неестественно для меня.

Джон показал мне свой дом и оставил меня в комнате для гостей, которую они приготовили заранее. Из кухни донесся голос Кэролайн, она сообщила, что обед будет на столе через пятнадцать минут. Только теперь я понял, как проголодался. Сидя на краю кровати, я перебирал мягкое, белоснежное постельное белье, рассматривал эстампы на стенах, чистые полотенца и туалетные принадлежности, приготовленные для меня. Все так безупречно, но так незаслуженно! «Эти люди ни о чем не подозревают», — подумал я, увидев себя в зеркале.

Я разделся и принял горячий душ. Грязь, вьевшаяся в кожу за три года, смылась навеки. Мытье в *fylaki* само по себе было делом весьма опасным. Страшные, налившиеся кровью глаза всегда выискивали жертву, так что раздеваться там донага мог только последний глупец. Горячую воду подавали с перебоями. Иногда ее вообще отключали на много дней подряд, а когда из крана, издавая утробные звуки, текла какая-то грязно-коричневая жидкость, мы начинали воевать за место в душевой.

Внизу раздавалась стереофоническая музыка и топот ножек Анны. Малышка бегала по комнате, а папочка пытался водворить ее на высокий стул.

— Давай спускайся, — улыбнулся он мне, заметив меня в дверях. — Чувствуй себя как дома.

Он подхватил малышку и, взяв за лодыжки, стал раскачивать, пока та не завизжала от восторга. Тогда он перевернул ее и осторожно посадил на высокий стульчик рядом со мной. Анна взглянула на меня и рассмеялась, а затем, играя, закрыла личико руками и стала в щелочку подглядывать за мной.

Кэролайн вошла с дымящимся противнем и тяжело опустила его на стол.

— Я не буду извиняться, что поставила противень на стол, Тони.

Я взглянул на нее с удивлением.

— Ты не гость, ты — член семьи, так что хочешь не хочешь, а привыкай к тому, как мы подаем пищу. — С этими словами она принялась раскладывать по тарелкам большие порции ароматно пахнущей запеканки. Джон поблагодарил Бога за пищу, и мы приступили к ужину. Это было замечательно.

Нанны приняли меня прекрасно, но они, по всей видимости, так и не поняли, какой странной показалась мне эта нормальная семейная обстановка, с каким трудом я привыкал к ней. Никакого опыта подобной

семейной жизни у меня не было и в помине. Я был удивлен, что они полностью доверяют мне. Когда Джон уходил на службу, Кэролайн оставалась в спальне с маленьким Джошуа, в то время как я находился один на один в гостиной с Анной. Интересно, думал я, неужели они настолько наивны, что даже не подумают о том, как много жестокости и насилия в своей жизни я видел и что в какой-то мере все это сделалось частью моей личности.

Анна любила побаловаться. С детьми я до этого никогда не общался и не знал, какое очарование таит в себе это общение, но именно очарование детской непосредственности успокаивало меня. Однажды Кэролайн, расстроенная тем, как долго Анна возится со своим завтраком, поставила на стол таймер.

— Когда он прозвенит, ты должна все съесть! А если не съешь, то... придется тебя наказать! — сказала мама и вышла из кухни.

Анна сидела, уставившись на тарелку с овсянкой.

— Не хочу, — сказала она капризно, выпятив нижнюю губку, и отодвинула кашу.

Я не знал, как мне быть. Просто подсел к ней.

— Все-таки попробуй, Анна, съешь кашку. Она очень вкусная, — сказал я, пытаюсь найти с ней общий язык.

Девочка поглядела на меня подозрительно. Я взял и переустановил таймер, что прибавило ей несколько минут. Анна рассмеялась.

— Ш-ш-ш... — сказал я, подмигивая.

— Ш-ш-ш... — повторила она, приложив пальчик к губам. Потом засмеялась и быстро доела кашу. Мы стали друзьями.

В воскресенье, 15 ноября 1992 года, я отправился вместе с семьей Нанн в Нью-Молденскую баптистскую церковь. Я мечтал о посещении церкви и ожидал этого дня с нетерпением уже многие месяцы. Мне нравилось

слушать рассказы Майкла, а также других братьев и сестер о церквах Великобритании, и я знал, что встреча с другими христианами станет для меня настоящим праздником. Собралось около трехсот человек. Богослужение меня поразило. Доброжелательная атмосфера и музыкальное сопровождение были достойны восхищения, а когда на кафедру поднялся проповедник, я весь превратился в слух. Под конец он пригласил выйти вперед желающих рассказать о своем обращении к Богу. Меня бросило в дрожь, но я понял, что Бог повелевает мне выйти. Я встал и пошел, судорожно перебирая в уме все, что надлежало сказать. Затем, заикаясь и запинаясь, я рассказал свою историю. Прежде я никогда не выступал перед таким собранием. В тюрьме я беседовал со многими, но там это было так естественно, да и просто необходимо. Теперь же, глядя на улыбающиеся и доброжелательные лица, я испытывал такое чувство неловкости, что побороть его у меня не было сил.

К полудню у меня появилось много новых друзей. Я записался в группу желающих принять крещение. Долгие месяцы в тюрьме я мечтал о том дне, когда надо мной совершат таинство крещения. Майкл Райт часто рассказывал мне, как в его церкви на Кипре крестят на морском побережье. Иэн Реверезер, один молодой кореец, как-то написал мне о том, как его крестили в море. Как я завидовал ему! В Библии я читал об Иоанне Крестителе, крестившем Самого Иисуса, и знал, что мне обязательно надо исполнить эту заповедь Христа. В тюрьме у меня был ритуал, которого я по возможности придерживался. Каждый раз, стоя под душем, я символически умирал для прежней жизни и, выходя из душа, считал себя новым, безгрешным человеком.

Вернувшись из церкви, я помог хозяевам накрыть праздничный, воскресный стол. Нанны пригласили двух гостей — Фила и Сару, и те приехали из церкви вместе с нами. Оба они были хорошими друзьями Джона

и Кэролайн. Фил был человек приблизительно моего возраста. Его отличали широкая улыбка и крепкое рукопожатие. Вскоре мы близко сошлись и подружились, как оказалось, нас объединяла увлеченность мотоциклом. Сара, подавая мне руку и глядя в глаза, сказала:

— Очень рада познакомиться с вами. Мы очень много слышали о вас.

Я неловко переступил с ноги на ногу. Сара улыбнулась, и ее лицо озарилось внутренним светом. Я был пленен ею, сиянием ее глаз. Мне нравились ее рассказы о том, как проявлял Себя Бог в ее жизни. Фил и Сара любили Иисуса, и больше всего я нуждался в общении именно с такими людьми.

Вечером в тот день я не мог не думать о Саре. Она была просто чудо. Я улыбался всякий раз, когда вспоминал о ней. «Что это, Господи? — спрашивал я Бога. — Я не готов ни к чему такому!» Я не знал, куда все это заведет меня, но определенно знал, что Сара — золото. Она была так ласкова со мной в тот вечер, что мне захотелось преподнести ей подарок. Я достал принадлежности для каллиграфического письма, тушь и принялся за работу.

Несколько дней спустя я отправился в гости к Саре. Она жила в Патни*, довольно далеко от нас. Тюремная изоляция сделала меня домоседом, хотя раньше, будучи телохранителем, я много путешествовал по делам своих клиентов. Теперь же, перед отъездом из дома, я страшно нервничал. Одна мысль об автобусе или поезде была для меня невыносима. Накануне я нашел себе работу у местного художника и декоратора, буквально через дорогу от дома Наннов. Он расплачивался со мной наличными под конец рабочего дня. И я потратил все заработанное на такси до Патни.

Когда я оказался на улице Сары, сердце мое готово было выскочить из грудной клетки. Что я здесь делаю? В руках я держал свой эстамп в оберточной бумаге и

* Патни — южный пригород Лондона.

букетик цветов. Когда я нажимал на звонок, руки мои дрожали от волнения. Вместе с Сарой в этом доме жили четыре девушки, практикантки, будущие педагоги. «Умоляю тебя, Сара, пожалуйста, окажись дома», — шептал я, переминаясь с ноги на ногу. Дверь отворила невысокая светловолосая девушка. Когда я попросил ее пригласить Сару, она понимающе улыбнулась.

Появилась Сара, и я заметил, как из гостиной выглянуло несколько любопытных лиц. Сара покраснела.

— Тони, какой сюрприз!

Я не знал, что сказать.

— Просто хотел подарить вам вот это, — начал я, запинаясь. Протянув Саре эстамп и цветы, я хотел уже было распрощаться.

— Постойте, — сказала она немного озадаченно. — Вы же не можете уйти просто так. По крайней мере, зайдите к нам на чашку чая.

Я согласился, хотя дрожь не унималась. Эта предательская дрожь прекратилась лишь тогда, когда я оставил Сарин дом и вернулся в Нью-Молден. Вечером я позвонил ей, и мы договорились назавтра сходить куда-нибудь пообедать.

На протяжении нескольких недель мы встречались еще не раз. Правда, на каждом свидании я страшно нервничал, но мы, главным образом, говорили о нашей вере, и это помогало мне держаться с ней более или менее естественно. Общаясь с новыми друзьями, я чувствовал себя скованно, смущался, оттого что мой путь к Богу прошел через тюрьму, через глубины ада. Совсем другой путь был у Сары. Эта красивая, добродушная и невинная девушка любила Иисуса всю свою жизнь. Я завидовал этому. Но она призналась мне, что хотела бы познать Бога так, как это получилось у меня, самым «реальным» образом. А я не мог понять Сару. Того, что пережил я, мне бы не хотелось пожелать никому на свете. Саре Бог открылся не так, как мне. И все же я приходил в священный трепет перед ее «слепой» верой.

Сара посвятила свою жизнь Иисусу еще в детские годы. Рассказывая о себе, Сара все время улыбалась.

— Мне нравилось ходить вместе с папой в церковь, где он проповедовал, — говорила она. — Папа не был рукоположенным служителем церкви, но в нашей общине проповедовали все братья. Однажды вечером, мне было тогда лет десять, я пошла с ним в церковь, и, как сейчас помню, он проповедовал о «последнем времени». Папа говорил о том, что конец света может наступить в любой момент. Иисус обязательно вернется, и всякий, кто не верит в Него, будет оставлен на погибель. — Здесь Сара запнулась и вздрогнула. — Подумать только, ведь и я на самом деле могла оказаться в числе оставленных на погибель, — продолжала она. — Я читала разные библейские истории и уже многое знала об Иисусе. Я понимала, что для своего спасения я должна уверовать в Него. Но я уже тогда верила в Него, как, впрочем, верила всегда. Единственное, в чем я сомневалась, так это в том, что я «правильно» покаюсь. Слушая в тот вечер папу, я поняла, что мне следует помолиться Богу так, как он учил всех присутствующих...

Я выжидающе посмотрел на Сару. Глаза у нее были на мокром месте.

— Да, да, Тони... Я помолилась, как учил папа, — сказала она. — Но ничего не случилось. Просто ничего не случилось. До этого я много раз слышала, что надо помолиться, и твоя жизнь переменится, или у тебя появится такое чувство, такая внутренняя убежденность, что Бог подарил тебе спасение. Но у меня ничего подобного не было.

— Ничего? — спросил я, вспомнив тот вечер в своей камере, когда я впервые обратился с искренней молитвой к Иисусу.

— Нет, ни яркого света, ни гласа с небес, ни каких-то чудесных переживаний. Ничего. И я решила, что сделала что-то не так. Может быть, слова произносила не в том порядке. Может быть, не смирила свое сердце в

достаточной мере, и молитва моя показалась Богу недостаточно искренней... — улыбнулась слегка Сара. — Я боялась этого целый год, — продолжала она. — По ночам, лежа в постели, я прислушивалась к разным шорохам. И была рада любому звуку — скрипу ли ступенек, приглушенным ли голосам родителей; короче говоря, всему, что свидетельствовало о том, что мама и папа дома. Иногда я нарочно покашливала. И тогда ко мне прибегала мама — значит, все в порядке, я не одна. Когда дома воцарялась полная тишина, я боялась, что Иисус уже забрал всех, а я осталась...

Я изумленно уставился на Сару. Она улыбнулась:

— В конце концов я набралась храбрости и поговорила об этом с мамой и папой. После этого все прояснилось.

— Как? — спросил я. — Что они сказали тебе?

— Мама объяснила, что они охраняли меня с первого дня жизни и не давали мне увлечься ничем таким, что могло бы причинить боль и страдание моей душе. Моя жизнь в принципе не могла измениться круто...

— Но быть спасенным — не значит вести правильный образ жизни, так? — пробормотал я, чувствуя, как беспокойство овладевает мной. Спасение означает гораздо большее.

— Папа напомнил мне о темничном страже из Филипп, о котором написано в Книге Деяния, — продолжала Сара. — Когда этот страж увидел Павла и Силу, освобожденных от кандалов землетрясением, он спросил их: «Государи мои! что мне делать, чтобы спастись?» И затем папа привел ответ апостолов: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой». Я снова стала спрашивать папу: «Неужели это всё? Ты уверен, больше ничего не надо?» В дополнение этого библейского стиха папа показал мне много других. Он сказал, что в жизни некоторых людей происходит нечто очень значительное и драматическое, когда они впервые приходят к Богу, но это не значит, что так должно быть

со всеми. Он уверял меня, что самое важное здесь — это мое постоянство в вере и уповании на Иисуса. Почему-то именно это я и хотела услышать, — закончила Сара.

Я вспомнил своих друзей из тюрьмы. Многие из них приходили к Богу истерзанные, сокрушенные жизнью. Я просто говорил им о Христе — ничего другого я не знал, но уже одно это приносило свои плоды. Много раз я передавал библейские стихи своими словами, сохраняя смысл. Я никогда не знал ни «формул», ни стандартных, заученных молитв. Да и никому из нас такие мысли не приходили в голову. И мне было грустно думать о Саре, некогда страдавшей от мысли, что ее молитвы могут быть «неправильными». Да и в словах ли дело? К чему все эти формулы, все эти молитвословы, когда любая сердечная молитва не остается без внимания Бога. Я вспомнил слова Майкла Райта. «Спасение — это дар, а не заработная плата. Иисус уже сделал все для нашего спасения. Нам надо только уверовать в Него и принять Его дар. Как мы сделаем это, не имеет никакого значения».

Слушая Сару, я думал, сколь по-разному сложилась жизнь каждого из нас. Она была воспитана в любящей семье, где вера принималась как нечто само собой разумеющееся. Я даже позавидовал ее тепличному, беззаботному, невинному существованию. Но как после такой жизни она сможет понять меня, кем я был и что творил? Мне было ужасно стыдно. Может быть, для самой Сары было бы лучше, если бы она не имела ничего общего с таким человеком, как я. Однако в том, как Сара слушала меня, какие вопросы задавала и как поддерживала меня, было что-то необыкновенное. Почему-то, общаясь с ней, я чувствовал себя значимым и ценным. Как я мог отказаться от ее дружбы?

Всю свою жизнь я был уверен в себе и самонадеян. Я никогда не терялся даже перед большой аудиторией и всегда владел собой. После испытаний на Кипре я изменился. Я стал чрезвычайно смущаться перед людьми

ми, бормотал что-то несвязное и дрожал от волнения. Сара, конечно же, обратила на это внимание. Я боялся прикоснуться к ней даже ненароком. И вот однажды вечером она дотронулась до меня сама. Моим первым желанием было отшатнуться от нее, но прежде чем я успел это сделать, она обняла меня и поцеловала. Я был потрясен. В конце концов я перестал волноваться. Волнение ушло, уступив место небывалой радости.

Несколько месяцев спустя я переехал от Джона и Кэролайн в дом Алана и Ирэн Киркам, прекрасной пожилой супружеской пары из церкви. Потом я снял комнату в районе Клапамского железнодорожного узла. На первом этаже этого дома располагалась небольшая церковь под названием «Оак Рум». Через пару дней я уже знал, что в этой церкви был всего лишь один брат. В основном собрание было представлено пожилыми темнокожими сестрами. Лицо Джо Макдоналда, когда он увидел меня, просияло от радости. Поскольку традиционная церковь Единого братства* оставалась весьма строгой в отношении церковного служения братьев и сестер, брат Джо оставался единственным проповедником. Основную нагрузку в церкви несли, разумеется, сестры, но это не касалось проповеди и заповеди хлебопреломления. Брат Джо на протяжении многих лет был бессменным и, что более важно, любящим пастырем. Он проповедовал дважды в день — утром и вечером, пока не изнемог окончательно. Так что основная доля его нагрузки в течение нескольких дней перешла ко мне. К немалому моему беспокойству, брат Джо вскоре отказался от всякого служения, так что вся ответственность легла на меня. Короче говоря, я взвалил на себя это непосильное бремя. До сих пор я просто свидетельствовал о Христе людям, да, это было много раз, но проповедь, учение и ведение богослужений — это же

* Одно из ответвлений эмигрантской немецкой баптистской церкви Единого братства в Великобритании.

совсем другое дело! Сестры наши отличались строгостью поведения и без отлагательства поправляли меня, однако были великодушны ко мне, и я понимал, что Господь усмотрел для меня служение в этой церкви по Своей суверенной воле.

Члены церкви Единого братства славятся познанием Библии, так что волей-неволей мне приходилось просиживать часами за исследованием Священного Писания и подготовкой проповедей. В первое время я читал свои проповеди с листа, пока не приобрел определенных навыков проповедования. К счастью, на помощь мне вскоре пришел Майк Ливингстон, высокий, атлетического телосложения новозеландец. Майк приехал в Лондон немного позже меня, и мы быстро сделались хорошими друзьями. Слава Богу, он понравился нашим сестрам и со временем стал помогать мне в служении. Мы часто засиживались допоздна, рассказывая друг другу разные истории из жизни. Как и Сара, Майк был воспитан в христианской семье, так что и он тоже зачарованно слушал мой рассказ о моей потрясающей встрече с Христом.

— Знаешь, я иногда чувствую себя христианином второго сорта, — признался он мне однажды во время наших вечерних бесед.

— Но ты же всегда знал Бога, как ты можешь говорить такое? — спросил я.

— Несомненно, но мне всегда казалось, что я смотрю на мир глазами отца и матери и моя вера — не моя, а моих родителей.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне всегда надо было убеждаться в своей вере, утверждаться в ней, — ответил он. — Ты реально повстречал Бога. Ты же говорил, что тебе не надо больше видеть внешних проявлений Его действий в твоей жизни, ты и так веришь в Него.

— Безусловно, — ответил я. — Когда я был в тюрьме, то знал, что Он хранит меня в любое время дня и ночи.

Только так я мог выжить там, и за этим, несомненно, стоял Бог.

— Но у меня такого опыта не было. Мне никогда не приходилось уповать на Него с такой силой, ведь моя жизнь всегда была спокойной, — сказал Майк.

К этому времени я уже не раз слышал о подобных встречах с Богом. Рассказ Майка о своем обращении ко Христу был удивительно похож на Сарин. Между тем ни Майк, ни Сара даже не догадывались, в какой священный трепет я приходил, слыша подобные рассказы. Дело в том, что я не мог понять, как можно жить с такой «слепой» верой. Тем не менее, Майк и Сара продолжали утверждаться в вере, год за годом воздавая Богу хвалу и славу, доверяясь Ему во всем и от всего сердца служа Ему.

— Ну, и что из этого? — спросил я Майка. — В любом случае, Господь всегда с тобой, ты ничего не мог бы сделать своими собственными силами.

Мы оба проповедовали и руководили общиной, и оба прекрасно понимали, что поддерживала нас в служении сила Божья.

— Об этом я и хочу сказать тебе, Тони, — улыбнулся Майк. — Мой путь к Богу совсем не похож на твой, но я знаю, что действительно верю, просто я не могу указать точное время, когда Господь «возродил» меня, а ты в отличие от меня можешь.

Я с трудом понимал его, хотя знал, что Майк говорил от чистого сердца.

— Ну-ка, растолкуй, а то я что-то ничего не понимаю, — сказал я.

— Я был воспитан в семье, где все любили Иисуса, вот почему я с детства понимал различие между настоящим христианином и просто прихожанином. Лет около десяти я уже считал себя христианином с определенным стажем. Я знал, что Иисус — мой Спаситель; вот только трудно было вспомнить, как и когда я понял это и совершил свой выбор. Я просто верил в это, и все. Я не могу припомнить того дня, когда уверовал во Христа, наверное,

потому, что не могу вспомнить дня, когда бы я не верил в Него... — улыбнулся Майк.

— Но мне это трудно понять, — сказал я. — У меня все было иначе. Я был настолько погружен в омут греха, что Богу пришлось повозиться со мной.

— Да, наверное, так и есть, — сказал Майк. — Некоторые сравнивают обращение грешников на путь истинный с путешествием на поезде между двумя странами, — продолжал Майк. — Если не спать, то можно увидеть, как поезд пересекает границу, а если спать — сам понимаешь. Тебе это удалось, а если говорить обо мне, то я не могу припомнить, как я «сделался» христианином, вот и все.

— Но ты же не сомневаешься в своем обращении? — спросил я.

— Мне кажется, эта проблема — одна из самых сложных, какие мне приходилось решать за последние годы. Когда мне исполнилось тринадцать лет, я искренне верил, что Сам Бог побудил меня креститься, чтобы показать всем, что я признал Иисуса своим Спасителем. Таким образом, меня крестили. Уже потом, став старше, я стал подвергать сомнению «правильность» своего обращения к Богу. Я так и не вспомнил, когда именно покался, и не мог назвать определенную дату — в этом была суть моих сомнений, особенно тогда, когда я встречался с людьми, чей опыт богопознания походил на твой.

Я грустно улыбнулся:

— И что же?

— Так вот, мне кажется, что от подобных сомнений надо избавляться неустанно молясь. Кому будет плохо, если я покаюсь в своем грехе еще и еще раз? — рассмеялся Майк. — Кроме того, я думаю, что люди, не имеющие опыта познания Бога в жестокой земной действительности, подобного твоему, начинают искать доказательства Его бытия с научной, философской точки зрения. Я знал, что верю в Него, но всю сознательную жизнь ста-

рался доказать самому себе и ближним, «почему» я верю в Бога. Да, у меня именно такой, научный склад ума. Однако бытие или небытие Бога невозможно научно доказать. Нельзя экспериментальным путем подтвердить существование Бога. В конце концов, я пришел к такому выводу: в физическом мире мы имеем достаточно доказательств бытия Бога в духовной сфере.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ну, прежде всего, это само существование вселенной. Затем свидетельства других верующих. Нужно только свести все это воедино и просто сделать осознанный шаг веры.

Мы замолчали, сидя рядом в полумраке. Я пытался переварить сказанное Майком. Сила его свидетельства и в самом деле восхищала меня.

— Да, Бог никогда не открывался мне с такой стороны, как тебе, но Он все равно творил и творит в моей жизни великие и удивительные чудеса, — закончил Майк вполголоса. — Я точно знаю, что именно Он вел, направлял и благословлял меня на каждом отрезке моего пути!

— Аминь! — сказал я, улыбаясь: я нисколько не сомневался, что так оно и было.

Служение в церкви занимало большую часть моей жизни, но мне надо было добывать средства к существованию. В свободное от церковных дел время я не чурался никакой работы, лишь бы расплатиться по счетам да сэкономить немного. Найти приличное место было временами нелегко, но подолгу без дела я никогда не сидел. Одно время я подрабатывал официантом, затем занимался эстампами. В конце концов, я вернулся в охранные структуры. Сделать это было для меня нетрудно, но за этим шагом скрывалась опасность соскользнуть на путь прежней жизни. Быть простым охранником означало в какой-то мере зарывать свой талант в землю, да и жалованье мне определили мизерное,

но мне все равно нравилась эта работа, ведь она была относительно спокойной. По долгу службы я часто бывал в Кью-Гарденз* и других живописных местах в пригородах Лондона. Я не придавал особого значения тому, каким образом зарабатывать на хлеб насущный. Все равно движущей силой моей жизни был Иисус и потребность свидетельствовать о том, что Он даровал мне. Я неустанно молился о возможности рассказывать о своей вере людям. А возможностей было много, так что я не упускал ни одной.

Однако руководство фирмы, в которой я работал, очень быстро приняло во внимание мой прошлый опыт работы в охранных структурах. Меня повысили в должности, и затем я быстро продвинулся по служебной лестнице. Мне нравилось трудиться на совесть, как для Бога. На новом месте я имел четкие представления о том, что и как следует сделать, чтобы улучшить работу фирмы. Вскоре, даже не осознавая того, я взрастил в себе прежнее честолюбие. В течение двух лет наш бизнес успешно развивался, принося все большую и большую прибыль. Не успел я и глазом моргнуть, как стал коммерческим директором. Мне полагалась служебная машина и служебная жилплощадь в центре Лондоне. Я уж не говорю о том, что стал получать приличную зарплату. Я благодарил Бога за то, что казалось мне Его промыслом. К тому времени Сара уже закончила учебу и стала учительницей. Мы начали готовиться к свадьбе.

Уик-энды мы с Сарой часто проводили в доме ее родителей в Эссексе. Чтобы получить их благословение на наш брак, мне следовало во многом разубедить их. Сарины родители были любящими, открытыми людьми, но я прекрасно понимал, что едва ли мог быть для них желанным зятем. Не о таком супруге для своей дочери они мечтали. Все, что я мог сделать в той обстановке,

* Кью-Гарденз — большой ботанический сад в западной части Лондона; основан в 1759 г.

это молить Бога, чтобы Он открыл им «нового меня», того человека, каким Господь творил меня, день за днем очищая от скверны греха.

Но это было не очень простым занятием. Хотя я уже давно оставил кун-фу, оно по-прежнему оставалось частью меня. Как-то раз в один из уик-эндов я отдыхал в доме у родителей Сары. Я рассчитывал сесть на ранний поезд до Лондона в понедельник утром. Около пяти часов утра Дейвид, отец Сары, решил разбудить меня и предложить чашку горячего чая. Я спал без задних ног, наверное, даже храпел. Но в долю секунды во мне заиграли мои древние, закоренелые инстинкты: кто-то вошел ко мне в комнату. Я тотчас проснулся, вскочил и в качестве защиты принял боевую стойку лошади. Бедный Дейвид просто оторопел. Я успел остановиться как раз вовремя. Никакого удара, конечно, не последовало. Подпрыгнув от удивления, Дейвид все же удержал чашку с горячим напитком.

Уже потом Дейвид нередко посмеивался, вспоминая об этом инциденте, хотя для меня это было болезненным напоминанием о древнем «пути», который невозможно вычеркнуть из моего сознания. Боевое искусство кун-фу навсегда останется для меня «жалом в плоть». Я знаю такие анатомические точки на теле человека, воздействуя на которые можно убить человека в считанные секунды. Подобное знание весьма опасно. Это все равно что ходить постоянно с заряженным оружием. В первое время Сара нередко говорила мне, что чувствует себя в полной безопасности, когда мы выходим из дома вместе. Но разве эти слова от нее мне хотелось услышать!

С того невероятного дня, когда Бог явил Свою силу во время моей стычки с Алькапони, я стал отговаривать людей от изучения всех форм и разновидностей боевых искусств. На Западе их преподают главным образом для поддержания здоровья и самообороны, но в основе всех восточных единоборств лежит особое

духовное начало, которое, как я считаю, обманчиво и опасно. Путь кун-фу противоположен истинному пути Иисуса Христа и способствует рождению у человека ложной веры в свои силы. Боевые искусства апеллируют к глубинным страхам человека, к его страстям и самолюбию. Путь же Христов избавляет человека от рабства греха и ведет к новой жизни, к свободе и безопасности через Него, в Нем и с Ним.

Глава 14

Мы с Сарой поженились 22 июля 1995 года. В том же году, немного раньше, лучшая подруга Сары, Элен, вышла замуж за Майка. К сожалению, это означало, что мы с Майком должны были оставить церковь «Оак Рум». Сделать это сначала пришлось Майку, а через несколько месяцев после него и мне. Сара и Элен работали в Эссексе, там же, где жили их родители. Девушки были подругами с детства, обе — члены небольшой поместной церкви «Моркрофт Холл».

Вскоре мы быстро включились в жизнь церкви. С первых дней после покаяния я мечтал работать миссионером где-нибудь в Китае или, на худой конец, в какой-нибудь тюрьме строгого режима, для рецидивистов. Вместо этого я последовал за Сарой, отдавшей свое сердце детям. Ее отец на протяжении многих лет руководил организацией детских летних лагерей. Я стал помогать ему и, сам того не ожидая, нашел, что с удовольствием работаю с детьми. Мне нравилось играть с ними в разные игры. Наверное, потому, что всего этого мне так не хватало в детстве. Непременным пунктом программы летнего отдыха детей были водные баталии и всякого рода подвижные игры, а также спортивные состязания. По вечерам мы вместе рассказывали детям об Иисусе Христе. Это было очень просто. Детям было

интересно, и я сам убедился в том, с каким вниманием они слушают меня.

Церковь «Моркрофт Холл» не проводила евангелизационные мероприятия, да и молодежи в ней было негусто. Незадолго до описываемых событий мы с Сарой, Майком и Элен решили организовать молодежный клуб при церкви. В городе было полно подростков, от нечего делать просто шатающихся по улицам. Мы были легки на подъем. Я заводил с подростками знакомство и приглашал их в церковь, Майк благовествовал. По пятницам мы брали микроавтобус и объезжали весь Базилдон, подбирая детей и подростков, чтобы отвезти их в церковь. В то время многие из ребят уверовали во Христа. Например, Джейми. Это был щупленький, нервный, излишне подвижный мальчик. Ему исполнилось девять, но для своих лет он казался слишком маленьким. Несмотря на это, он уже не раз сбегал из дома, при этом каждый раз попадая в различные неприятности. Он не верил никому и, когда нервничал, начинал заикаться. Подробиностей его происхождения и воспитания мы не знали, но, как и у многих из ребят, с которыми мы работали, отца у него не было: о сыне, выбиваясь из сил, заботилась одинокая мать. Мы пытались по возможности установить связи со всеми родителями детей, причем я никогда не скрывал тот факт, что отсидел срок в тюрьме. Однако в той среде, где мы вращались, это не считалось большим позором. Многие из мужей или сожителей женщин — матерей наших подопечных — также сидели в тюрьмах, и матери были по большей части благодарны нам за помощь в предупреждении тлетворного влияния улицы на их детей.

Неделю за неделей Джейми посещал наш молодежный клуб. Вскоре он стал приходить с братом и сестрой — Джоном и Мэнди. Теперь я часто задаюсь вопросом, насколько хуже могла бы сложиться судьба Джейми, если бы в тот сложный период своей жизни он не имел поддержки, какую находил в нашем молодежном клубе.

Бекки Уотсон была красивой молодой девушкой, которую мы привозили каждую неделю из Биллеркея. Членов нашего клуба становилось все больше и больше, так что со временем мы стали выезжать за детьми и подростками на микроавтобусе с парой легковушек. Однажды вечером перед началом игры меня вдруг в ужасе осенило: я забыл заехать за Бекки.

Поручив вести игру своим помощникам, я бросился исправлять ошибку. Полагаясь на свои навыки экстремального вождения, я проделал двадцатиминутный путь за значительно более короткое время. Хорошо еще, что Бекки никуда не ушла. Она все еще ждала меня, хотя и замерзла. Девушка великодушно простила меня. Это было в ее характере. Уже в машине мы разговорились, и я спросил ее напрямик:

— И все-таки, Бекки, веруешь ли ты в Иисуса Христа?

Воцарилась напряженная тишина. Никто и никогда не спрашивал ее об этом в лоб. Она смотрела прямо перед собой, а я не отрывал глаз от дорожного полотна. Мы молчали, пока не въехали на церковную автостоянку. Когда я, отстегнув ремень безопасности, стал открывать дверцу автомобиля, Бекки неожиданно выпалила:

— Да!

— Да? — не понял я.

— Да, я верую в Иисуса, — сказала Бекки, глядя мне в глаза. На ее красивом лице появилась улыбка, глаза заблестели. Она снова повторила: — Да, Тони. Теперь я верую в Иисуса.

С тех пор Бекки все время неустанно свидетельствовала о Христе. При этом она всегда рассказывала, как пришла к Богу в один прекрасный вечер в моем автомобиле. А я только радовался, что у меня в тот момент нашлось мужество задать ей прямой вопрос. Бекки и сегодня по-прежнему благовествует, причем так естественно и просто, что до сих пор остается источником моего вдохновения.

Было много и других, которые также открывали свои сердца Иисусу и желали узнать о Нем больше. Мы стали приглашать эту молодежь к себе домой по вторникам для изучения Библии. Свободных комнат у нас не было, поэтому юноши и девушки собирались у нас в гостиной по десять-пятнадцать человек. В тесноте, да не в обиде. В общем, это было замечательное время.

Между тем мои дела в охранных структурах быстро шли в гору. Я всегда умел смотреть вперед и просчитывать свои действия на несколько шагов раньше соперников, что обеспечивало мой карьерный рост и солидные прибавки к зарплате. Сердце мое все еще жило заботой о мирских людях, которые не знали Иисуса, но теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что центр моей духовной жизни начал смещаться уже в ту пору. Мы с Сарой стали вводить себя в заблуждение, дескать, Бог дает нам много, чтобы мы могли еще больше жертвовать для Него. А на самом деле — ничего подобного, как раз наоборот. Я стал пропадать на работе, что отдаляло меня от Сары, от церкви и служения, на которое, я понимал это совершенно ясно, призывал меня Бог. Сам того не сознавая, я превращался в того, кого теперь называю «христианином, попавшим в ловушку самоуспокоения».

Всего лишь несколько лет назад я резко и неодобрительно высказывался о таких христианах, каким теперь стал сам. С момента прибытия в Англию я мечтал стать частью церкви. Будучи в тюрьме, я читал новозаветные истории о ранней Церкви и живо представлял себе нечто подобное в современных церквях. И Бог дал мне испытать эту радость. Несомненно, после духовного воскресения на Кипре, жизнь среди единоверцев воспринималась мною как награда. Но время шло, и многие церкви, которые я посещал, стали все больше и больше разочаровывать меня. Да, братья и сестры могли любить друг друга, приветствовать и проявлять благодушие, но в целом их всех интересовали больше свои дела и потребности. Они, разумеется, молились о

бедных, страждущих и нуждающихся, но только единицы имели желание благовествовать за стенами родной общины.

В Евангелии от Марка (16:15) Иисус говорит Своим последователям: «...идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари». Каким было повеление Иисуса в то время, таким же оно остается и в наши дни. Это повеление дано на все времена и касается всех христиан. Тем не менее, я видел, что это повеление христиане в большинстве своем не исполняют. На Кипре, только что спасенный и возрожденный всемогущим Богом, я не мог скрывать истину об Иисусе Христе. Это все равно, как если бы кто изобрел лекарство от рака и скрыл его. Таким же открытием для меня была Благая весть о Христе. Но как незначительно было то, что я увидел здесь! Вопрос спасения каждому следует решать прежде всех остальных, не колеблясь, без отлагательств. Вот о чем нам следовало говорить людям, но этого и в помине не было. И я не мог понять, почему вокруг так мало христиан, которые считают так же.

Прошло шесть или семь лет, и я сам попался в капкан сытой жизни. Я вступил в духовную пустыню, сам того не осознавая. Впереди нас с Сарой ожидали тяжелые времена.

К лету 1999 года Майк и Элен переехали ближе к Беркширу, где Майку предложили хорошую работу. Молодежная группа по-прежнему собиралась у нас, но мы с Сарой были страшно недовольны церковной жизнью. Сверстников в церкви «Моркрофт Холл» у нас не было, а нам хотелось более глубоких дружеских отношений. Разумеется, Бог понимал наше недовольство, мы были уверены в этом. И вот, когда мне предложили работу в Фелтаме, мы поблагодарили Его за ответ на наши молитвы. Мои доходы неуклонно росли, и через некоторое время мы смогли приобрести приличный дом в лучшем районе.

Какими же глупыми мы были! Оглядываясь назад, я теперь ясно вижу, что Божье попечение заключалось не в большей зарплате и не в лучшем жилище. Все эти необходимые вещи были не более чем ловушка сытой жизни. По Божьей воле мы уже нашли свое служение в Эссексе. Дети нуждались в нас, а мы оставили их на произвол судьбы. Да, мы распределили работу с детьми между членами поместной церкви и убедились, что о детях позаботятся, но сами пошли своим собственным путем, не Божьим. Ах, если бы мы понимали это в то время!

За пару недель до переезда меня уволили по сокращению штатов. «Что это? Божий замысел?» — задавался я вопросом. Однако у меня было вполне приличное резюме, и я знал, что вскоре снова все будет в порядке. И действительно, через несколько недель я устроился коммерческим директором в одну компанию, занимающуюся обеспечением безопасности, и не где-нибудь, а в центре Лондона. Вскоре после этого Сара обрадовала меня известием, что у нас наконец-то будет ребенок. Жизнь казалась прекрасной. Мы были убеждены, что мы на правильном пути, попали туда, куда надо, и это место достойно нашего внимания.

В местной общине евангельских христиан мне предложили должность пастора по работе с молодежью, и я начал формировать группу из подростков. За это служение пришлось немало побороться. Были очень неприятные стычки с некоторыми верующими.

— Мне кажется, они прежде всего озабочены тем, что дети могут протереть их ковры до дыр, — саркастически заметил я в разговоре с Сарой.

Я поклялся себе, что не уступлю им. Я пристыжу их делами, просто покажу, что должно и можно делать в церкви. Пролетело несколько коротких месяцев, и при церкви был организован процветающий молодежный клуб.

И в самом деле, увлеченные клубной деятельностью подростки приходили в церковь, причем не одни, а со

своими друзьями. Этого в церкви, естественно, не могли не заметить. И все же желания благовествовать у прихожан ничуть не прибавилось. Не обращая на это внимания, я продолжал свое дело и действовал решительно. Благовестие было повелением Иисуса, и я буду нести Благоую весть, один или с кем-либо — это уже другой вопрос. Теперь я понимаю, что прежде чем учить других, мне нужно было научиться самому, а не полагаться только на свои добрые намерения. Я не видел тогда, что Бог уже не благословлял мой труд.

Однажды в понедельник вечером, в начале марта 2000 года к нам явился один парнишка из молодежной группы. Мы переговорили с ним, помолились о его школьных проблемах, а потом, когда стемнело, я отвез его домой. На обратном пути я заехал в китайский ресторанчик, чтобы заказать еду на дом. День был тяжелый, я устал.

Шел небольшой морозящий дождь, капли легко стучали по ветровому стеклу. Сумерки сгущались, и я вел машину предельно осторожно. За прошлые месяцы у меня было несколько незначительных дорожных происшествий. Я проводил за рулем много времени, ездил на работу и с работы, а по вечерам развозил детей. Хроническая усталость начала уже одолевать меня.

Я вел машину по неосвещенной проселочной дороге. В этих местах всегда было много оленей. «Поглядывая на спидометр», — напоминал я себе. Не хватало еще столкновения с оленем!

И все же в какой-то миг я не заметил предупреждающего знака остановки. И прежде, чем я сообразил, я оказался на перекрестке. Когда передо мной угрожающе загорелся красный свет, я резко нажал на тормоз. Колеса перестали вращаться, и автомобиль понесло юзом. К счастью, на главной дороге было пустынно. Ни света фар, ни сигнальных огней каких-либо транспортных средств. Автомобиль занесло на встречную полосу. Но что это? Пока я тормозил, мне

показалось, что впереди, справа от автомобиля, что-то метнулось в сторону. При этом я ощутил удар, правда, совсем слабый, но этого было достаточно, чтобы перепугать меня. Наверное, какое-нибудь животное. Я вышел посмотреть. Передняя фара была разбита, больше ничего. Я осмотрел дорогу. Она была пуста. Возможно, это был олененок или лисица. Кто бы это ни был, он, по всей видимости, скрылся в подлеске.

Вернувшись в автомобиль, я подал на несколько метров назад, к перекрестку. Там я тоже ничего не увидел, но какое-то чрезвычайно тревожное чувство не оставляло меня. Некоторое время я просто сидел, вцепившись в баранку. У обочины дороги недалеко от перекрестка остановились две другие машины. Никто из них не вышел. «Может быть, они остановились из-за того же зверя», — подумалось мне. Я не знал, что делать. Пища в судке остывала. Я сердился на себя за очередную невнимательность на дороге. Разбираться с ними не хотелось. Особенно из-за раненого зверя. Я нажал на газ и отправился домой другим маршрутом. Больше об этом инциденте я не вспоминал.

В следующую субботу к нам приехали подростки из молодежной группы. Планировался очередной библейский урок и ланч. Ребята один за другим проходили в гостиную.

— Эй, Тони, а что у тебя с машиной? Бандитская пуля? — беззлобно шутя, спросил Том и плюхнулся в кресло. Том был страстным радиолюбителем и интересовался криминалистикой. Он постоянно прослушивал все полицейские новости и прочитывал все газетные сообщения о работе местных детективов. — Ты знаешь, полиция разыскивает автомобиль наподобие твоего, — заметил он с кривой усмешкой.

— Что ты говоришь? — неожиданно заинтересовавшись, спросил я.

— В понедельник вечером попала под машину одна женщина. — Том говорил, а у меня холодела спина.

— И где же это случилось? — спросил я как можно более непринужденно.

— На Брэкнелл-роуд. Женщина была на мотоцикле. Водитель даже не остановился.

Мне стало дурно.

— Хорошо, расскажешь потом, как идет следствие, — пошутил я, хотя внутри у меня все похолодело. Я едва дождался, когда наконец все ребята разойдутся по домам.

— Что с тобой? — спросила Сара взволнованно, когда мы проводили последнего гостя. — Не думала, что ты закончишь урок так быстро.

Я уселся на диван, обхватив голову руками. Тут Сара разволновалась уже не на шутку.

— Эй, дружок, что такое? Ты не заболел, случайно? — воскликнула она.

— Мне надо кое в чем признаться тебе, — ответил я со слезами на глазах и дрожая как осиновый лист. Я рассказал Саре о дорожном происшествии, когда, как мне показалось, я столкнулся с каким-то животным, и о том, что говорил Том о погибшей женщине.

— А почему ты думаешь, что речь идет об одном и том же случае? — спросила Сара, изо всех сил пытаясь взять себя в руки.

— Иначе и быть не может. То же самое время, то же самое место. Кто еще, кроме меня, мог там быть?

— Почему ты не рассказал мне об этом?

— Я не думал, что произошло что-то серьезное.

— Но ты ведь мог не почувствовать, что машина ударилась обо что-то, правда?

— Что-то такое было. Я подумал про животное. Сама посмотри, только передняя фара разбилась.

— Что же теперь будет? — спросила Сара, задыхаясь. Теперь и ее охватила паника.

Я стал расхаживать по комнате, пытаясь успокоиться и пораскинуть мозгами.

— Лучше ничего не делать, пока не узнаем всего наверняка... — сказал я.

Сара покопалась в груде непрочитанных газет. Увидев статью о трагедии на Брэкнелл-роуд, она зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

— Нет! — вырвал я газету.

Там черным по белому было расписано все происшествие. В понедельник вечером, примерно в половине десятого, на Брэкнелл-роуд неизвестной автомашиной был сбит пересекавший перекресток мотоцикл. Женщина, сидевшая за рулем мотоцикла, была отброшена в кустарник, где позже скончалась. Она была руководителем местного отряда бойскаутов и матерью двоих детей. В тот злополучный вечер она возвращалась домой после собрания. Далее в газете сообщалось, что водитель неопознанного автомобиля скрылся с места преступления, и теперь детективы надеются отыскать преступника.

Меня неудержимо затрясло. Сара рыдала, держась за живот, как бы защищая наше дитя.

— Если я задавил эту женщину, то меня посадят... — сказал я.

— Но это только несчастный случай, нелепая случайность! — воскликнула Сара.

— Погибла женщина! — в отчаянии крикнул я. — Случайность или не случайность, меня все равно посадят.

— А как же ребенок? — всхлипнула Сара. — Что же нам делать?

Мы проговорили до ночи, рассуждая о том, что вряд ли Бог хочет отправить меня снова в тюрьму. Ясное дело, Он избавит нас от этого! Мы много молились вместе. «Господь Иисус! Спаси и сохрани нас». Мы просили Бога, но просьбы наши были жалкими. Мы просили, чтобы Он исполнил нашу волю, а не Свою. Мы были неправы, и небеса молчали.

Мы решили ничего не предпринимать.

Несколько дней спустя мы оставили автомобиль в автосервисе. Механика я обманул, дескать, машину нам повредили на автостоянке. В автосервисе на время

ремонта нам дали другую машину. Я подвез Сару к школе, где она работала. Уже отъезжая, я увидел в зеркале заднего вида, как какой-то полицейский на велосипеде остановился и заговорил с ней. Пришлось вернуться. Я не на шутку встревожился и, кажется, больше, чем Сара. Она знала этого полисмена. Его сынишка учился у нее в классе.

— Что случилось с вашей машиной? — спрашивал он Сару, когда я подошел к ним.

Сара посмотрела на меня с тревогой.

— Я оставил ее в автосервисе, — ответил я.

— Прекрасно, — улыбнулся полицейский. — Сейчас у нас в розыске именно такая, как ваша. В районе зарегистрировано около пятисот таких машин. Одна из них побывала в ДТП со смертельным исходом.

«Лишь бы Сара сдержалась», — подумал я, сильно расстроившись. К счастью, полисмен вскоре отправился по своим делам.

После этой встречи я немедленно вернулся домой и стал копаться в телефонном справочнике. Я понимал, что попал в большую беду. Мы нуждались в адвокате.

На следующий день ни свет ни заря к нам громко постучались. Я спрыгнул с постели и бросился вниз. Когда я отворил дверь, в прихожую ввалилось с полдюжины полицейских с собаками. Испуганная Сара, бледнее смерти, показалась на лестнице. Полицейские предъявили нам ордер на арест, а потом приступили к обыску в доме. Рылись в наших мусорных ведрах и отключили компьютер, чтобы увезти с собой.

Сара молчала. Шторы на окнах у соседей подергивались, пока полицейские впихивали нас с Сарой в разные машины. Меня мутило. Ах, что же я натворил! Заварить такую кашу! Как ее теперь расхлебывать? Что будет с Сарой? Как она перенесет все это? В полицейском участке нас держали отдельно и на допрос повели в разные комнаты. Нам хотелось сообщить поскорее все как есть. Больше никакой лжи! Мы оба отчаянно пытались

выложить как на духу все детали этого ужасного происшествия. Но сам по себе допрос меня мало волновал. Мне хотелось умереть. Я думал только о женщине, которую убил. Как благовестник, я был призван вести людей к Иисусу, чтобы Он даровал им новую жизнь. И что же? Я докатился до того, что послужил причиной смерти неизвестной мне невинной женщины. Как и я, она ехала домой после работы с молодежью. Дома у нее было двое ребят. А если она не была христианкой? Это значит, что я лишил ее возможности обрести вечную жизнь! Я умолял Бога отдать ей мое место на небесах, а меня послать в глубину преисподней. Я бы отдал свою жизнь, если бы это могло воскресить ее. «Обрати на меня взор Свой, Господи, и повергни меня в ад!» — молил я Бога.

В полиции нам сочувствовали. Там постарались правильно оценить ситуацию. Судебное расследование показало, что я не превысил скорость, просто шел дождь, и дорога была скользкой, да к тому же мотоцикл погибшей не был снабжен сигнальными огнями. Однако это отнюдь не согревало меня. Как бы там ни было, я лишил человека жизни и стал причиной трагедии в семье.

— Все это не имеет никакого отношения к моей жене, — умолял я полицейских, — прошу вас, отпустите ее.

Я понимал, что Саре чрезвычайно трудно находиться в этой обстановке. Ее арестовали потому, что наш автомобиль был зарегистрирован на ее имя. Ее арест, по мнению полицейских, был средством давления на меня, чтобы поскорее вырвать из меня полное признание.

— Послушайте, это просто несчастный случай, — сказал мне сержант, но это заявление меня отнюдь не успокоило. — Все свидетельства говорят в вашу пользу. Служба уголовного преследования проявит снисходительность.

В отчаянии я потряс головой. Мне было наплевать на это. Я должен быть наказан.

— Если бы эта женщина не погибла, не было бы никакого основания для судебного расследования, — продолжал сержант. — Самое страшное, что вам угрожает, это лишение водительских прав.

Последующие за этим недели и месяцы сами по себе были адским испытанием. Говорить с людьми о том, что случилось, было далеко не просто. Каждый раз, упоминая об этой истории, мы с острой болью переживали случившееся. Даже наши самые близкие друзья знали только часть из того, что произошло. Сильный удар мы получили от церкви. Мы вели себя предельно честно с членами общины, но в тот момент, когда мы отчаянно нуждались в их любви и поддержке, случилось так, что к нам повернулись спиной. Обязанности пастора по работе с молодежью с меня сняли и возложили на другого брата. Для меня это было как нож в спину. Я пытался понять мотивы такого решения братского совета. Это стоило мне мучительной борьбы с самим собой.

Ситуация с каждым днем осложнялась. В разгар всех этих событий, 11 июня 2000 года, Сара родила сына, которого мы назвали Этаном. Самый радостный день в моей жизни был омрачен чрезвычайно печальными обстоятельствами. А что, если все кончится моим осуждением и тюрьмой? Как Сара одна будет справляться с ребенком? Чем я мог помочь моим самым близким людям?

Целых полгода длились наши бессмысленные переживания и сомнения, и, наконец, мы решили уехать из Лондона. Мы нашли себе жилье в Дидкоте, но и там прожили недолго. С новорожденным Саре хотелось быть поближе к родителям. Мы вернулись в Эссекс, где я взял на себя обязанности духовного наставника молодежи в одном из приютов для беспризорных в Саутэнде. Директор

приюта, Рон Райт, был предельно честен со мной. Он знал, что я нахожусь под следствием, но Господь открыл ему мое сердце, исполненное желания благовествовать и служить молодежи. По всей видимости, Рон догадывался, что я, пройдя суровую школу жизни, сумею построить добрые отношения с беспризорниками, за которых он отвечал перед Богом.

Между тем Бог поставил нас с Сарой на колени. Так начался долгий, болезненный процесс возрастания во Христе и укрепления наших отношений с Ним и друг с другом. У Сары появилось свое видение событий того времени. Мне же Бог преподавал бесконечные уроки сокрушения, смирения и милости. Я понял, что многие годы рвался вперед, влекомый огромным желанием благовествовать, и руководствовался своими собственными планами. Я не давал места Богу, мешал Ему использовать меня так, как Ему было нужно. Я был слишком самоуверен и с легкостью осуждал других, кто, как я думал, не оправдал доверие Бога. Только теперь я начал понимать, на каком скользком пути я оказался. Впервые за всю историю наших отношений с Сарой мы стали от всей души молиться вместе. Темы и содержание наших молитв переменялись. Это были уже не эгоистичные просьбы, которые Бог должен был исполнять в угоду нам. Теперь мы полностью предалились в Его руки и просили, чтобы Он даровал нам милость понять и принять Его замыслы и цели. Несмотря на долгие годы Сариною хождения пред Богом, несмотря на мой поразительный опыт познания Его в тюрьме на Кипре, мы оба находили себя на самой нижней ступеньке наших отношений с Богом.

Каждый месяц проходили судебные слушания по нашему делу. И всякий раз при этом открывались новые обстоятельства. Мы регулярно встречались с нашими адвокатами. Сара находила подобные встречи невыносимыми. Продажность всей системы правосудия меня

не удивляла, но ее просто ужасала. Свидетели по нашему делу явно лгали, а адвокаты наставляли нас говорить то, что не имело никакого отношения к правде. И все это делалось под предлогом необходимости выиграть наше дело. Все, от адвоката до прокурора, вступали в переговоры и сделки.

— Но почему нельзя сказать все как есть? — спрашивала Сара у своего адвоката. Тот лишь посмеивался над ее наивностью. — Мы топчемся на месте, добавляя грех ко греху, — сказала она в отчаянии, глядя на меня.

А я и сам не знал, что делать. Я тихо ненавидел эту систему не меньше Сары.

— Поясните-ка мне еще раз, — обратился я к своему адвокату, — в чем конкретно меня обвиняют.

— Официальное обвинение звучит так: неосторожное управление транспортным средством со смертельным исходом и действия с целью исказить ход правосудия, — ответил тот мне. — Последнее связано с тем, что вы лгали тому полицейскому на велосипеде, — добавил он. — К тому же прокурор может обвинить вас в том, что вы не остались на месте происшествия и не сообщили о несчастном случае, хотя два последних обвинения недостаточно обоснованы.

Я крепко стиснул пальцы от отчаяния.

— Но это нормальное обвинение, Тони, во всяком случае, лучшее из всего, на что можно надеяться, — сказал адвокат. — Оно исключает приговор к тюремному заключению на длительный срок. По крайней мере, вас не приговорят к смерти.

— А что будет с Сарой? — спросил я, холодея внутри.

Оба адвоката стали совещаться, а потом, обращаясь ко мне, заговорил Сарин адвокат:

— Если вы признаетесь в том, что сознательно вводили следствие в заблуждение, она будет освобождена от ответственности. И я уверен, что ее оправдают.

— Так она и в самом деле не лгала никому, — сказал я в отчаянии. — Это я обманывал. Сара не проронила ни слова, — добавил я, сознавая всю нелепость моих увещаний.

Адвокаты стали рыться в своих бумагах.

— А вот полисмен, по всей видимости, утверждает обратное, — сказал один из них. — Он свидетельствует, что именно Сара ввела его в заблуждение, когда он осведомился у нее о том, где находился в тот день ее автомобиль.

При этих словах Сара прикусила нижнюю губу. Адвокат погладил ее по руке.

— Не тревожьтесь, Сара, я не думаю, что об этом заявят на судебном заседании. Совесть у вас чиста, так что никаких проблем не предвидится.

Мы молча посидели минуту.

— Тони, есть кое-что еще... — вдруг вполголоса добавил другой адвокат. — Этого можно не принимать во внимание, но на всякий пожарный вы должны знать.

Я уже знал, что он скажет дальше. Этот инцидент произошел несколько недель назад. Я еще не пришел в себя от потрясения и стыда.

Один из высокопоставленных клиентов нашей компании попросил меня организовать для него деловое свидание в одном греческом ресторане в Лондоне. Когда я позвонил туда, чтобы договориться о брони, мне пришлось вступить в переговоры с каким-то грубым, заносчивым человеком.

— Мне хотелось бы зарезервировать стол на завтрашний вечер, на шесть мест, — сказал я. — Это возможно?

— Разумеется, возможно, — был ответ, — к вашему сведению, у нас тут ресторан!

Весьма озадаченный такой реакцией, я продолжал.

— Мне поручено обеспечить охрану очень важной персоны, — сказал я. — Не могли бы вы зарезервировать мне лучший стол?

— У нас все столы лучшие, — бросил грубиян на другом конце провода и еле слышно добавил себе под нос: — Malagas!*

— Что ты сказал?

— Я сказал, что у нас все столы лучшие.

— Я слышал, что ты сказал. Ты, драный Malagas, я знаю греческий и знаю, как ты только что обозвал меня.

— Ах ты урод! Достал меня своими идиотскими вопросами, да пошел ты знаешь куда! — сказал он сгоряча.

Мое недоумение сменил гнев. Он долго копился во мне и теперь, как джинн, вырвался наружу. Из меня полился бурный поток отборной греческой брани. У меня словно крыша поехала. Словно и не было многих лет свободы во Христе, я снова сделался прежним Тони. Я обзывал его самыми грязными и постыдными словами. Все напряжение, копившееся с момента того трагического дорожного происшествия, нашло выход в моей гневной реакции. В конце концов я швырнул телефонную трубку на аппарат. И тотчас раздался звонок. Я снова набросился на того грубияна. А это был именно он. И снова полились потоком бранные слова, оскорбления, угрозы. Тот, на другом конце провода, бросил трубку. На этот раз я сам перезвонил ему, разрываясь от бушующей во мне ярости. Он тут же разъединился. Следующий звонок был уже из полиции. Грубиян донес на меня.

Мой адвокат вручил мне какой-то документ.

— Тони, на вас поступило заявление следующего содержания...

Мне было ужасно больно и стыдно, и я мельком взглянул на Сару.

— Я понимаю, что с вашей точки зрения все это чушь, но обвинение подобного свойства в значительной мере усугубляет основное, связанное с ДТП.

* Malagas (греч.) — козел; голубой.

Я резко вскочил со стула. Все пошло вкривь и вкось. Но я по-прежнему думал только о бедной женщине, которую угробил, и о детях, которых оставил сиротами.

Суд состоялся в первых числах июня 2001 года. Перед началом судебного заседания мы вкратце посовещались с нашими адвокатами. Они оба держались уверенно, но сам я чувствовал себя больным и был раздражен.

— Не волнуйтесь попусту, — заметил мой адвокат. — Все будет хорошо. Я обещаю вам, что вы отделаетесь лишением водительских прав и кое-каким общественно-полезным трудом или вообще условным сроком.

Мы с Сарой слушали представление нашего дела со скамьи подсудимых. Примерно через час судья стал подводить итоги, но прежде, совместно с адвокатами, обсудил кучу разных второстепенных подробностей. Я стал беспокоиться. Что происходит? В конце концов судья объявил, что судебное заседание с вынесением приговора по моему делу переносится в связи с необходимостью дальнейшего расследования. Я взглянул на Сару. Она была так же поражена, как и я. Слегка улыbnувшись, она пожала мне руку. Лицо у нее было бледным и измученным. Какие я причинил ей страдания! Сможет ли она простить меня за то, что я обрек ее на подобные муки?

— Сара Энтони, встаньте, пожалуйста, — сказал судья.

Сара встала, и я заметил, как дрожали у нее колени. Я затаил дыхание. Судья заговорил о том, что она признана виновной в недонесении полиции о ДТП сразу же, как только узнала о нем. Сара молча кивала. Она стояла, стройная и сильная, но я видел, как побледнели ее пальцы, как судорожно вцепилась она в барьер, отгораживающий скамью подсудимых. Я почувствовал ужасную слабость.

— Вы приговорены к ста двадцати часам общественно-полезных работ, — закончил судья. — Пожалуйста, садитесь.

Сара со слезами на глазах села, откинувшись на спинку стула. Самообладание не оставило ее, между тем как я в сердце своем боролся с гневом и замешательством. Я с укором посмотрел на ее адвоката. Тот покачал головой, мол, сам не понимаю, как это вышло.

Повторное судебное заседание по нашему делу проходило 29 июня. Так как Сара уже выслушала свой приговор на прошлом заседании, она должна была стоять за матовым стеклом в специально отведенном для публики месте. На скамье подсудимых я был один. Взглянув в сторону стеклянной перегородки, я не увидел Сару, но знание о том, что она там, поддерживало меня. Внезапно из-за перегородки показалось чье-то лицо. Всмотревшись, я узнал его. Я видел его прежде. Человек этот присутствовал на каждом слушании. Это был парень лет восемнадцати, с коротко подстриженными темными волосами и запавшими глазами. Он впивался в меня взглядом. Я отвел глаза в сторону и почувствовал ком в горле. Наверное, это был сын погибшей женщины. Неужели это его я сделал сиротой? Лицо исчезло за стеклом. Потом появилось другое лицо. Это была девочка. Я уже не мог смотреть в ее сторону. Меня буквально выворачивало наизнанку. Если верить моему адвокату, я выйду отсюда оправданным. Но я никогда не смогу успокоиться и избавиться от чувства вины. Я никогда не забуду лицо того парня.

Заседание началось, и адвокаты, казалось, толкли воду в ступе. Все, что говорилось, суд уже слышал. Выступление моего защитника раздражало меня. Он просто выполнял свою работу, но я ненавидел его за то, какой невинной, затравленной овечкой он выставил меня перед судом. Я все время думал о детях за матовым стеклом. Никто не в силах понять всю тяжесть моей

вины и сердечных терзаний. Затем выступил прокурор. На этот раз он зачитал информацию, полученную из Интерпола*, и огласил тот факт, что я в прошлом отбывал срок в тюрьме на Кипре. Это вызвало немедленный протест со стороны моего адвоката.

— Это не имеет никакого отношения к настоящему делу, Ваша честь,— вставил он.

Его протест был отклонен судьей, и ему пришлось сесть.

Слушание продолжалось. Я почти не слышал, что говорили. Все происходящее казалось мне нереальным. Я был виновен перед Богом и хотел умереть. Когда, наконец, приступили к чтению приговора, в зале судебных заседаний стало тихо, слышались чьи-то редкие всхлипывания.

Мне присудили пятнадцать месяцев тюремного заключения.

* Интерпол — международная организация уголовной полиции, созданная в 1923 г.

Глава 15

Черный полицейский автофургон катил по просторам Оксфордшира. На руках у меня были наручники, так что в тесном, отгороженном железной решеткой отсеке мне пришлось сидеть, обняв руками колени. Стыд и угрызения совести захлестнули меня. Кем я стал? Что подумал бы Майкл Райт, если бы увидел меня сейчас?

В голове навязчиво звучали слова одной песни. Это был гимн *«Что вину мне может смыть?»*. Я задумался над глубинным смыслом одной из строчек этого гимна: «От греха искупит дух — о, ничто, лишь кровь Иисуса». Мне припомнились времена, когда я пел этот гимн с благодарностью в сердце. Каждая его строчка звучала для меня:

Что вину мне может смыть?

О, ничто, лишь кровь Иисуса.

Вновь что может исцелить?

О, ничто, лишь кровь Иисуса.

Как дорога струя, омывшая меня!

Она сильнее морей. О, ничто, лишь Кровь Иисуса!

Истинность слов этого гимна трогала до глубины души. Слезы катились по моим щекам. Я пересмотрел все годы сознательной жизни. Я был грешник, которого

спас и сохранил Бог. Хотя я был недостоин этого. Теперь выходило так, что я утратил все. Я уже не мог рассказывать, что сделал со мной Бог, я не находил слов для свидетельства об Иисусе Христе. Мог ли я теперь ожидать, что вновь смогу стать орудием Божьим? Я решил больше не говорить о Нем. Сам я никогда не разочаруюсь в Боге. Для меня Он был и остается неопровержимой реальностью. Но произносить имя Иисуса Христа я уже недостоин.

Подняв голову, я увидел другого осужденного. Нас, заключенных, в автофургоне было только двое — я и он. Это был бритоголовый парень с большим кольцом в брови. Он улыбнулся мне. Улыбка эта как бы говорила, не волнуйся, дружище, ты преодолешь все. Он ничего не понимал. Не тюрьма беспокоила меня. Я выживу в любой тюрьме. После Никосии пенитенциарное заведение в Баллингдоне показалось мне просто курортом. Но у меня была своя тюрьма. За решеткой оказалась моя совесть, угнетенная стыдом и виной. Так худо мне не было еще никогда.

Тюрьма в Баллингдоне должна была стать моим домом на ближайшие восемь месяцев. Все необходимые формальности при поступлении я проделал очень спокойно. Личный досмотр, фотоснимки, отпечатки пальцев. Все это было до боли знакомо. Здесь, в Баллингдоне, было светло и ничем не воняло, не сравнить с казематами Никосии.

Я попал в камеру к двум заключенным. Пока тюремщики вводили меня в курс дела, старожилы камеры тут же стали предъявлять им свои жалобы и требования.

— Это не камера, а помойная яма, — стал ругаться один. — Когда же, наконец, нам поставят телевизор? Обещали полмесяца назад!

Оба вызвали у меня одно лишь отвращение. Они думают, наверное, что они на отдыхе? Да это вовсе не тюрьма! По сравнению с Никосией это просто детский сад. Проходя по блоку, я видел зэков, играющих в бильярд и

настольный теннис. Здесь были компьютеры, телевизоры и, так сказать, все удобства. Я забрался на свою койку. Она была не слишком широкой, но здесь, по крайней мере, были матрац и одеяло, причем безукоризненной чистоты.

Я не осмеливался думать о Саре и Этане. Теперь Сара, должно быть, ненавидит меня. Да я и сам возненавидел себя за то, что сделал с нею. Ну, какой теперь из меня муж! И каким отцом я буду после этого! Вероятно, для моего сына это будет пятно на всю жизнь.

Сара писала мне почти каждый день. Передала мою Библию и несколько других книг. Она ободряла меня в письмах, но мне не хотелось встречаться с нею, для ее же блага. Сара по приговору начала работать в местном благотворительном магазине*. Трудно ей, конечно, приходилось одной с ребенком, однако она никогда не жаловалась. Вместе с Этаном она пока жила у родителей, но подыскивала недорогую квартиру. Это было не так-то просто. Поскольку я сидел в тюрьме, государство платило ей, как одинокой матери, хорошее пособие, но все же ближайшие квартиры в округе были ей не по карману. Я припомнил несколько семей, с которыми мы работали в первые годы в Эссексе, и побоялся, что ей светит нечто подобное: комната на двоих в каком-нибудь захолустье.

Недели шли за неделями, но я, погруженный в свои мысли, и недумал благовествовать. Мое «примерное поведение» было премировано камерой-одиночкой. Теперь я наслаждался относительным покоем. Относительным потому, что в Баллингдоне никогда не бывало тихо. Но ужаснее всего были дни, когда осужденных нетрадиционной сексуальной ориентации выпускали в главный блок. Это происходило два раза в неделю.

* Магазин, торгующий подержанными вещами и отдающий выручку на благотворительные цели.

Других осужденных запирали на ключ. Зэков-нетрадиционалов в тюрьме ненавидели все. Это были педофилы и растлители малолетних. Запертым зэкам все это, разумеется, было не по нутру. От производимого ими шума мои уши просто глохли. Зэки стучали по дверям своих камер, пронзительно орали, разбивали все, что могли, стремясь произвести больше шума и показать тем самым свое отвращение и ненависть к извращенцам.

— Эх, дали бы мне сейчас возможность встретиться один на один с кем-нибудь из этих уродов! — вспыхнул Ленни, ударив кулаком в собственную ладонь.

— В прошлом так же говорили обо мне, — сказал я.

— О нет, ты совсем не такой, как эти злобные недоумки, — сказал Ленни, со злостью размахивая в воздухе кулаками.

— Похожий.

В общем-то, я был согласен с Ленни. Когда я думал об этих людях и о своем сынишке, меня мороз по коже пробирал. Ненависть к таким людям мне была понятна. Хотя, с другой стороны, намного ли лучше этих извращенцев был я и другие зэки?

Трудно было согласиться с подобным взглядом, но я знал библейское учение о грехе — «...все согрешили и лишены славы Божией». И тут мне вспомнились слова Майкла Райта, сравнившего грех с каплей чернил на белоснежной сорочке. Когда капелька чернил — малейшая, самая безобидная ложь — оставит крошечное пятнышко на сорочке, сорочка уже не считается чистой. Она грязная. Бросишь такую сорочку в воду, и чернила растекутся на ней грязным пятном. Я подумал о своей душе. Ведь на ней теперь были огромные черные пятна!

Глядя сквозь решетку камеры, я мысленно возвращался к тому времени, когда сидел в тюрьме на Кипре, а также к некоторым наставлениям Майкла. «Миру никогда не справиться с грехом», — вспомнил я одно из его выражений. Он махнул тогда рукой на зэков в комнате для свиданий.

— Мы стараемся определить степень и меру греха и запираем на ключ тех, кого считаем хуже себя. — При этом Майкл подался вперед и заговорил уже не так громко. — Общество скрывает свое уродство в учреждениях подобного типа, чтобы самому себе казаться более праведным, Тони, — наставлял он меня, — но Бог не видит никакой разницы между одними и другими грешниками.

— Я не сомневаюсь, что власти и окружающий мир смотрят на нас как на кучу дерьма, — поддакнул я ему. — Между тем мы все грешники, и один хуже другого.

— Да, Тони. Именно такими мы и предстаем перед Богом. Любой из нас, без разницы — преступник он или нет, глубоко порочен в очах Бога и потому отделен от Него.

— Но ведь потом пришел Иисус?

— Ты понял главное, — улыбнулся Майкл. — Когда Христос умер на Голгофе, Он взял на Себя грех всего мира, поднял всю тяжесть греха — прошлого, настоящего и будущего. Только благодаря этому подвигу Иисуса мы и можем рассчитывать на прощение. Нам не надо расплачиваться за свои грехи или отбывать срок, который мы заслужили. Иисус расплатился за все.

Я улыбнулся, вспомнив, как оживленно и взволнованно Майкл говорил об этом со своим ирландским акцентом.

— Именно поэтому сегодня ты такой же свободный человек, как и я, Тони, — с улыбкой сказал он. Он знал, что я хорошо понимаю его.

Тогда, казалось, все было наполнено великим смыслом. Как ни странно, но быть христианином в тюрьме на Кипре было легче, чем потом на свободе. Все, чего мне хотелось тогда, это говорить ближним о Христе. И когда же все изменилось?

Однажды, когда я в своей камере читал Библию, ко мне влетел Даррен Браун. Это был как раз тот парень,

вместе с которым меня доставили в Баллингдон. Я тут же спрятал Библию под подушку.

— А что это ты читаешь? — спросил он.

— Да ничего особенного, — ответил я неохотно.

Мне не хотелось говорить. Даррен плюхнулся на мою койку и устроился поудобней.

— Что значит «ничего особенного»? — спросил он. — Порнография что ли? Или что-нибудь в этом роде?

Вот это меня уже рассердило.

— На самом деле это Библия, я просто читаю Библию, — сказал я довольно грубо.

— Би-и-и-блию? — протянул Даррен. — Ты что, религиозный, один из этих... христиан или как их там?

— Нет, я уже не христианин, к твоему сведению... Я нахожусь в тюрьме.

— Брось, братан, все совершают ошибки.

— Но мне-то следовало помнить об этом всегда.

— Ну и что ты вычитал из своей Библии? Хотя интересное что-то? — Даррен штурмовал меня своими вопросами.

Я рассердился еще больше. Почему бы ему не оставить меня в покое?

— Тебе-то какое дело? — парировал я. — Не хочу трепаться с тобой об этом, понял?

— Ну и ладно. Не кипятись. Я просто спросил и ничего больше... — сказал он, поднимая руки вверх.

Тут до меня дошло, что я зря набросился на парня.

— О'кей, — сказал я неохотно, — я только что прочел свое любимое место из Евангелия от Иоанна, глава восьмая, стих тридцать шестой, об Иисусе, Который сделал меня свободным.

Мой тон все еще был недовольным, и Даррен все прекрасно понял. Он встал с койки.

— Приходи поиграть в настольный теннис, когда успокоишься. А, братан?

Он вышел, а я в отчаянии крепко сжал кулаки. Мое вероисповедание... Говорить о нем не хотелось ни с кем.

Три дня спустя Даррен снова пришел ко мне в гости. Теперь, улыбаясь до ушей, он присел на край моей койки в ногах.

— Никогда не угадаешь, братан!

— Ты о чем это? — рассмеялся я. Его хитрая улыбка интриговала.

— У меня были большие неприятности, причем сразу же после того, как я ушел от тебя в прошлый раз.

— А что случилось?

— А то, что я сразу пошел в часовню за Библией. Ты не хотел рассказывать, что ты там читал в Библии, вот мне и захотелось прочесть самому, — сказал он.

Я внимательно смотрел на него, потирая подбородок. Интересно, что он дальше скажет? Даррен продолжал:

— Я попросил священника дать мне Библию. А он, наверное, подумал, что я решил сворачивать из Библии самокрутки. Он, конечно, не дал мне ничего, но, когда он отвернулся, я стырил что хотел. И сунул под джемпер.

— Только не рассказывай, что тебя поймали.

— Да, меня обыскали, а когда нашли Библию, то заперли в карцер на двадцать четыре часа.

— Ничего себе!

— Но вся штука в том, что они нашли не все! Другую Библию я спрятал в штаны. — Глаза Даррена заблестели.

Я не мог не рассмеяться.

— Ладно, теперь у меня было чем заняться в карцере, — продолжал он. — Мне хотелось найти то место, о котором ты говорил. Но я понятия не имел, где искать. Я пытался вспомнить, о ком ты говорил тогда. То ли об Иакове, то ли об Иоанне или Джеке... Я ведь ни разу прежде не держал в руках Библию.

— Это место из Евангелия от Иоанна, — сказал я вполголоса.

— Теперь-то я и сам знаю, — просиял Даррен. — Я достучался через стенку к парню в соседнюю камеру.

«Эй, братан, ты что-нибудь понимаешь в Библии?» А он мне в ответ: «Да, я христианин. А что ты хочешь знать?» Я рассказал ему, что ты говорил мне об Иисусе, как Он сделал тебя свободным, а он и говорит: «Загляни в Евангелие от Иоанна». — Даррен продолжал: — Я покопался в оглавлении и начал читать это Евангелие с самого начала. А чего мне оставалось делать? В потолок что ли плевать? — рассмеялся Даррен. — Сначала я ничего не понял, Тони. Всю эту чепуху, что сначала было Слово, и Слово стало Богом... Абракадабра какая-то. Но потом стало понятно... Иисус превратил воду в вино, а еще там была одна... ну, самарянка... у колодца. Вот только как Он узнал, что у нее было столько мужей, непонятно. Разве это не интересно? Интересно!

— Еще бы, — согласился я спокойно, — это действительно интересно.

— Так я и прочел всю книгу. Откопал то место, о котором ты говорил, — «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». Я читал и читал, а потом стал думать.

Даррен замолк, словно хотел услышать мое мнение.

— Мне кажется, дружище, что я понял. Я действительно понял это место, — сказал он. — Я прочел об Иисусе и поверил в Него. Вчера вечером я даже заговорил с Ним. Что же, значит, я теперь — христианин?

Я сидел остолбеневший, изумленный и потрясенный. Я делал все возможное, чтобы выгнать Даррена. Но Бог показал мне, что Он хочет сделать меня Своим орудием, несмотря на мое сопротивление. Словно Он говорил мне: «Вот теперь ты сокрушен и немощен, и Я могу совершать Свой труд через тебя».

— Ты плачешь, братан? — Голос Даррена прервал мои мысли.

Я торопливо вытер увлажнившиеся глаза. Я даже не знал, что и сказать ему, но ему хотелось поговорить. И мы говорили долго, до самого отбоя. Даррен рассказывал о себе. Он был сирота. Его передавали из

одной приемной семьи в другую, а когда он подрост, у него начались проблемы с полицией. Тюрьма стала для него родным домом. Он не первый раз сидел здесь. На этот раз его посадили потому, что он приревновал свою подругу к какому-то парню. А потом взял и ударил того парня бутылкой по голове.

— После этого она бросила меня, — сказал Даррен, — и теперь, мне кажется, она гуляет с ним.

— Давай помолимся об этом, — предложил я.

Даррен страшно нервничал. Молиться со мной было для него трудным делом.

— Я не знаю как, — сказал он.

Я склонил голову и заговорил с Богом, как до того Даррен говорил со мной. После этого мы с Дарреном много дней провели вместе. Он часто просил меня помолиться с ним. Мы стали изучать Библию. Точно так же я вел себя с моими друзьями в Никосии.

Жизнь у Даррена была непростой. Он был зависим от наркотиков. Достать их в тюрьме не было проблем. И многие употребляли их несмотря на то, что в тюрьме регулярно устраивали проверки — делали экспресс-анализ, и в случае его положительного результата наркоманы лишались амнистии, досрочного освобождения и даже повторно осуждались за употребление наркотиков. Это стало образом жизни для многих заключенных. Даррен страдал, в прямом смысле этого слова, от своей зависимости. Гашиш иссушал его мозги. Он начал курить уже в двенадцать лет, и теперь мучился от депрессии и паранойи. Я убеждал его, ограждал от наркодилеров и молился с ним о его исцелении. Иногда он находился в ремиссии несколько недель подряд. И это было его огромным достижением. Я отчаянно пытался помочь Даррену. Ведь именно он был тем человеком, который вернул меня к должным отношениям с Богом.

Общаясь с ним, я понял, что нет у меня никакого права держать Благую весть в тайне. Мне следовало позволить Богу действовать через меня. Кроме того,

я понял, что все должно совершаться в свое время. Не надо больше никакой широкомасштабной евангелизации. Никакой самонадеянности. Никаких упований на собственные силы. Мне следовало пасть ниц и покаяться перед Богом. Моя молитвенная жизнь должна радикально перемениться. Я понял, что прежде не уделял молитве должного внимания. Я всегда был слишком занят для такого рода служения. Мои молитвы напоминали мне список требований, которые я предъявлял Богу и затем ожидал их исполнения. Как ни странно, все это время Бог хотел, чтобы я остановился и просто побыл в Его присутствии. Теперь я понимал, в чем нуждался больше всего, — в том, чтобы проводить свое время с Богом, слушая Его.

Вытащив лезвие из безопасной бритвы, я вырезал бумажный крест. На нем я нарисовал горный пейзаж с ручьями, деревьями и травой. С помощью зубной пасты я «приклеил» мое рукоделие на оконное стекло. Моя камера находилась на первом этаже и окном выходила во внутренний двор, где занимались зэки. Я содержал свою камеру в безупречной чистоте и порядке. Это был негромкий, простой способ благовествовать. Я дал обет делиться с заключенными всем, чем могу, и с каждым быть предельно открытым и дружески настроенным.

Медленно, постепенно люди стали обращаться ко мне за советом. Рассказывать о себе было просто: и зэкам, и надзирателям, и тюремному начальству. Многие поражались, узнав, каким образом я попал в Баллингдон. Им было непонятно, отчего это просто несчастный случай на дороге послужил основанием для вынесения такого приговора. Меня часто называли «невинно пострадавшим». Это не раз давало мне повод признаваться в том, что я способен совершать ошибки, несмотря на то что я христианин.

— По-моему, мне здесь самое место, — говорил я. — Бог допустил, чтобы я попал сюда, чтобы преподать мне очередной урок.

Вскоре все стали называть меня «пастором», а иногда и «торговцем надеждой» (в противоположность «торговцам наркотиками» в тюрьме!).

Каждый день, во время сорокаминутной утренней разминки во дворе, я имел возможность свидетельствовать о Христе. Однажды со мной поравнялся Найджел Питерс — человек, отбывающий срок за убийство. Это был лысый, чисто выбритый человек лет тридцати пяти. Он никогда не курил и поддерживал себя в неплохой форме с помощью ежедневных пробежек. Мы с ним прошлись не спеша и рассказали друг другу о своей жизни.

— Я заметил, что ты не такой, как все, — сказал он. — Все остальные кичатся своими преступлениями. А ты, как я слышу, только и говоришь о Боге.

Я улыбнулся ему на ходу.

Пару дней спустя я столкнулся с Найджелом, выходящим из гимнастического зала. Пот градом катил с него.

— Ну, как, хорошо потренировался? — спросил я.

— По правде сказать, я устал от всего, — ответил он. Мне он показался и впрямь подавленным и расстроенным.

— Я сижу уже четырнадцать лет, Тони. И никогда не совал свой нос куда не следует. Теперь посмотри на меня, во что я превратился.

Найджела только недавно перевели в Баллингдон из другой тюрьмы. Режим в ней был не такой строгий, как здесь. Там-то он заслужил освобождение от работы на один день в неделю, но потом лишился его из-за неприятностей с наркоманами в его блоке.

— Сошелся с ними одним вечером, и все — потерял все льготы, — сказал он мне. — У меня тогда просто крыша поехала. Вот меня и перевели сюда. Никакой надежды получить выходной до конца срока, а это значит торчать здесь безвылазно еще около трех с половиной лет подряд.

Мы шли некоторое время молча.

И вдруг совершенно неожиданно он спросил:

— Ну, разве есть Бог на свете, если такое происходит в жизни сплошь и рядом?

Я подумал некоторое время, а затем предложил:

— Давай я расскажу тебе одну притчу?

— Ну, давай, послушаю.

— Один корабль налетел на подводные рифы и разбился. После кораблекрушения в живых остался один человек. Каким-то образом он очутился на необитаемом острове, и только там до него дошло, в какой отчаянной ситуации он оказался. Тогда он горячо помолился Богу, но ничего не случилось.

— А что он ждал, если нет никакого Бога! — перебил меня Найджел.

— Тогда он построил себе хижину, чтобы укрыться от непогоды, — продолжал я. — Однажды он отправился на поиски пищи, а вернувшись, увидел, что его хижина охвачена огнем. В полдень было так жарко, что солома на крыше легко воспламенилась. Бедный человек смотрел, как сгорала его последняя надежда. И тогда он страшно рассердился. «Ну, как же Ты, Боже, допустил подобное?» — кричал он, угрожая небу кулаками. Той ночью он лежал под деревом, трясаясь от страха и холода. Утром его разбудили голоса людей. «Как вы нашли меня?» — спросил он их в изумлении. «Мы увидели дымовой сигнал», — ответили они.

Когда я закончил свой рассказ, Найджел только фыркнул.

— Иногда любовь Бога кажется нам Его ненавистью, — сказал я. — Мы не всегда понимаем, зачем Он допускает в нашей жизни что-то нехорошее. Вот и я не мог понять, зачем Он сделал так, что я оказался в этой тюрьме. И ты вот тоже не понимаешь сейчас, зачем ты потерял свои привилегии. Но мне кажется, что твоя последняя надежда — это твой дымовой сигнал.

— Очень может быть... — сказал Найджел.

— Послушай, — продолжал я, — есть одно место в Библии, в Послании к Римлянам, глава восьмая, стих двадцать восьмой: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу». То есть все, что происходит в жизни тех, кто любит Бога, идет им на пользу. Ключевое слово в этом стихе, Найджел, это слово *всё*. В этом слове сокрыто и плохое, и хорошее, в том числе и твои привилегии... Если ты уверуешь в Иисуса Христа, то даже в такой ситуации, как твоя, ты не будешь в проигрыше. Не смотри на нее как на поражение. В этих обстоятельствах, прямо сейчас, Бог трудится для твоей пользы.

Найджел остановился как вкопанный. Мне показалось, что эти слова коснулись его души.

— Он любит тебя, Найджел, Он заботится о тебе, как о Своем ребенке.

Найджел смотрел на меня.

— Спасибо за притчу, — сказал он и медленно отошел от меня.

На следующий день Найджел снова догнал меня во внутреннем дворе.

— Тони, эта притча, что ты рассказал мне, не идет у меня из головы, — начал он. — Ничего не могу поделаться с собой. Расскажи мне еще о своем Боге.

Я свидетельствовал ему о Христе и Его Благой вести, но я прекрасно понимал, что должен говорить не только о спасении. Я слишком хорошо знал о трудностях христианской жизни.

— Бог не избавит тебя от страданий, — сказал я Найджелу. — Но именно во времена скорбей Он сможет сделать тебя лучше. Я знаю по себе, как мало человек уповает на Бога, когда ему живется хорошо. Я с большим трудом усвоил этот урок, Найджел, но все равно я каждый день благодарю Бога за то, что Он привел меня сюда и преподал мне эту истину.

— Но я сомневаюсь, есть ли во мне вера, Тони...

— Не сомневайся, дружище, — возразил я. — Вот слушай. Ты проснулся сегодня утром. Ты дышал. Ты даже не подумал, чем ты дышишь. Мы не можем увидеть воздух! — Найджел улыбнулся, и я продолжил: — Когда ты садишься на стул, разве ты сначала хватаешь его и проверяешь, выдержит ли он тебя? Нет, ты этого не делаешь. — Теперь Найджел рассмеялся. — Вот так же и Бог, — сказал я, заглянув Найджелу в глаза. — Он *здесь*, тебе нужно просто поверить в это.

Найджел отвел взгляд и стал пристально смотреть в небо.

— Однажды мальчуган, — сказал я ему, — запускал бумажного змея. День был пасмурный. Подошел к нему дедушка и говорит: «Что ты тут делаешь?» Мальчик ответил: «Пускаю бумажного змея». Дедушка решил поддразнить его: «Но я не вижу никакого змея». Мальчик поднял голову и тоже не увидел своего бумажного друга. Он подумал немного и сказал дедушке: «Да, ты прав. Змея не видно, но он точно там. Я уверен, что он там. Ведь я чувствую, как натянута нитка». — Я повернулся к своему спутнику: — Найджел, если ты уверуешь во Христа, то почувствуешь эту связь с Ним.

В тот же вечер я написал Найджелу письмо. В нем я коротко изложил все, о чем говорил ему на прогулке, дополнил библейскими стихами и посоветовал прочесть те места, которые должны были помочь ему. Вскоре, получив мое письмо, он обрел твердую, непреклонную веру в Иисуса. После моего освобождения из Баллингдона его перевели в тюрьму в Челмсфорде, где я посещаю его по сегодняшний день.

Самыми упрямыми и несговорчивыми зэками в блоке были Балла и Фергюсон. Но вскоре и они гуляли по внутреннему двору в нашей компании. Балла был родом из восточной, самой бедной, части Лондона. Этот малый имел крепкое телосложение, могучие плечи и сильные руки. Со стороны казалось, что он лишен шеи.

Боксер-тяжеловес, да и только! На воле он работал агентом по взысканию долгов, а в тюрьме сидел за жестокое проявление расизма. Вся его семья была фанатично предана фашистской идее. Он, можно сказать, впитал ее с молоком матери.

Связываться с Баллой никому не хотелось, так что никто не доставлял ему неприятностей. Но от него доставалось всем, в особенности темнокожим и всяким полукровкам. И вот нашелся один из тюремных служащих, которому, по всей вероятности, подумалось, что он предотвратит очередную фашистскую агрессию Баллы в отношении темнокожих, если выложит ему некоторые сведения обо мне из моего тюремного досье. Эта информация конфиденциальна, но тюремные служащие в своих интересах нередко допускают ее утечку. Они знали о том, что я был трехкратным чемпионом мира по кун-фу, и имели доступ к информации обо мне из Интерпола.

— Его тут зовут Пастором, но этот парень известен во всем мире. Он может свернуть тебе шею, как цыпленку, голыми руками, — сказал этот служащий Балле.

Балла заинтересовался мной. По всей видимости, ему не давал покоя тот факт, что я не чистокровный белый. А еще ему хотелось узнать больше про кун-фу. Слухи о моем прошлом мгновенно разнеслись по тюрьме. Об этой части своей биографии я не любил распространяться, но именно мое «боевое» прошлое и вызывало некое почтение ко мне, особенно у таких упрямых буйволов, как Балла. Я предполагаю, что им было любопытно, почему такой парень, как я, делится своей пайкой, помогает другим зэкам писать письма и молится с каждым желающим.

— Смотри, пожалуй, я разобрался с этим кун-фу, — стал приставать ко мне Балла, когда мы однажды гуляли по двору. Он принялся изображать, будто наносит удары ногами и руками.

— А что, Будда мне нравится. Не то чтобы я особо религиозный... но для тебя, я знаю, он много значит. Я и сам хотел бы познакомиться с этим поближе — с буддизмом или, как его... шаманизмом, что ли? В конце концов, все одна дребедень.

Я остановился и посмотрел ему прямо в глаза.

— Да, ты уловил главное, дружище, — сказал я твердо. Балла был немного озадачен.

— То, о чем ты говоришь, это религиозный туман и ничего больше! Сплошное заблуждение! От религии мало толку. Одна ложь.

— Успокойся, Тони.

— Нет, послушай меня. На одной чаше весов — вера в Бога, на другой — все религии мира. Я верую в одного всемогущего Бога Творца и Сына Его, Иисуса Христа. Только Иисус говорит о Себе: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня».

— Ого, звучит довольно высокомерно!

— Это не высокомерие, Балла, а истина. В Библии, в Первом послании к Коринфянам, глава восьмая, стих шестой, записано, что у нас один Бог Отец, Который дает нам все, и один Господь Иисус Христос. Ты не должен, Балла, спорить с истиной или исказить ее, смешивая с мусором учений, придуманных людьми.

Мы снова пошли рядышком, и вдруг Балла сказал:

— Для тебя твоя вера — все равно что для меня «Миллуолл».

— О чем ты, Балла?

— Послушай, «Миллуолл» — лучшая команда, правильно? Единственная и неповторимая. А другие — так, ерунда.

— Продолжай, — сказал я, — интересно, куда это тебя повело.

— Туда же, куда и тебя, Тони. Ты понял? Для тебя это вера и твой Иисус. Для меня — футбольный клуб «Миллуолл».

Я подумал, что попусту трачу время, но посмеялся вместе с ним.

— Нет, нет, ты ничего не понял...

— Чего не понял?

— Иисус для меня не хобби и не выгодное дельце. Нельзя говорить, что я увлечен Иисусом так же, как ты своим футболом, а кто-то шахматами или бальными танцами...

— Полегче на поворотах, братан!

— Послушай, для меня Иисус — все. Он не просто хороший друг. Он — основа моей жизни. Он — сама жизнь. Ты можешь принимать это или не принимать — твое дело, но это так. Я уверен в этом так же, как в том, что небо голубое, а деревья — зеленые. Ничто не переубедит меня в обратном. Но я хочу, чтобы все остальные знали об этом. Это вопрос жизни и смерти.

— Вижу, ты сел на любимого конька! Пусть так, ты в это веришь, но это твоя вера.

— Не только моя, но и миллионов других, которые совершили шаг веры и открыли истину для себя.

— Да, но я не один из них...

— О'кей, предположим, ты сидишь в пабе, вокруг твои приятели, вы все вместе смотрите грандиозный футбольный матч. Судья назначает свободный удар, но тебе надо срочно помочиться. Ты отлучился, а в это время удар-р-р — и ваш вратарь ловит мяч. Ты прибегаешь назад, а твои друзья в экстазе — орут, как сумасшедшие. Они видели этот удар и прыжок вратаря. Это лучший эпизод. Такого ты никогда не видел. Вратарь спас всю команду! Ты в шоке, что пропустил такую картинку. Но сомневаешься ли ты в этом? Конечно, нет! Ты веришь этому, хотя не видел сам. Ты веришь, поскольку твои приятели не могут не говорить об этом. Тебя здесь не было, и ты пропустил лучший футбольный эпизод всех времен и народов, когда один вратарь спас всю команду, но они видели, и поэтому ты веришь.

— Теперь понятно. То, что я не видел это своими глазами, не значит, что это неправда. Ты утверждаешь, что Иисус существует, и это, может быть, так, хотя я Его не видел.

— Правильно. Я говорю тебе, что Иисус даровал нам спасение, когда умер на кресте за тебя и за меня. Я поверил в это, когда об этом мне рассказал один человек. Теперь я верю, что Иисус спасает, я сам убедился в этом. Я не перестану радоваться этому спасению до конца своих дней.

— Хочешь сказать, я все еще сижу в сортире?

— Нет, Балла, ты уже вышел оттуда, когда я рассказывал тебе об Иисусе. Теперь тебе надо подойти к стойке и взять бесплатную пинту пива.

— Вот это другой разговор! Наконец-то ты заговорил по-людски.

— Да, там уже приготовили для тебя кружку, — сказал я с улыбкой.

Балла понял меня. Потом у нас было много подобных бесед. И я все еще молюсь за него, чтобы он в один прекрасный момент нашел истину.

Фергюсон был таким же «крепким орешком». Чернокожий парень, конкурент Баллы в борьбе за власть. Он работал в пищеблоке. Однажды и он подошел ко мне:

— Эй, Тони. Я слышал, что ты вроде христианин.

Я притормозил, соображая, не собирается ли он двинуть меня ногой. Как бы половчее отразить удар?

— Да, похоже, что так оно и есть, — сказал я, стараясь не показать своего страха.

Его реакция несколько удивила меня.

— У меня жена только что умерла, — сказал он.

Я тут же внутренне собрался. Итак, он хочет выместить свою злость на мне. Прошла секунда, две, три... Я почувствовал, как его рука легла мне на плечо.

— Помолишься за нее? — спросил он.

В себя я пришел не сразу.

— Конечно, я помолюсь за нее, — сказал я, — но я также буду молиться Богу и за тебя, поскольку тебя-то Он оставил в живых.

Мы разговорились. Он открыл мне все свои страхи и переживания по поводу того, что может случиться с его детками. Все, что я мог сделать, это молиться с ним, и он принял это с благодарностью.

После этого случая Фергюсон неизменно приносил мне добавку в виде апельсинов и пудинга всякий раз, когда он дежурил в пищеблоке.

Работа, на которую стремились попасть все заключенные, была работа «красными повязками». Им платили до пяти фунтов в неделю. «Красным повязкам» доверяли уборку территории за пределами блока. Они уходили и возвращались без всякого контроля. Однако начальники, определяя зэков на эту работу, проявляли сугубую осторожность. Тюрьму по периметру окружала высокая стена, но при желании и соответствующих физических способностях любой мог преодолеть ее без особых проблем. Для меня эта работа была даром от Бога. Легкой и чистой ее назвать было нельзя, но я получал огромное удовольствие, трудясь в одиночестве на свежем воздухе. Каждый день с помощью совка и метлы я собирал до двадцати больших мешков мусора только со своего участка. Баллингдон относится к пенитенциарным заведениям категории «В», иначе говоря, это была тюрьма строгого режима, но поразительно, люди здесь имели все, что хотели. Тюремный блок представлял собой двухэтажное здание с выходящими во двор окнами, из которых заключенные выбрасывали одноразовые шприцы, презервативы, гнилые фрукты, бутылки, газеты и нередко испражнения. Некоторые люди вели себя хуже зверей.

Находились и такие, что завидовали моим привилегиям. Из окон в меня часто летело все, что попадало завистникам под руку: от бутылок до апельсинов

или обмылков в носках, а иногда лился крутой кипяток. Уклоняться от этих «снарядов» было сложно, и я постоянно молился за работой. Со временем я познакомился с большинством эков из камер на нижнем этаже. А вскоре я уже свидетельствовал о Боге в той или иной форме каждому из них. В одной камере сидели два поляка, Анджей и Болек. Они были профессиональные похитители, жестокие и грубые. Оба отбывали длительный срок. Один из них говорил на ломаном английском, но общаться с ним было не очень-то просто.

Однажды ночью я сел за письмо полякам, чтобы объяснить им Благую весть на простейшем английском. При этом я использовал и некоторые греческие слова, полагая, что для поляков они будут понятны. Несколько дней спустя, когда я подметал под их окном, меня окликнул Анджей.

— Спасибо, Тони, за письмо. Только нам не совсем понятно, — сказал он взволнованно, — ты что, знаешь польский?

— Что? — сказал я удивленно.

— Да твое письмо... Прекрасный польский, — улыбнулся Анджей. — Мой приятель здесь все разобрал. Большое спасибо.

Я был растерян. Ведь по-польски я не знал ни слова.

— Этого не может быть, — сказал я. — Я писал на английском и греческом.

Анджей выглядел озадаченным. Он исчез, бормоча что-то по-польски. В окне появился Болек, приветствуя меня с письмом в руке.

— Да, да. Хороший польский. — Вот и все, что он мог сказать, улыбаясь до ушей.

Теперь до меня дошло, что произошло чудо. Бог действовал и тут.

Я воздал Ему хвалу и славу и, помолившись, продолжил свою работу. Закончив с уборкой, я позвонил, чтобы меня пустили назад, в главный блок. Охранники нередко «забывали» про меня. Я понял, что так они

давали мне время посидеть на траве и почитать Библию или полюбоваться зелеными холмами, окружавшими тюрьму.

Однажды из камеры на верхнем этаже прозвучал голос:

— Эй, Пастор, Иисус умер, знаешь?

Я сразу насторожился. Мне доставалось от этого зэка и раньше. Он швырял в меня бутылки и ругал на чем свет стоит, но я никогда не видел его. Я инстинктивно схватился за лопату, словно хотел шарахнуть его по голове. Но вовремя опомнился, подумав о том, как бы поступил на моем месте Иисус, и решил просто проигнорировать его. Но тот все никак не унимался. Он вел себя нагло и теперь смеялся как безумный. Надо было как-то реагировать. Меня душил гнев. Но я ведь принял твердое решение..

— Нет, ты совершенно не прав, — сказал я как можно спокойнее. — Иисус жив. Я знаю это, потому что Он живет в моем сердце, а раз так, то я прощаю тебя. Да благословит тебя Господь!

На миг воцарилась тишина. Мне стало понятно, что за этим последует. Я остановился, наклонил голову и стал читать двадцать второй псалом по памяти...

Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня...

Крутой кипяток полился на меня из верхнего окна. Я застыл на месте. От моей одежды пошел пар, но вода почему-то показалась мне не горячей, а даже слегка прохладной. На мне не осталось никаких ожогов. Я постоял в некотором недоумении, а потом позвал обидчика:

— Эй, ты, подойди к окну! — В ответ раздался дикий смех. — Что, струсил? — закричал я. Тишина. Что же делать? Пришлось позвать его снова. — Я хочу, чтобы ты знал, кем бы ты ни был: я не стукач, так что доносить на тебя не стану. Я даже не стану искать тебя. Если бы я

не был христианином, то вышиб бы тебе мозги, но для этого я очень люблю Иисуса. Я сижу здесь за свои грехи, и мне очень стыдно. — Сверху — ни звука. Я продолжал: — Я хочу, чтобы ты знал: я прощаю тебя во имя Господа Иисуса Христа. Да благословит тебя Господь!

Все случившееся могли видеть и слышать многие люди.

— Отделай его, Тони, — советовали мне. — Только скажи, откуда полилась вода, и мы отыщем его.

— Нет, я не собираюсь этого делать, — отвечал я.

Все подумали, что я просто тронулся. К тому времени, когда я вернулся в блок, надзиратели уже знали о происшедшем.

— Скажи нам, кто это был, Тони. Мы сделаем все, что положено, — пообещали они.

— Нет, я не буду доносить на него. Я дал ему слово.

— Но нельзя же оставить его без наказания, просто так, — возразили мне. Один из надзирателей взял меня за руку и стал спокойно объяснять: — Послушай-ка, мы закроем на все глаза. Пойди наверх и дай ему, чего он заслуживает. А мы войдем через пару минут и добавим от себя.

— Вы знаете, что я не могу этого сделать, — сказал я. — Я теперь иду другим путем.

Надзиратели были в шоке. Я попытался объяснить:

— Знаете, мне просто хочется простить этого человека. Сила прощения дает свободу. Прощение выше возмездия.

Я рассказал им о древнем иудейском обычае, когда в юбилейный год князья и цари освобождали заключенных и отменяли все долги.

— Уверовать в Иисуса Христа — значит получить такое же освобождение, — сказал я. Это такой же юбилейный год — радостное время торжества и веселья. Прощение приносит истинную свободу и счастье людским сердцам. И наоборот, ненависть заключает

в пожизненную тюрьму. Я знаю, что обязан простить этого человека, кем бы он ни был.

Надзиратели переглянулись и пожали плечами. Один даже похлопал меня по спине.

— Ты лучше меня, Пастор, — улыбаясь, сказал он.

Я так и не отомстил тому человеку, но позднее до меня дошли слухи, что мои друзья с нижнего этажа выяснили, откуда пролился на меня кипяток. И как только представился случай, они поднялись наверх и разобрались с ним по-своему. Больше у меня проблем с ним не было.

Глава 16

Часовня всегда была хорошим местом встреч. Заключение шли туда, потому что для них это была возможность выбраться из своих камер. Священник Англиканской церкви не слишком усердствовал в проповеди Евангелия. Он работал в тюрьме уже долгие годы, и работа была для него невероятно скучным делом. Каждый вечер он возвращался во внешний мир, но был таким же пленником, как любой из нас, заключенных в камерах. Мое свидетельство о Христе, естественно, раздражало его, но, тем не менее, он мне не препятствовал.

Не было ни одной недели, чтобы заключенные не обращались к Богу. Мы стали регулярно собираться в часовне, беседовать, читать Библию и молиться. На наших собраниях всегда были любопытствующие. Некоторые впоследствии присоединялись к нашей тюремной общине. Красавчик Бислей — молодой парень, наркоман с бледной кожей и вороватым взглядом — был одним из них. Большую часть сознательной жизни он провел в зоне. «И чего я не видел там, на воле?» — признался он мне как-то в доверительной беседе. Каждый раз под конец своего срока он выкидывал какую-нибудь «штучку», причем достаточно серьезную, чтобы получить новый срок. «Здесь мой дом, — объяснял он мне. — На воле трудно. Я там никому не нужен. Одни заботы:

плати по счетам, ищи где жить. Это мне надо? А здесь я, по крайней мере, получаю трехразовое питание, кроме того, рядом мои друзья». Таких, как Красавчик Бислей, было много, даже очень много.

Например, еще один сиделец по кличке Чахоточный. Чахоточный всегда слонялся возле часовни. На воле он наслаждался славой национального героя. Как же, статьи о нем и его фотографии печатались во всех газетах, и все из-за его неумного усердия в борьбе за чистоту окружающей среды. А за решеткой он казался обыкновенным неудачником. Мало кто в Баллингдоне заботился о сохранении деревьев и пастбищ. Чахоточный был страстно увлечен язычеством и частенько встречался со своей «жрицей» в часовне. Она даже завела флирт со священником, и тот по воскресным дням нередко позволял ей вести часть богослужения по обряду Англиканской церкви. Это выводило меня из себя. Но я мог только молиться. И действительно, Бог вмешался. Не знаю, по какой причине, но свидания с Чахоточным «жрице» запретили.

Однажды ко мне в камеру ворвался Чахоточный. Нарочно толкнув меня, он сказал:

— Эй, я слышал о тебе и твоей сектантской чепухе. Это из-за тебя турнули мою подружку. Ну, подожди! Ты у меня получишь.

Резким движением я сбросил его руку со своего плеча. Он был порядком выше меня, так что, когда я встал, мои глаза оказались у него под самым носом.

— Теперь послушай меня, — сказал я. — Делай, что задумал. Если хочешь прямо сейчас, то я повернусь к тебе спиной, и ты сможешь ударить меня, — сказал я сквозь стиснутые зубы, глядя ему в лицо. — Но знай, — продолжал я, — что бы ты ни сделал, я собираюсь простить тебя. Я люблю тебя во имя Иисуса Христа. Я не хочу тебе никакого зла, а ты делай что хочешь.

Чахоточный молчал, впившись в меня взглядом. Никто из нас не знал, что произойдет в следующую минуту. Наконец, Чахоточный выругался и вышел.

Минуло шесть месяцев, и мне объявили о предстоящем освобождении. Я не знал, что ждет меня впереди, но здесь Бог преподавал мне столько замечательных уроков. Теперь я был другим человеком. И Сара духовно окрепла. Она стала больше доверять Богу и, так же как и я, больше времени проводила в молитве. Жизнь у нее и Этана была нелегкой, но мое сердце ожило, когда я услышал, с каким жаром она говорила о любви к Иисусу.

К своему освобождению, а это случилось 12 февраля 2002 года, я накопил немного денег. Напоследок мне хотелось сделать сюрприз парням, с которыми я провел многие месяцы. Я пришел в часовню, где собрались завсегдатаи и несколько новеньких.

— Что это у тебя в сумке, Пастор? — спросил Сэм Пол, парень, давший мне это прозвище (я, в свою очередь, стал называть его Хагридом*). Я перевернул сумку и высыпал на стол шоколадные батончики «Марс».

— Тут всем хватит, если по одному, — пытался я перекричать общий шум и смех. Шоколад пользовался огромной популярностью среди зэков, особенно среди тех, кто тратил все выдаваемые в тюрьме деньги на сигареты.

— Послушайте, парни, сегодня я здесь последний день. Как вы знаете, я не курю, и поэтому мне удалось сэкономить немного денег, чтобы сделать для вас что-нибудь приятное. Этим я хочу сказать вам: «Да благословит вас Господь».

Я обошел всю часовню, желая убедиться в том, что никто не обижен — все получили свой шоколад. Я обрадовался, увидев здесь и Чахоточного. Он выглядел слегка оробевшим. По христианской традиции мы встали в круг и благословили друг друга:

* Рубеус Хагрид — персонаж серии романов о Гарри Поттере английской писательницы Дж. К. Роулинг, преподаватель ухода за магическими существами и лесник в школе чародейства и волшебства «Хогвартс».

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми нами. Аминь.

Пока мы стояли, я окинул всех взглядом. Здесь было много заключенных, которые за эти месяцы переменились коренным образом. Стоял в кругу и Чахоточный. Он не молился с нами, но улыбался. Потом он подошел ко мне пожать руку на прощание.

— Все в порядке, братан, — сказал он.

— Бог да благословит тебя, — улыбнулся я, пожимая ему руку.

После освобождения я продолжал писать и Чахоточному, и многим другим. В ответ поступала масса писем, так что теперь это стало моим служением: я поддерживаю и ободряю многих заключенных в Баллингдоне. Кто-то уже вышел на свободу, кто-то переведен в другую тюрьму, но я стараюсь посещать их всех по возможности.

Из всех, кого могла за прошедшие шесть месяцев изменить тюрьма Баллингдон, не было, наверное, никого, кто изменился бы больше меня. Оглядываясь назад, на весь путь, который я прошел с того трагического случая, я понял, что Бог позволил мне пройти через духовную пустыню. Ведь только там Он мог проделать необходимую работу надо мной. Только там Он мог противостоять моей самонадеянности и излишнему рвению. Только там Он мог поставить меня на колени и научить смирению. Преподать этот урок мне было крайне необходимо.

Исследуя Священное Писание, я понял, что многие люди, избранные Богом, проходили испытание в духовной пустыне. Некоторых Бог проводил через настоящую пустыню. Моисей и сыны Израилевы после поразительного, чудесного освобождения из рабства провели в пустыне сорок лет. Я читал их историю в восьмой главе Книги Второзаконие и выделил следующий ключевой стих:

И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его или нет...

Я понял, что, подобно мне, сыны Израилевы не переставая грешили. Они нарушали завет с Богом, хотя видели великие и могущественные дела Божьи. Тем не менее Бог любил их. Я читал дальше и с удивлением находил, что Бог давал им воду, пищу, обувь и одежду, которая не ветшала. У Бога был Свой замысел в отношении этого мятежного народа. В конце концов Он даже заговорил с ними, и народ Израиля получил новое откровение — Десять заповедей.

Листая Библию дальше, я открывал для себя, что все важнейшие события происходили в пустынных местах. Я исследовал Писание от корки до корки и был поражен, обнаружив, что одно из еврейских слов, обозначающих пустыню, переводится как «место, где говорит Бог».

Мне хотелось познавать Бога все глубже и глубже. Я знал, что Иоанна Крестителя называли «гласом вопиющего в пустыне». Исследуя характер этого величайшего пророка, я многое открыл для себя. Я начал понимать, каким Бог желает видеть меня. Служение пророка Иоанна по человеческим меркам было весьма успешным. Многие, принимая его проповедь близко к сердцу, вставали в очередь, чтобы креститься. Я мечтал стать благовестником наподобие Иоанна Крестителя. Однако сам Иоанн понимал, что смысловым центром его проповеди был не он сам. Он должен был стать предтечей, подготовить путь грядущему Мессии. Читая Евангелие от Иоанна, я отметил стих тридцатый из главы третьей, где Иоанн Креститель говорит об Иисусе: «Ему должно расти, а мне умаляться».

Чем больше я размышлял над этим местом Священного Писания, тем больше восторгался. Даже Иисус, читал я, был влеком Святым Духом в пустыню. Он пре-

бывал там сорок дней и сорок ночей и трижды был искушаем сатаной. В отличие от большинства библейских героев, Иисус оставался послушным Своему Отцу. Он выстоял во всех искушениях мира сего. «Иисус — лучший образец для подражания!» — решил я.

Я с удовольствием вспоминал время, которое Баллингдон предоставил мне для исследования Библии и познания Иисуса Христа. Проявляя духовную силу в борьбе с сатанинскими искушениями в пустыне, Иисус оставался совершенным образцом смирения. Сокрушенный телом и духом, Он понес на Своих плечах все грехи человечества и умер на Голгофском кресте за всех. Я обратился к Ветхому Завету, чтобы исследовать, что пророки предрекали о Нем. В двадцать первом псалме я отыскал пророческие слова о Самом Иисусе. Седьмой стих задел меня за живое, он напомнил мне о моем прежнем понимании боевого искусства кунфу и о животных, которым я подражал. «Я же червь, а не человек», — сказал Давид. Я вспомнил, как овладевал стилем змеи. Отражая нападение, змея поднимается, шипит и наносит ответный удар. Это подлинное изображение человеческого «я». Червь же, наоборот, никак не сопротивляется. Он позволяет делать с собой все, что тебе вздумается. Ты можешь поддать его ногой или раздавить. Таков образец истинного смирения!

Долго я сидел, рассуждая об этом образе. Иисус, Сын Божий, Творец вселенной, хотел, чтобы Его раздавили, как червя, и все это ради меня и таких, как я. Во сколько же раз больше скорбей следовало перенести мне ради Него? Иисус не искал совершенного христианина, безупречного во всех отношениях. Но я мечтал стать именно таким. Как все живущие в этом мире, я попал в водоворот искушений, меня затянула работа, кредиты, желание иметь лучший автомобиль, да и вообще все самое лучшее. Я вспомнил слова Иисуса из притчи о сеятеле, которая записана в Евангелии от Марка (4:19): «...но в которых заботы века сего, обольщение богатством

и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода». Разве грех иметь хороший дом и красивые вещи, рассуждал я. Но теперь я увидел, как Иисус учит относиться ко всему этому. Я сам не заметил, как моей целью стала сытая, благополучная жизнь. Так произошло смещение моего духовного центра. Я был увлечен погоней за земным, а не поисками Бога.

С первых дней моего обращения к Богу я изучал жизнь апостола Павла. Это был человек, на которого я походил во многом. Как и я, Павел был великим грешником. Как и я, он встретил Иисуса при невероятных обстоятельствах. Как и я, он был заключен в тюрьму. Павел писал о себе так: «Молитесь также и о нас, чтобы Бог отверз нам дверь для слова, возвещать тайну Христову, за которую я и в узах...» (Кол. 4:3). Находясь в тюрьме, я размышлял. Через тюремное окно я видел эков, гуляющих во внутреннем дворе. Одни из них кичились своим преступным прошлым. Другие, как и я, стыдились и калялись. Так или иначе, размышлял я, все они были в узах собственной греховности. Как бы мне хотелось, чтобы они познали спасительную благодать Иисуса Христа.

Я часто записывал приходящие мысли, а иногда машинально чиркал карандашом по бумаге, размышляя над Священным Писанием. Заглянув в блокнот, я понял, что бессознательно выводил кантонские иероглифы. Я улыбнулся, когда увидел, что написал по-китайски «праведность» и «агнец». В Евангелии от Иоанна так назван Иисус: «...вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1:29). Какой прекрасный символ праведности, которую Бог предлагает грешникам по вере во Христа!

Во время моего пребывания в тюрьме Баллингдон я просил Бога указать мне мой дальнейший путь. О многом предстояло позаботиться. Меня волновало,

как сложатся мои отношения с Сарой и Этаном. Сара научилась жить без мужа. Этан никогда не знал меня, своего отца. Как я впишусь в их уклад жизни? Сара подыскала нам дом, но мне предстояло еще устроиться на работу, чтобы иметь необходимые средства к существованию. И кто возьмет меня с моим, что ни говори, а все же «волчьим билетом» из Баллингдона?

Прежде всего я поставил перед собой цель — не быть таким христианином, каким я был перед заключением в Баллингдон. Я просил Бога дать мне сил продолжить труд для Него, свидетельствовать о Нем и благовествовать. Но на этот раз все должно быть совершенно иначе. «Умоляю Тебя, Господи, окружи меня людьми, которые смогут поддержать меня и помочь мне жить в кротости и смирении перед Тобой», — молился я.

Бог ответил на мои молитвы, причем на каждую в свое время. Через два дня после моего освобождения Сара призналась мне, что у нее такое чувство, словно я всегда был рядом с ней, никуда не отлучался и никакого Баллингдона не было и в помине. Как она переменилась! Бог смирил и ее, поставив на колени. Листочки с библейскими стихами были на холодильнике и повсюду в доме. Этан быстро привык ко мне. Мы играли с ним и веселились. Сердце мое переполнялось радостью всякий раз, когда он с пронзительным криком «Папа!» бросался в мои объятия. Многому мне пришлось научиться у него.

К концу первой недели моего пребывания на свободе я нашел себе работу официанта в ресторане. Я был честен с директором и признался, где провел последние шесть месяцев. Несмотря на мой «волчий билет» он с радостью принял меня в свое заведение. Зарплата, разумеется, была мизерная, но я во всякий день появлялся на работе с улыбкой на лице. Моя улыбка и была моим свидетельством о Христе. Меня снова переполняла радость. Я понял, что Бог предоставляет мне второй шанс, и это вдохновляло меня. Желание использовать

свою сокрушающую силу исчезло, я чувствовал, как Иисус открывает во мне все новое и новое. Я учился видеть истинные лица людей, скрытые под маской благополучия. Вокруг меня было столько несчастных грешников, что мне хотелось всем говорить об Иисусе. Часто в автобусе или в ресторане я вступал в разговоры с незнакомыми людьми. Со стороны мое поведение могло показаться странным, но для меня это не имело никакого значения. Я столько раз подводил Бога, но Он никогда не стыдился меня, и мог ли я теперь стыдиться Его?

Таким образом, я смело рассказывал о Христе всем и всюду. В то же самое время Бог показывал мне, что к каждому человеку должен быть свой подход. Не все, кого я встречал на своем пути, нуждались в прямом, напористом благовествовании. Одним хотелось, чтобы я просто улыбнулся, другим — чтобы внимательно выслушал. Иногда я вручал своему собеседнику кое-какую христианскую литературу или буклет с рассказом о моем обращении к Богу, который я составил именно для раздачи. В буклете был номер моего контактного телефона и предложение связаться со мной в случае необходимости. Меня поражало количество телефонных звонков. «Сегодня мы разговаривали с вами в автобусе...» или «Мы познакомились несколько недель назад в универсаме...». Встречались люди, которые выросли в христианской среде, и такие, которые некогда вступили в завет с Богом, а потом отпали от Него. Были и те, которые никогда не встречали никого, кто говорил бы им о Боге таким доступным для понимания языком. Многие обращались ко мне лишь затем, чтобы выговориться, излить, как благодарному слушателю, свои беды и скорби.

Тем временем я взялся за скромное служение в нашей баптистской церкви на Ли-роуд. Братья и сестры во время моего заключения в Баллингдоне оказывали огромную поддержку мне и Саре. Они с любовью при-

няли меня и теперь, после моего освобождения. Мне хотелось сразу же включиться в церковное служение, но я ждал Божьих указаний. Перед самым освобождением из Баллигдона сильное впечатление на меня произвело одно место из первой главы Книги Деяния. Когда Иисус являлся Своим ученикам после воскресения, они задавали Ему вопросы, желая знать Его намерения. Он же велел им оставаться в Иерусалиме, пока они не получат обещанного от Отца. То же самое Бог повелевал и мне — «жди обещанного в свое время».

Пастор Стивен Хембери относился ко мне с пониманием и всегда принимал благосклонно. Он знал о моем опыте, который я приобрел, работая с молодежью, и поощрял мою активность в работе с местными подростками и в молодежных миссиях. Он пригласил меня выступить в церкви со свидетельством о моем обращении к Богу. Я хотел рассказать о многом и поэтому поделил свой рассказ на две части. Со второй частью своего свидетельства-проповеди я выступил примерно через полгода. Обе проповеди были выслушаны с большим вниманием. Все поражались рассказу о моем детстве, юности и первой встрече с Богом. Мало кто из этих людей имел отношение к кун-фу и сталкивался с насилием, но важно другое — некоторых слушателей мой рассказ впервые в жизни убедил в реальности Иисуса Христа. Тот день для меня был большим праздником.

Однако более ошеломляющая реакция последовала после моего второго выступления. Большинство людей в нашем собрании были христианами на протяжении многих лет. Некоторые попались в те же сети, что и я перед тем трагическим дорожным происшествием. Эти люди искали широких и пыльных путей в своем хождении пред Богом. Они утратили любовь к Иисусу и перестали говорить о Нем своим ближним. Многие из сидящих передо мной, я это хорошо понимал, были добрыми, честными людьми. Не жалея сил, они трудились для своей церкви и от всего сердца любили друг друга.

— Однако стремитесь ли вы действительно исполнять волю Божию? — спрашивал я их. — Или вы служите Богу, полагаясь только на себя и свои силы, и идете тем же путем, каким шел я?

Здесь я особо выделил слова апостола Павла, записанные в Послании к Галатам (2:20): «... и уже не я живу, но живет во мне Христос».

— Я пришел к тому пониманию, — говорил я своим друзьям, — что Иисус не может жить во мне и являть Себя через меня до тех пор, пока мое гордое «я» не будет сломлено. Упрямство, себялюбие, — продолжал я, — всегда находят себе оправдание, и человек, страстно желая идти своим путем, противится истине и жаждет собственной славы. До тех пор пока вы не смиритесь пред Богом, пока вы не признаете своего греха и не посвятите себя полностью Иисусу, Он никогда не войдет в вашу жизнь и не будет действовать в вас по Своей воле. Вы никогда не познаете полноту жизни и радости в Нем, вы будете довольствоваться лишь мимолетными радостями исполнения своих эгоистических желаний.

Мертвая тишина воцарилась в церкви. Я продолжал говорить о своем «пустынном» опыте, поскольку понимал, что многие в собрании поймут меня, и поймут очень хорошо. Не надо сидеть за решеткой, чтобы почувствовать себя покинутым, одиноким и находящимся на грани краха. Рассказывая о себе, я мог ободрить их.

— Иногда Бог обращается к Своим детям в пустыне. Когда все, казалось бы, потеряно, можно услышать Его тихий голос, взывающий к вам в пустыне. Не страшитесь испытаний, — говорил я им. — Когда придут скорби и страдания, встречайте их как возможность проявить свою веру в Бога и послушание Ему. Будьте спокойны! Помните, что Бог любит вас и позаботится о вас. Доверьтесь Ему. Он знает, что делает. Прислушайтесь к Его голосу, чтобы понять Его волю, благую и совершенную.

К концу проповеди многие рыдали, плакал и я. Ко мне подошла одна пожилая сестра. Ее лицо сияло любовью к Иисусу. Она поблагодарила меня за проповедь и предостерегла:

— Ты прошел долгий и трудный путь в пустыне, — сказала она. — Однако не думай, что Бог не заведет тебя туда снова.

Я вздрогнул. Это было так неожиданно.

— Бодрствуй. Будь ближе к Нему, — сказала сестра.

С этим она и ушла. Ее слова я сохранил в своем сердце. Помня об этом, я отдаю себя Иисусу каждый день и знаю, что Его труд во мне только начинается.

В течение последних нескольких лет я рассказывал свою историю в церквах, школах, домах престарелых, на улицах, в тюрьмах, в спортивных залах и во многих местах по всей Великобритании. Бог продолжает отвечать на мои молитвы и вдохновлять меня на проповедь Евангелия.

Моя история — это свидетельство для всех людей о Боге и о том, как Он исцеляет человека, сломленного судьбой, как прощает беззаконника, как возрождает к новой жизни, как наполняет радостью и надеждой на будущее. Я молю Бога, чтобы вы, прочитав эту историю, могли сказать эти слова о себе.

Послесловие

(об авторах)

В 2003 году Тони Энтони при поддержке влиятельных людей организовал общество с ограниченной ответственностью «Аванти». *Avanti* в переводе с итальянского означает «идти, шагать», так что название этой организации восходит к Великому поручению Иисуса Христа:

Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь.

Мф. 28:19–20

Миссия «Аванти» создавалась для работы в союзе с поместными церквями, для помощи им в распространении Благой вести об Иисусе Христе.

В начале 2004 года Тони полностью посвятил себя евангелизационной работе, и в настоящее время он занимается только миссионерством. Он проповедует в школах и домах инвалидов, в тюрьмах, кинотеатрах и просто на улицах. Он рассказывает о себе и несет свет Благой вести и у себя на родине, и за рубежом. С помощью преданной и опытной команды единоверцев он проводит молодежные собрания, семейные праздники и целый спектр различных — от малых до крупномасштабных — миссионерских мероприятий. Особое значение миссия «Аванти» придает поместным церквям, ибо с их помощью можно благовествовать ближним и дальним безотлагательно, а главное — обоснованно, уместно, актуально. Группа Тони Энтони, сосредоточившись на обучении и подготовке будущих благовест-

ников, методах евангелизации и библейских курсах, рассчитанных на все уровни, побуждает церкви расти и развиваться.

Тони продолжает поддерживать многих заключенных в тюрьме Баллингдон (в том числе и тех лиц, которые были упомянуты в этой книге и которые содержатся в этом учреждении до сих пор), а также заключенных в других тюрьмах Великобритании.

Тони и Сара по-прежнему живут в Эссексе. Теперь у них два сына — Этан и Джейкоб.

Анджела Литтл зарабатывает на жизнь литературным трудом. В прошлом редактор журнала «Premier», она принимала участие в написании множества работ, изданных в издательствах «Authentic Media» и «Hodder & Stoughton». В настоящее время она живет в Нортхемптоншире с мужем Филом и сынишкой Сэмюэлем.

Для получения дополнительной информации о миссии «Аванти» посетите веб-сайт: www.avantiministries.com или свяжитесь непосредственно с Тони Энтони по электронной почте: tony@avantiministries.com

Оглавление

Благодарности.....	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	35
Глава 4	53
Глава 5	70
Глава 6	91
Глава 7	109
Глава 8	122
Глава 9	141
Глава 10	159
Глава 11	180
Глава 12	199
Глава 13	218
Глава 14	239
Глава 15	259
Глава 16	282
Послесловие	294

Серия «Посланники»

ДОРОЖНЫЕ ИСТОРИИ

Вошедшие в эту книгу истории — исповеди людей, которые еще не так давно были жителями одной большой страны, СССР. Их изломанные судьбы, жестокие испытания, нелегкий путь к Богу и спасению побудят читателей задуматься о собственном жизненном пути и вызовут отклик в сердцах всех, кому небезразличны вопросы духовного возрождения как отдельной личности, так и общества в целом.

Прочтите эту книгу, возможно, в ее героях вы узнаете самих себя, а в их проблемах — свои собственные. И тогда путь их духовного возрождения может многое подсказать и вам.

2007. — 320 с.
125х200 (обложка)

Миссионеры, наставники и пасторы, серия «ПОСЛАННИКИ» была открыта специально для вас. Молимся, чтобы наши книги оказались полезны в вашем нелегком деле

Сердце Тони Энтони не ведало страха. Трехкратный чемпион мира по кун-фу, он был решительным, отчаянным человеком, поднявшимся до вершин спортивного мастерства и постигшим все секреты своего дела. Будучи личным телохранителем богатейших и могущественнейших людей, он исколесил полмира. Его ждала поистине блестящая карьера... Но у Бога были другие намерения в отношении Тони Энтони. Ему пришлось пройти через тяжелейшие испытания, опуститься на самое дно, прежде чем он уверовал во Христа и стал Его верным учеником.

История Тони Энтони — самая настоящая быль, знакомство с которой не оставит вас равнодушными.